ISSN 1609–9672

И З В Е С Т И Я

Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины

№ 4 (157)

Гуманитарные науки

2026

Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины

ИЗВЕСТИЯ

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь
(свидетельство о регистрации
№ 546 от 06.07.2009 года)

Журнал включен ВАК Республики Беларусь
в перечень научных изданий Республики Беларусь,
в которых публикуются результаты
диссертационных исследований
(приказы № 207 от 13.12.2005, № 9 от 15.01.2010,
№ 57 от 16.05.2013)

Журнал включен в библиографические базы данных
ВИНИТИ и Научную электронную библиотеку
eLIBRARY.RU

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор С.А. ХАХОМОВ,
д-р физ.-мат. наук, доцент
Зам. главн. редактора Д.Л. КОВАЛЕНКО,
канд. физ.-мат. наук, доцент
Зам. главн. редактора А.Р. МИРОТИН,
д-р физ.-мат. наук, профессор
Зам. главн. редактора Г.Г. ГОНЧАРЕНКО,
д-р биол. наук, профессор, член-корр. НАН Беларуси

Члены редакционной коллегии:

Ф.В. Кадол, д-р пед. наук, проф.
В.Н. Калмыков, д-р филос. наук, проф.
В.И. Коваль, д-р филол. наук, проф.
И.В. Семченко, д-р физ.-мат. наук, проф.,
член-корр. НАН Беларуси
В.С. Смородин, д-р тех. наук, проф.
В.М. Хомич, д-р юрид. наук, проф.
О.Г. Шляхтова, ответственный секретарь

**Члены редакционной коллегии
по гуманитарным наукам:**

А.И. Зеленков, д-р филос. наук, проф.
Ю.А. Лабынцев (Россия), д-р филол. наук, проф.
А.М. Литвин, д-р ист. наук, проф.
Н.Н. Мезга, д-р ист. наук, проф.
С.И. Михальченко (Россия), д-р ист. наук, проф.
А.А. Станкевич, д-р филол. наук, проф.
Г.П. Творонович-Севрук (Польша),
д-р филол. наук, проф.
И.Ф. Штейнер, д-р филол. наук, проф.
Я.С. Яскевич, д-р филос. наук, проф.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
246028, Беларусь, Гомель, ул. Советская, 104,
Телефоны: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Интернет-адрес: http://vesti.gsu.by

Francisk Skorina Gomel State University

PROCEEDINGS

The Journal is registered in the Ministry of Information of Republic of Belarus
(registration certificate
number 546 dated 06.07.2009)

The Journal is included in the Republic of Belarus Higher Attestation Commission list of scientific publications of the Republic of Belarus, which publish the main results for the degree of Doctor (Candidate) of Sciences
(order number 207 dated 13.12.2005, number 9 dated 15.01.2010, number 57 dated 16.05.2013)

The Journal is included in bibliographic databases of the All-Russia Institute of Scientific and Technical Information (VINITI), Scientific electronic library eLIBRARY.RU

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief S.A. KHAKHOMOV,
Sc. D., Docent of Physics
Deputy editor-in-chief D.L. KOVALENKO,
PhD, Associate Professor
Deputy editor-in-chief A.R. MIROTIN,
Sc. D., Professor
Deputy editor-in-chief G.G. GONCHARENKO,
Sc. D., Professor, Corresponding Member NASB

Members of editorial board:

F. V. Kadol, Sc. D., Professor
V.N. Kalmykov, Sc. D., Professor
V.I. Koval, Sc. D., Professor
I.V. Semchenko, Sc. D., Professor,
Corresponding Member NASB
V.S. Smorodin, Sc. D., Professor
V.M. Homich, Sc. D., Professor
O.G. Shlyahtova, executive secretary

**Members of editorial board
for the humanities:**

A.I. Zelenkov, Sc. D., Professor
Y.A. Labyntsev (Russia), Sc. D., Professor
A.M. Litvin, Sc. D., Professor
N.N. Mezga, Sc. D., Professor
S.I. Mihalchenko (Russia), Sc. D., Professor
A.A. Stankevich, Sc. D., Professor
G.P. Tvoronovich-Sevruk (Poland),
Sc. D., Professor
I.F. Shteiner, Sc. D., Professor
Y.S. Yaskevich, Sc. D., Professor

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:
246028, Belarus, Gomel, Sovetskaya Str., 104,
Tel: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Site: http://vesti.gsu.by

© Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», 2026
© Educational Establishment «Francisk Skorina Gomel State University», 2026

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины

НАУЧНЫЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1999 г.
Выходит 6 раз в год

• 2026, № 4 (157) •
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ИСТОРИЯ • ФИЛОЛОГИЯ • ФИЛОСОФИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

История

Гавриловец Л.В. *Безвизовый режим между ПНР и ГДР: последствия его приостановки в 1980 г.* 5
Елизаров С.А. *Партийный аппарат Гомельской области 1943–1945 г.: механизм формирования, качественный состав* 12
Мищенко Т.А., Иванов В.С. *Оплот морской обороны Ленинграда в 1941 г.: военно-морская база Ханк* 19
Пілецкі В.А. *Гістарычная трансляцыя сацыяльна значнага досведу на тэрыторыі Беларусі (да канца X ст. н. э.) і яе адпаведнасць агульнаеўрапейскай практыцы (Частка 1)* 24
Тютюнков А.Н. *Положение женщин в организации служебной деятельности милиции в материалах газеты управления Рабоче-крестьянской милиции НКВД БССР «На варце Кастрычніка» в 1931–1941 гг.* 31
Шпет М.М. *Сравнительная характеристика флота западноанатолийских бейликов и Ордена госпитальеров в первой половине XIV в.* 36

Филология

Балашова Е.С. *Топос дом в романе «Поиски будущего» Кузьмы Чорного* 43
Бобрык У.А. *Семантычныя групы прозвішчаў Нараўлянскага раёна* 50
Ветошкина К.Н. *Сюжетно-композиционное развертывание жанра сторителлинга на материале белорусского интернет-издания «СБ. Беларусь сегодня»* 56
Калюк Н.В. *Динамика трансформаций неологизмов в русском и белорусском языках* .. 61
Коваль В.И. *Китайские устойчивые словосочетания с компонентом ма 马 (лошадь): семантика, происхождение, функционирование* 65
Козлова О.А. *Лингвистический анализ неймов в сфере коммерческой деятельности (на материале русского, белорусского и французского языков)* 69
Крицук-Тарасов Н.И. *Памятник «Чжуанцзы»: расчитывание синтаксической структуры предложений и прояснение ролевой структуры события* 75
Мурзіч Э.А. *Белетрыстычная паэтыка ў сюжэтах беларускага савецкага апавядання 1920-х – 1930-х гг.* 82
Протасеня Н.С. *Культурная семантика компонента 堂 ‘зал’ в архитектурном коде китайской лингвокультуры* 89
Скоробогатая Т.И. *Деривационные значения глаголов действия в русском и немецком языках (на примере глагола играть / spielen)* 96

Сыропарова П.А. *Особенности экспликации пространственного понятия «близко» в белорусской и китайской паремиологической картине мира* 101
Хазанава К.Л. *Малочныя вырабы ў беларускіх прыказках і прымаўках* 107
Цзи Хэхэ. *Болезнь и этническая идентичность российского писателя В.Л. Кигна-Дедлова* .. 111
Шэнь Цзячэн. *Русские и китайские заклинания от ночного детского плача* 116

ФИЛОСОФИЯ

Габинская А.А. *Ценности и социальные координаты в структуре национальной идентичности* 121
Охотницкая Е.М. *Сакрализация женского образа в христианской культуре: предпосылки возникновения и специфика* 128

Francisk Skorina Gomel State University

PROCEEDINGS

of Francisk Skorina Gomel State University

SCIENTIFIC, PRODUCTION AND PRACTICAL JOURNAL

Published since 1999
Released bimonthly

• 2026, № 4 (157) •
HUMANITIES: HISTORY • PHILOLOGY • PHILOSOPHY

CONTENTS

HISTORY

Gavrilovets L.V. *Visa-free regime between the Polish People's Republic and the GDR: the consequences of its suspension in 1980* 5
Elizarov S.A. *The party apparatus of the Gomel region in 1943–1945: the mechanism of formation, qualitative composition* 12
Mischenko T.A., Ivanov V.S. *The stronghold of Leningrad's naval defense in 1941: the Hanko naval base* 19
Piletski V.A. *Historical translation of socially significant experience on the territory of Belarus (until the end of the 10th century AD) and its compliance with the pan-European practice (Part 1)* 24
Tiutiunkov A.N. *The position of women in the organization of militia activities in the materials of the newspaper of the Directorate of the Workers' and Peasants' Militia of the NKVD of the BSSR «Na Vartse Kastrychnika» in 1931–1941* 31
Shpet M.M. *Comparative characteristics of the fleet of the Western Anatolian beyliks and the Order of Hospitallers in the first half of the 14th century* 36

PHILOLOGY

Balashova E.S. *The topos house in Kuzma Chorny's novel «Search for the Future»* 43
Bobryk U.A. *Semantic groups of surnames of the Narovlya region* 50
Vetoshkina K.N. *A narrative and compositional development of the storytelling genre based on material from the Belarusian internet newspaper «SB. Belarus Today»* 56
Kaliuk N.V. *Dynamics of neologism transformations in Russian and Belarusian languages* . 61
Koval V.I. *Chinese set phrases with the component ma 马 (horse): semantics, origin, functioning*. 65
Kozlova O.A. *A linguistic analysis of names in the sphere of commercial activity (based on Russian, Belarusian, and French languages)* 69
Kritsuk-Tarasov N.I. *Zhuangzi Monument: calculating the syntactic structure of sentences and clarifying the role structure of the event* 75
Murzich E.A. *Fictional poetics in the plots of the Belarusian Soviet short story of the 1920s–1930s* 82
Protasenia N.S. *Cultural semantics of the component 堂 'hall' in the architectural code of Chinese linguistic culture* 89
Skorobogataya T.I. *Word-formation meanings of action verbs in Russian and German (using the verb play / spielen as an example)* 96
Syroparova P.A. *Features of the explication of the spatial concept of «close to» in the Belarusian and Chinese paremiological worldview* 101
Khazanava K.L. *Dairy products in Belarusian proverbs and sayings* 107

Ji Hehe. *The illness and ethnic identity of the Russian writer V.L. Kign-Dedlov* 111
Cheng Xiachen. *Russian and Chinese incantations for stopping children from crying at night* 116

PHILOSOPHY

Habinskaya A.A. *Values and social coordinates in the structure of national identity* 121
Ohotnitskaya E.M. *Sacralization of the female image in Christian culture: prerequisites and specifics* 128

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (157), 2026

История

УДК 94(438:430)"1980" EDN: FIHWMU

Безвизовый режим между ПНР и ГДР: последствия его приостановки в 1980 г.

Л.В. Гавриловец

В 1980 г. безвизовый режим между ПНР и ГДР был приостановлен в результате возникшей нестабильной политической ситуации в Польше и создания профсоюза «Солидарность», выступавшего за предоставление политических свобод польским гражданам, что привело к усилению контроля на границе со стороны Восточной Германии, а фактически к замораживанию двусторонних поездок граждан ГДР и ПНР вплоть до 1989 г. Приостановление безвизового режима между странами привело к росту напряженности в двусторонних отношениях, делая взаимные поездки граждан ещё более трудными и редкими.
Ключевые слова: безвизовый режим, граница, ПНР, ГДР, туристы, товар.

In 1980, the visa-free regime between the Polish People's Republic and the GDR was suspended due to the unstable political situation in Poland and the formation of the Solidarity trade union, which advocated for political freedoms. This led to increased border controls by East Germany, effectively freezing bilateral travel between citizens of the GDR and the Polish People's Republic until 1989. The suspension of the visa-free regime between the countries led to increased tension in bilateral relations, making mutual travel even more difficult and infrequent.
Keywords: visa-free regime, border, Polish People's Republic, GDR, tourists, goods.

Открытие границы между Польшей и ГДР в 1970-х гг. стало доказательством укрепления добрососедских отношений между двумя странами. Данное событие для польской стороны означало появившуюся возможность для граждан ПНР свободно путешествовать в одно из двух германских государств – ГДР – при наличии удостоверения личности и злотых, которые можно было обменять на марки в банке. Первые поездки польских граждан в наибольшей степени носили торговый туристический характер и вызвали у них небольшой шок, поскольку рынок в ГДР был гораздо лучше обеспечен различными товарами, чем в Польше [1, s. 130]. Однако экономическая ситуация в Польше быстро улучшалась, и различия в этом отношении между странами сокращались. ГДР постепенно становилась страной, в которую поляки совершали туристические поездки с целью отдыха. Масштабы туристических поездок быстро росли. Ситуация изменилась во второй половине 1970-х гг. Экономический кризис в Польше вызвал серьезные трудности с приобретением разных товаров, в том числе и товаров первой необходимости. В сложившейся ситуации поездки польских граждан в ГДР совершались исключительно в торговых целях. Однако централизованно планируемая экономика ГДР не предвидела роста спроса на производимые ею товары, поэтому покупки поляков, особенно в приграничной зоне, представляли серьезную проблему. Возникшие проблемы с поставками товаров привели к росту недовольства среди жителей ГДР польскими покупателями. Власти ГДР посчитали, что проблему можно решить только одним способом – закрытием границы с Польшей. Подготовка к закрытию государственной границы между ПНР и ГДР началась в 1979 г., а ограничения планировалось ввести в начале 1981 г.

Цель данной статьи – определить причины закрытия государственной границы между ПНР и ГДР и показать на конкретных примерах последствия приостановления безвизового режима между странами.

После событий августа 1980 г. – забастовок на Гданьской судоверфи в Польше и образования профсоюза «Солидарность» – власти ГДР решили не допустить распространения ли-

беральных идей из Польши на территории своего государства, поэтому 29 октября 1980 г., расторгнув ранее заключенное соглашение (в январе 1972 г. было заключено двустороннее соглашение о безвизовом въезде), ввели новые правила пересечения границы. Эти правила вступили в силу 30 октября и предусматривали официальное приглашение, заверенное органами полиции в ГДР, обязательный минимум для обмена валюты на каждый день пребывания в ГДР, а также усиленный контроль за вывозом немецких товаров и ввозом запрещенной литературы из ПНР. Власти ГДР также приняли беспрецедентные меры в отношении польских граждан, проживающих в Восточной Германии. 29 октября 1980 г. им сообщили, что они должны покинуть пределы ГДР. По мнению польских дипломатов, решение о закрытии границы с Польшей было воспринято населением ГДР с пониманием. Особенно это касалось тех немецких жителей, которые и без того неохотно контактировали с поляками и обвиняли польских туристов, покупающих немецкие товары, в возникших рыночных трудностях в ГДР [2, s. 642]. Ещё в июле 1979 г. возник инцидент, который послужил поводом для дипломатического вмешательства. Так, во время торговой выставки в Лейпциге Народная полиция ГДР организовала рейд на группу польских посетителей, которые были арестованы и доставлены в полицейский участок под ругательства местных жителей. Однако многие жители ГДР восприняли данный шаг своего руководства как лишение их возможности свободного передвижения, которое и так было ограничено. В результате введенных правительством ГДР изменений перемещение людей через границу практически прекратилось. Официальной причиной закрытия границы со стороны Восточной Германии стала защита внутреннего рынка, который «опустошался» поляками, совершавшими покупки в ГДР [3, s. 158].

В действительности, дела на границе ПНР-ГДР обстояли не так, как их охарактеризовывали официальное руководство и пресса ГДР. Обе стороны получали выгоду от обмена гражданами. Восточные немцы также могли совершать покупки в Польше. Они пользовались определенными привилегиями, поскольку не были ограничены в сумме денег, которую могли обменять в польских банках. Немцы из ГДР могли покупать не только сувениры или недорогие путевки в Польшу, но и электронное оборудование, одежду, материалы и автозапчасти, а также пользовались услугами польских ремесленников, например, в автомастерских, швейных мастерских и других заведениях [4, s. 15]. В сложившейся ситуации эти вопросы отошли на второй план. Для властей ГДР было крайне важно закрыть границу с Польшей по политическим причинам, чтобы предотвратить распространение «польской революции» в ГДР. Такую интерпретацию событий озвучивало даже польское посольство в Берлине, подчеркивая, что главной целью этих мер была изоляция общества ГДР от событий в Польше, а экономические вопросы имели второстепенное значение [5, s. 344]. Аналогичным образом данные решения властей ГДР были прокомментированы и в ФРГ, где высказывалось мнение, что они были вызваны вмешательством СССР, направленным на оказание давления на власти в Варшаве с целью осуществления решительного противодействия в отношении профсоюза «Солидарность» [6, s. 568], [7, s. 149].

Введение новых правил для польских граждан, пересекающих границу ГДР, стало неожиданностью для руководства Польши. Для обсуждения данного вопроса была организована встреча представителей двух стран, которая состоялась 22–23 октября 1980 г. Немецкая делегация предложила внести новые изменения в правила пересечения границы для туристов из Польши с 1 ноября 1980 г. Самым значительным изменением в правилах пересечения границы между ПНР и ГДР стало требование официального приглашения, подтверждающего права польских туристов находиться на территории ГДР [8, s. 141]. Обосновывая принятые меры, делегация ГДР утверждала, что сложившаяся политическая и экономическая ситуация в обеих странах требует временного ограничения пассажирских перевозок. Она прямо заявила, что польские граждане оказывают политическое влияние на общество ГДР, продвигая тезис о необходимости улучшения социалистической системы и выхода обеих стран из-под контроля СССР. Также был поднят вопрос о приобретении товаров в ГДР польскими туристами [9, с. 45], [10, с. 59]. Польская делегация защищала существующие правила, подчеркивая, что граница была открыта в соответствии с межправительственным соглашением от 25 ноября

1971 г. [11]. К 1979 г. граждане обеих стран пересекли границу более 100 миллионов раз, а в начале 1980 г. граждане ГДР посещали Польшу чаще, чем поляки [12, s. 7]. Было отмечено, что введение ограничений исключительно для поляков должно иметь политический подтекст и вызывать четкие ассоциации в польском обществе. Аргумент немецкой делегации о том, что безвизовый режим может представлять угрозу социалистическому строю в обеих странах, был отвергнут. Польская сторона также подчеркнула, что такие действия властей ГДР будут негативно восприняты в польском обществе и вызовут неблагоприятные комментарии на Западе. Польша была готова пойти на определенные уступки, такие как ограничение поездок до одной на человека в год, но при сохранении существующих правил. Однако позиция восточногерманской делегации была неизменной – она подчеркивала, что не уполномочена обсуждать польские предложения и не видит возможности изменения введенных правил, поэтому дальнейшее обсуждение данного вопроса было бессмысленным. Для польской стороны такая позиция властей ГДР была даже выгодна, поскольку снимала с неё ответственность за принятые решения, которые в любом случае были бы негативно восприняты польским обществом.

Польское предложение по пересечению границы двух государств практически дублировало предложения ГДР. Польша ввела требование о наличии приглашения от гражданина ГДР или лица, постоянно проживающего на территории польского государства. Гражданин ГДР, въезжающий в Польшу, должен был иметь при себе такое приглашение. Для лиц, работающих в обеих странах, достаточно было иметь справку с места работы, выданную работодателем, чтобы без проволочек пересечь границу. В польских правилах пересечения границы упоминалось временное ограничение таких нововведений для туристов из ГДР, но по-прежнему пересечение границы осуществлялось при обязательном предъявлении удостоверения личности. Пересечение границы гражданами ГДР допускалось один раз в год, а вот правила обмена валюты остались без изменений. Таким образом, польская сторона приняла новые правила пересечения границы, разработанные властями ГДР, а польские граждане могли ездить в Восточную Германию только по личным приглашениям, подтвержденным полицией ГДР [13, s. 622]. Однако после завершения переговоров власти ГДР ввели дополнительные ограничения, требуя приглашения от немецких учреждений даже для осуществления деловых поездок из Польши, а транзитный проезд был ограничен 24 часами. Групповые поездки, организованные туристической компанией «Orbis», должны были регистрироваться в туристическом агентстве ГДР за две недели до даты прибытия. Сотрудники различных учреждений и ведомств ГДР могли приглашать только ближайших родственников, включая детей младше 18 лет [3, s. 161].

Новое решение властей ГДР возмутило руководство Польши, которое решило выразить протест против односторонних изменений. Польская сторона потребовала от властей ГДР предоставления четкого заявления относительно правил передвижения, с указанием ожидаемой даты снятия ограничений и восстановления нормального движения, а также отмены ограничений на служебные поездки. Ответа с восточногерманской стороны не последовало. Министерство иностранных дел Польши было удивлено строгим соблюдением новых правил и достаточно жестким обращением с польскими туристами со стороны ГДР. Тем более, как сообщали польские дипломаты, практически полное закрытие границы не улучшило ситуацию на рынке в ГДР, поэтому было очевидно, что происходившие на границе события носили исключительно политический характер.

Доказательством проведения такой политики являлось отношение местных властей к полякам в ГДР. Так, полиция применяла различные формы преследования, например, полякам, постоянно проживающим в ГДР, препятствовали или даже запрещали поездки в Польшу. С поляками, намеревавшимися выехать в ФРГ с целью туристического отдыха, обращались еще более жестко. Наиболее распространенной практикой был отказ в выдаче выездных и обратных виз, даже если у них уже была въездная виза в ФРГ. Встречались случаи, когда консульства ГДР аннулировали уже выданные визы. Наихудшее положение занимали поляки, состоящие в смешанных браках, поскольку их попытки получить разрешение на поездку в ФРГ негативно сказывались на отношении властей к их немецким супругам. Например, им отказывали в разрешении на поездку с семьей в Польшу или в пользовании определенными привилегиями в ГДР, такими как плавание в международных водах [3, s. 161].

Государственная политика двух стран влияла и на межличностные отношения. Во многих социальных кругах ГДР звучали высокомерные шутки и негативные замечания о Польше и поляках, которых восточные немцы называли хитрыми, жадными и ленивыми торговцами [14, s. 111]. Ограничения действовали с двух сторон, но больше всего именно немецкая сторона стремилась сократить число граждан ГДР, выезжающих в Польшу, поэтому процедура подтверждения приглашения органами полиции ГДР становилась все более длительной, и часто такие заверенные приглашения отказывались выдавать [15, s. 638]. Кроме того, гражданам ГДР выдавались соответствующие проездные билеты (специальная карта) для поездок в Польшу. Время получения такой карты, как правило, затягивалось, а часто органы полиции ГДР даже отказывали в её выдаче. Сотрудникам служб безопасности, полиции и армии, а также партийным чиновникам был полностью запрещён въезд в Польшу. Рядовые члены Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) должны были публично объяснять причины своего отъезда на партийном собрании. Каждое такое собрание начиналось с брифинга властей о текущей ситуации в Польше, как её видит СЕПГ [16, s. 2]. Гражданам Польши аналогичного рода деятельности также не разрешалось въезжать в ГДР, несмотря на наличие заверенного приглашения. Причины таких действий со стороны властей ГДР не объяснялись и не комментировались. Органы безопасности ГДР составили список нежелательных лиц. Таким лицам отказывали во въезде, например, таможенник не позволял польскому гражданину пересечь границу с Западным Берлином, пытаясь заставить его вернуться в Польшу на самолете, которым он прилетел из Варшавы. Попытки польских властей получить из ГДР список нежелательных лиц оказались безуспешными.

Ограничения, действовавшие при пересечении границы ГДР-ПНР, имели также материальные последствия. Так, в Восточной Германии были введены таможенные пошлины на товары, перевозимые с Запада в Польшу через территорию ГДР. Восточногерманская сторона объясняла, что правовой основой такой практики является Соглашение четырех держав 1945 г. и распоряжение командующего советской оккупационной зоной в Германии от 1946 г., разрешающие взимание таможенных пошлин с западных товаров. Кроме того, данное решение Восточного Берлина было санкционировано Таможенным актом ГДР 1963 г., который требовал наличия разрешения на перевозку товаров [17]. Власти ГДР заявляли, что действие данного акта не следует рассматривать как преследование в отношении польских граждан, поскольку он применяется ко всем национальностям и действует уже на территории ГДР 30 лет. Формально власти ГДР были правы, но до 1980 г. это правило не соблюдалось так строго. Польские власти частично признали целесообразность таких действий руководства Восточной Германии, поскольку, по их мнению, объем коммерческих перевозок из Польши в ГДР действительно значительно увеличился. Единственное возражение со стороны Польши заключалось в том, что таможенный инспектор по своему усмотрению оценивал, какое количество перевозимых товаров носило коммерческий характер, а какое можно было считать товарами для личного пользования.

Наиболее обременительным аспектом пребывания на границе для польских туристов стали многочасовые задержки. Ещё в середине октября 1980 г. сотрудники таможни в Щецине отмечали увеличение численности лиц, пересекающих границу с восточногерманской стороны. Усиление контроля на границе со стороны ГДР началось в конце октября, ещё до официального введения новых правил пересечения границы. Например, польские автобусы задерживались на несколько часов. Нередко перевозимые товары, количество которых было неприемлемо, по мнению сотрудников таможни, конфисковывались. Конфисковывались также «неприемлемые» публикации, деньги, продукты питания и товары, приобретенные в ГДР и подпадающие под запрет на экспорт. Один из таких случаев касался конфискации более 31 000 немецких марок у польского туриста, который владел ими на законных основаниях: это были сбережения его матери, постоянно проживавшей в ФРГ. Несмотря на вмешательство польских властей, деньги вернуть не удалось. Другой случай касался бывшего узника концлагеря, который перевозил книги, конфискованные на границе ГДР, потому что они по таможенным правилам содержали информацию, носящую нацистский характер. Одна-

ко в упомянутых выше книгах содержались отчет о визите Папы Римского в ФРГ, вырезки из прессы об этом визите, фотокопии газетных статей 1932–1933 гг., содержащих сведения об активистах КПГ, вырезки из журнала «Антифашистские отчеты» [3, s. 163]. Даже в этом случае вмешательство МИД Польши не принесло результатов. Западногерманские газеты подвергались обязательной конфискации. Конфисковывались не только товары, но и налагался штраф на тех, кто их перевозил. Размер штрафа определялся немецкими таможенниками после проверки количества наличных денег у пассажира. В случае транзитного проезда польские граждане штраф уплачивали в западной валюте. Притеснения носили разнообразный характер, например, от пассажиров, выехавших из Западной Германии, требовали купить место в поезде, но за западногерманские марки по курсу 1:1. Кроме того, багаж досматривался очень тщательно, часто требовали его распаковать. Даже автомобили разбирали немецкие таможенники, требуя открыть капот и все багажные отделения, несколько раз разгрузить и заново упаковать багаж. Польские граждане постоянно жаловались на действия сотрудников таможни ГДР, а внешнеполитические ведомства Польши пытались разобраться в случаях, когда жалоба была обоснованной, но эффективность таких вмешательств была незначительной.

Лиц со значками профсоюза «Солидарность», брошюрами или листовками останавливали на границе и отказывали во въезде в ГДР [18, s. 320]. Даже тех, кто путешествовал по официальным паспортам, разворачивали обратно, а польские транспортные средства, следовавшие транзитом через ГДР, досматривали, часто вскрывая груз, например, транспортные средства, перевозившие муку из ФРГ, были остановлены и задержаны до тех пор, пока мука не испортилась. Такие же случаи происходили и с перевозкой мяса.

Польская сторона неоднократно обращала внимание немецкой стороны на необоснованное применение жестких методов пограничного контроля, длительного паспортного контроля и задержание на границе транспортных средств, перевозящих товары, особенно продукты питания, а также автобусов с польскими туристами. Также было обращено внимание на ненадлежащее поведение пограничников ГДР по отношению к польским гражданам. Со стороны польского внешнеполитического ведомства даже высказывались угрозы, что те же правила будут применяться к гражданам ГДР, прибывающим в Польшу. Однако эффект был незначительным. Призывы польской стороны ускорить паспортные проверки остались без ответа. ГДР также отказалась от проведения совместных паспортных проверок, которые ранее были стандартной практикой и значительно ускоряли переход границы. Весь персонал на пограничных переходах с Польшей был заменен.

Результаты действий властей ГДР привели к тому, что туристический поток практически прекратился. Если в 1980 г. в Польшу в составе организованных туристических групп приехало около 110 000 человек из ГДР, то в 1981 г. – всего 7 000. Индивидуальный туризм практически исчез. Объём товарооборота между странами также снизился и составил в 1981 г. импорт – 57 173 млн злотых, экспорт – 49 145 млн злотых, а сальдо торгового баланса являлось отрицательным и составляло – 8 028 млн злотых [19, s. 29]. Возникли и новые проблемы, одна из них – вопрос о семьях сотрудников польских представительств в ГДР. В этом отношении немецкие власти также были строги и требовали, чтобы такие лица имели приглашение на въезд в ГДР, которое утверждалось Министерством иностранных дел ГДР. Приглашение включало фамилию и имя, дату рождения, адрес проживания приглашаемого, место работы, а также срок пребывания в ГДР. Приглашение действовало в течение одного года, начиная с даты его подписания в МИД ГДР.

Совершенно иным было отношение к полякам, работающим на немецких предприятиях. На строительных площадках, где польские рабочие были необходимы, выдавались трудовые удостоверения, заверенные департаментом безопасности ГДР [20, s. 167]. Польские рабочие, один человек мог пригласить только своих родителей, а супружеские пары – только супруга(у) и детей до 18 лет. Дети старше этого возраста приглашаться не могли. Только лица, проживающие в ГДР по консульским паспортам, не были ограничены в выдаче приглашений, независимо от степени родства. Они заполняли соответствующую форму в паспортно-регистрационном отделе Народной полиции ГДР по месту жительства и представляли её

на утверждение. Подтверждение обычно предоставлялось в течение 10–20 дней. Однако в этом случае срок пребывания ограничивался 30 днями. Приглашения на более длительный срок отклонялись. Тем не менее, лица с консульскими паспортами могли путешествовать в обоих направлениях без ограничений.

14 апреля 1981 г. была проведена двусторонняя встреча, на которой польская сторона дала правовую оценку введенным правилам пересечения границы со стороны ГДР. Власти Польши отметили, что новые правила поездок нигде не были согласованы и отсутствует документ, подтверждающий согласие польской стороны на их применение. Последовавшее предложение ГДР подписать такой документ, однако, было отклонено польской стороной. Власти Польши высказали мнение, что это позволит ГДР применять новые правила неограниченно долго, что ограничения на деловые поездки недопустимы. В результате ПНР также ввела определенные ограничения для граждан ГДР, выезжающих в Польшу. Им требовалось для деловых поездок приглашение от лица или организации в Польше. Транзитные поездки были ограничены 24 часами. В остальных вопросах польская сторона руководствовалась соглашением 1971 г. [3, s. 165–166].

Через год после введения ограничений делегации обеих стран обсудили данную проблему на парламентском уровне. Восточногерманская делегация отстаивала правомерность принятых решений. Польская сторона требовала восстановить нормальное пограничное движение и обеспечить отношение к польским туристам в соответствии с общепринятыми нормами международного права. Однако власти ГДР крайне критически относились к внутренней ситуации в Польше, поэтому продолжали настаивать на ограничении свободы передвижения через границу. Польские власти пытались вести по данному вопросу полемику со своим восточногерманским партнером, одновременно защищая польских граждан, но безуспешно.

Таким образом, установившееся с 1972 г. свободное общение между гражданами ПНР и ГДР было практически прекращено, а закрытие государственной границы привело к резкому сокращению объёмов приграничной торговли и туризма. Среди польского и немецкого населения в отношении друг друга усилилось взаимное недоверие и предрассудки, доходившие до использования пренебрежительных ярлыков. Политические отношения между Варшавой и Берлином оставались напряженными вплоть до конца 1980-х гг. Полноценное восстановление свободного передвижения через границу произошло только после объединения Германии и заключения договора о добрососедстве и сотрудничестве 1991 г.

Литература

1. Kowalski, K. Turystyka handlowa polaków w latach 70. i 80 XX w. Studium przypadku / K. Kowalski, A. Pieczewski // Krakowskie Studia Małopolskie. – 2012. – № 17. – S. 124–139.

2. 31 października, szyfrogram ambasady w Berlinie «Decyzja o ograniczeniu ruchu osobowego PRL–NRD nie była dla społeczeństwa NRD całkowitym zaskoczeniem» // Polskie Dokumenty Dyplomatyczne 1980 lipiec-grudzien ; red.: P. Długołęcki. – Warszawa : PISM, 2020. – S. 642.

3. Jankowiak, S. Wstrzymanie ruchu bezwizowego pomiędzy Polską a NRD w 1980 roku i jego konsekwencje w świetle materiałów Ministerstwa Spraw Zagranicznych / S. Jankowiak // Przegląd Zachodni. – 2021. – № 1. – S. 157–169.

4. Pick, D. Między przyjaźnią nakazaną a normalnością. Kontakty obywateli PRL i NRD / D. Pick // Mówią Wieki. Sąsiedztwo bliskie i dalekie. Polska i NRD 1949–1990. – 2025. – 7 listopada. – S. 12–15.

5. 10 września, szyfrogram ambasady w Berlinie «Rozwój sytuacji w Polsce obserwowany jest przez kierownictwo polityczne NRD z najwyższą uwagą. Jest to dla NRD sprawa o życiowym znaczeniu» // Polskie Dokumenty Dyplomatyczne 1980 lipiec-grudzien ; red.: P. Długołęcki. – Warszawa : PISM, 2020. – S. 344.

6. 18 października, szyfrogram ambasadora w Kolonii. Reakcje RFN na utrudnienia w ruchu granicznym wprowadzone przez NRD // Polskie Dokumenty Dyplomatyczne 1980 lipiec-grudzien ; red.: P. Długołęcki. – Warszawa : PISM, 2020. – S. 568.

7. 4 sierpnia, szyfrogram ambasady w Kolonii o publikacjach zachodnioniemieckiej prasy na temat sytuacji w Polsce // Polskie Dokumenty Dyplomatyczne 1981 lipiec-grudzien ; red. tomu: P. Długołęcki. – Warszawa : PISM, 2022. – S. 149.

8. Popieliński, P. Problematyka otwarcia granicy na Odrze i Nysie Łużyckiej pomiędzy PRL a NRD w latach siedemdziesiątych XX wieku / P. Popieliński // Rocznik polsko-niemiecki. – 2014. – № 22. – S. 123–144.

9. Пискун, В. Э. Развитие взаимоотношений между Польшей и ГДР во второй половине 1970-х – начале 1980-х годов / В. Э. Пискун, С. М. Горбач // Вестник БарГУ. Серия: Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки. – 2018. – № 6. – С. 42–47.

10. Пискун, В. Э. Основные аспекты взаимоотношений между Польшей и ГДР в 1971–1990 годах / В. Э. Пискун // Вести БГПУ. – 2013. – № 4. – С. 56–60.

11. Umowa między Rządem Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej a Rządem Niemieckiej Republiki Demokratycznej o wzajemnych podróżach obywateli obu Państw podpisana w Warszawie dnia 25 listopada 1971 r. // Dziennik Ustaw. – 1971. – № 35. – Poz. 306. – S. 357–360.

12. Ruch turystyczny między NRD a Polska // Miesięcznik «Towarzystwa Solidarność». – 1987. – № 17. – S. 7.

13. 27 października, pilna notatka. Konsultacje PRL–NRD w sprawie wprowadzenia ograniczeń w ruchu osobowym // Polskie Dokumenty Dyplomatyczne 1980 lipiec-grudzien ; red.: P. Długołęcki. – Warszawa : PISM, 2020. – S. 622.

14. Zariczny, P. PRL i NRD – czy tylko związki wymuszone politycznie? / P. Zariczny // Po obu stronach Odry. Polska, Niemcy i ich wzajemne relacje w XX i XXI wieku – wybrane problemy ; pod redakcją K. Kąckiej. – Toruń : Studio dobrej książki, 2011. – S. 83–115.

15. Po 30 października, notatka Departamentu I «Obywatele PRL mogą wyjeżdżać do NRD prywatnie wyłącznie na podstawie jednorazowych zaproszeń ostemplowanych przez policję ludową NRD» // Polskie Dokumenty Dyplomatyczne 1980 lipiec-grudzien ; red.: P. Długołęcki. – Warszawa : PISM, 2020. – S. 638.

16. Wojtaszyn, D. Erich Honecker und die Solidarność / D. Wojtaszyn // Berliner Debatte Initial 23. – 2012. – № 2. – S. 1–9.

17. Rozporządzenie ministra handlu zagranicznego z dnia 18 lutego 1963 r. sprawie zwolnień od należności celnych i stosowania odprawy celnej warunkowej w pogranicznym turystycznym pomiędzy Polską Rzecząpospolitą Ludową a Niemiecką Republiką Demokratyczną // Dziennik Ustaw. – 1963. – № 8. – Poz. 49–50. – S. 92.

18. Trutkowski, D. Granica na Odrze i Nysie w kulturach pamięci miasta Görlitz-Zgorzelec. Od lokalnego transnarodowego do europejskiego miejsca pamięci? / D. Trutkowski, C. Hörbelt // Polityka historyczna w polsko-niemieckiej codzienności ; red.: K. Ziemer, J. Andrychowicz-Skrzeba. – Warszawa : Friedrich-Ebert-Stiftung, 2017. – S. 316–334.

19. Rocznik statystyczny handlu zagranicznego. 1986 / Statystyka Polski ; Główny Urząd Statystyczny. – Warszawa : ZWSiD, 1986. – 337 s.

20. Madajczyk, P. Współpraca transgraniczna i międzyregionalna pomiędzy Polską a Niemcami / P. Madajczyk // Rocznik Lubuski. – 2012. – Tom 38, cz. 1. – S. 163–176.

Мозырский государственный педагогический
университет имени И.П. Шамякина

Поступила в редакцию 12.01.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (157), 2026

УДК 94(476) «1943-1945» EDN: FMJPWL

Партийный аппарат Гомельской области 1943–1945 г.: механизм формирования, качественный состав

С.А. Елизаров

Рассмотрены вопросы кадрового обеспечения партийного аппарата на освобожденной от нацистской оккупации территории Гомельской области в 1943–1945 гг., выявлены источники его формирования, дана в динамике характеристика качественного состава партработников, персонального состава областного партийного руководства, взаимоотношения с республиканскими и союзными партийными структурами.
Ключевые слова: восстановление, Гомельская область, кадры, Компартия Белоруссии, обком, райком.

The issues of staffing the party apparatus in the Gomel region liberated from Nazi occupation in 1943–1945 are considered, the sources of its formation are identified, the dynamics of the qualitative composition of party workers, the personnel of the regional party leadership, and the relationship with republican and allied party structures are given.
Keywords: restoration, Gomel region, cadres, Communist Party of Belarus, regional committee, district committee.

Введение. В советской политической системе при монополии на власть коммунистической партии эффективность ее функционирования во многом определялась качественным составом аппарата партийных комитетов, способностью партработников реализовать на практике властные приоритеты, в том числе и в условиях первых лет после освобождения белорусской территории от нацистской оккупации.

В белорусской историографии кадровой политике 1943–1945 гг. прежде всего следует выделить изданную в 1973 г. монографию А.В. Люцко, написанную на основе строгого соблюдения принципа партийности. Тем не менее здесь содержится богатый фактический материал по кадровому обеспечению партийных и советских органов БССР в 1943–1944 гг., прежде всего связанный с деятельностью партийно-советских оперативных групп, вопросами подготовки и переподготовки партийных и советских кадров. Сведения по кадрам партаппарата Гомельской области (и других областей, кроме Витебской, которой посвящены в монографии отдельные сюжеты) представлены лишь фрагментарно, без его специального анализа и персонификации [1].

В современной белорусской историографии проблема кадрового обеспечения не только партийных органов, но и всей системы власти и управления 1943–1945 гг. остается на дальней периферии научного интереса и носит исключительно фрагментарный характер в обобщающих работах по истории Беларуси и истории белорусской государственности [2]–[5].

Цель представленной статьи – показать основные проблемы кадрового обеспечения комитетов гомельской организации КП(б)Б в 1943–1945 гг., выявить основные источники формирования партаппарата области, рассмотреть в динамике его качественный состав (в том числе персональный – областного руководства), отношения по вертикали между партийными инстанциями. При подготовке статьи автор использовал материалы Национального архива Республики Беларусь и Государственного архива общественных объединений Гомельской области.

Основная часть. Формирование партийного аппарата проходило в условиях острого дефицита кадров. На сентябрь 1943 г. на работавших до войны в Гомельском обкоме (ОК) КП(б)Б 5 заведующих (зав.) отделами и 11 секретарей райкомов партии (РК) точные сведения отсутствовали, 5 секретарей РК КП(б)Б отвергли «по деловым соображениям», еще 3 погибли, а 2 пропали без вести [6, л. 27–28]. В результате по состоянию на 9 сентября 1943 г. на 261 штатную должность в партаппарат Гомельской парторганизации было подобрано 119 кандидатов, из них 51 предлагался на новые для них должности (в том числе в горкомах (ГК) и райкомах – 7 из 14 первых секретарей, 15 из 24 зав. отделами, 10 из 18 инструкторов, все 6 пропагандистов ГК) [6, л. 51].

На 23 должности в аппарат Гомельского ОК КП(б)Б подобрали 12 кандидатов, 7 из которых на тот момент находились в советском тылу, 3 – в составе РККА, 2 – на партизанской и подпольной работе. Лучше дело обстояло с кадрами секретарей ОК: из 5 штатных секретарей имелось четверо (первый секретарь В.Ф. Жиженков[1], второй секретарь А.П. Осадчий, третий секретарь А.П. Сыромятников, секретарь по кадрам А.А. Куцак). С остальными структурами обкомовского аппарата были проблемы: из 4 зав. отделами был лишь один, из 6 инструкторов – 3, из 5 зав. секторами и зам. зав. отделами – трое.

Примерно такая же ситуация сложилась и в аппаратах РК и ГК: на 238 штатных единиц рекомендовали 107 человек: на 51 штатную должность секретаря – 37 человек, на 51 зав. отделами – 24, на 51 инструктора – 18, на 36 пропагандистов – только 6. Здесь незначительно численно преобладали партработники, работавшие в советском тылу: 55 против 49 партизан. Однако среди первых секретарей РК и ГК заметно доминировали выходцы из партизан – 11 из 14. Абсолютное большинство партработников составляли белорусы (103 из 119), хотя среди секретарей ОК на тот момент не оказалось ни одного [6, л. 51].

В 1943 г. по мере освобождения территории Гомельщины от нацистской оккупации восстанавливается довоенная система органов власти и управления, в том числе и партийных органов. Применялся механизм, уже опробованный на ранее освобожденных советских территориях, – создание партийно-советских оперативных групп по областям и районам. 17 сентября 1943 г. бюро ЦК КП(б)Б утвердило «Организационные мероприятия по Гомельской области в связи с приближающимся ее освобождением от немецких захватчиков» [8, л. 113–115]. Для возобновления на освобожденных территориях работы советских и партийных органов и решения первоочередных задач восстановления экономики и социальной сферы, организации обслуживания населения и оказания помощи наступавшим частям Красной Армии создавались оперативные группы, состоявшие из руководящих работников обкома и горкома КПбБ, областного и гомельского городского исполкомов, других партийных и советских работников. Эти группы возглавили партийные работники: областную группу – первый секретарь обкома партии Ф.В. Жиженкова, гомельскую городскую – секретарь ГК С.Ф. Антонов, районные группы – уполномоченные обкома партии [1, с. 41–45], [2, с. 189–195], [7, с. 12–13].

7 ноября 1943 г. бюро ЦК КП(б)Б утвердило состав Гомельского обкома КП(б)Б в составе 5 человек: Ф.В. Жиженков, И.П. Кожар, А.А. Куцак, Е.И. Барыкин, К.А. Фукин, трое из которых (И.П. Кожар, Е.И. Барыкин и А.А. Куцак) были активными организаторами и руководителями партизанского и подпольного движения [8, л. 103].

Штаты ОК, ГК и РК КП(б)Б в основном были укомплектованы к ноябрю 1944 г. Из 356 человек, требуемых по штату, в партаппарате имелось 237 человек. Главным образом недоставало инструкторов и пропагандистов. В ОК партии было занято 48 из 79 штатных единиц, в аппаратах РК недоставало 74 человека, в том числе 12 секретарей [9, л. 29–30].

Основными резервами для формирования кадрового состава партаппарата стали участники партизанского и подпольного движения и работники, реэвакуированные из тыловых областей СССР. Выходцы из партизан и подпольщиков преобладали среди секретарей – первых лиц областного, городского и районных партаппаратов. На 1 ноября 1944 г. из 5 секретарей Гомельского ОК КП(б)Б (Ф.В. Жиженков – первый секретарь, И.П. Кожар – второй секретарь, А.А. Куцак – третий секретарь, Я.Н. Барсуков – секретарь по кадрам, Е.И. Бугаев –

[1] Жиженков Флавиан Васильевич (1903–1965 гг.), русский, член ВКП(б) с 1924 г. Родился в Петербурге в семье плотника, в 1917–1929 гг. – ученик жестянщика, дворник, электромонтер, 1930–1933 гг. – слушатель Ленинградского отделения Красной Академии, 1933–1935 гг. – на партийной и советской работе в Ленинграде, 1935–1938 гг. – слушатель Института красной профессуры, 1938 г. – работник аппарата ЦК ВКП(б) (Москва), с июля 1938 г. по сентябрь 1941 г. – первый секретарь Гомельского ОК КП(б)Б, с января 1942 Г. по январь 1943 г. – секретарь Ашхабадского горкома Компартии Туркменистана, с февраля 1944 г. – первый секретарь Гомельского ОК КП(б)Б, с 1946 г. – заместитель начальника Центрального Государственного Исторического Архива в Ленинграде, начальник Центрального Государственного Архива Военно-Морского Флота в Ленинграде. Награды: 1939 гг. – орден Трудового Красного Знамени; 1944 г. – орден Ленина, орден Отечественной войны 1 степени, медаль «Партизану Отечественной войны» 1 степени; 1945 г. – медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

секретарь по пропаганде и агитации) 3 непосредственно участвовали в партизанской и подпольной борьбе. Вторым секретарем работал И.П. Кожар, до войны занимавший должность секретаря Гомельского ОК КП(б)Б по пропаганде и агитации. В годы Великой Отечественной войны И.П. Кожар, Герой Советского Союза, генерал-майор, командовал Гомельским областным партизанским соединением. Третий секретарь ОК А.А. Куцак до войны работал секретарем Гомельского ОК КП(б)Б по кадрам, в годы войны был уполномоченным ЦК КП(б)Б по северной группе партизанских отрядов Гомельской области, батальонный комиссар. Уполномоченным ЦК КП(б)Б по южной группе партизанских отрядов Витебской области с августа 1941 г. по октябрь 1943 г являлся Я.Н. Барсуков, подполковник, бывший первый секретарь Добрушского РК КП(б)Б, занявший должность секретаря Гомельского ОК КП(б)Б по кадрам [10, л. 77].

Из 4 секретарей Гомельского ГК КП(б)Б двое участвовали в партизанской и подпольной борьбе: второй секретарь Е.И. Барыкин (до войны – секретарь Гомельского ГК КП(б)Б), с августа 1941 г. по апрель 1943 г. возглавлял штаб Гомельского партизанского соединения, полковник; секретарь горкома С.Ф. Антонов (до войны – секретарь Гомельского ГК КП(б)Б по промышленности и транспорту) в годы войны – секретарь Гомельского подпольного ГК КП(б)Б [10, л. 77об.].

Из 32 секретарей сельских РК КП(б)Б по Гомельской области 21 человек участвовали в борьбе в тылу врага, при этом из 15 первых секретарей – 10 [11, л. 15]. Так, первый секретарь Речицкого РК КП(б)Б В.П. Половинко (до войны – 2-й секретарь Василишского РК КП(б)Б Барановичской области) в августе 1942 г. – секретарь подпольного Речицкого РК КП(б)Б, комиссар партизанской бригады им. Ворошилова [11, л. 64]. Второй секретарь Буда-Кошелевского РК КП(б)Б, а с мая 1944 г. – первый секретарь Гомельского сельского РК КП(б)Б А.Н. Демченко в начальный период войны попал в окружение, в Буда-Кошелевском районе создал партизанскую группу, которая в марте 1942 г. была преобразована в партизанский отряд, где он был комиссаром по август 1943 г., а с августа 1943 г. – командиром 1-й Буда-Кошелевской партизанской бригады. Награжден орденами Ленина и Красного Знамени [12, л. 8].

Среди остальных категорий работников партийных аппаратов Гомельской области преобладали отозванные из тыловых восточных областей СССР. В аппарате Гомельского обкома партии таких оказалось 28 из 41 ответственного работника (заведующие отделами, их заместители, заведующие секторами, инструкторы, лекторы), среди них – и первый секретарь обкома Ф.В. Жиженков. В годы Великой Отечественной войны до сентября 1941 г. Ф.В. Жиженков работал первым секретарем Гомельского ОК КП(б)Б, после чего – секретарем Ашхабадского горкома Компартии Туркменистана, а с февраля 1943 г. – вновь первым секретарем Гомельского обкома КП(б)Б. В 1944 г. он был награжден высшей наградой СССР – орденом Ленина «за организацию и руководство партизанским движением», а также медалью «Партизан Отечественной воны» 1 степени. Тем не менее по партийной статистике он проходил по графе «прибывший из восточных областей СССР».

В Гомельском ГК КП(б)Б из 24 работников 18 прибыли из тыловых районов СССР, в сельских РК партии из 135 – 50. Всего по сведениям на ноябрь 1944 г. в партаппарат Гомельской области из партизан пришли 86 человек, из тыловых районов СССР – 113, из Красной Армии – 41 [11, л. 14–15].

Таким образом, руководство партийными органами доверяли прежде всего людям, отличившимся в борьбе с врагом на оккупированной территории, проверенных чрезвычайными условиями и имевших авторитет среди населения. На должности, выполнявшие исполнительские функции, назначали главным образом людей с опытом гражданской работы в военное время.

На 1 ноября 1944 г. в условиях острого дефицита кадров более половины работников партаппарата области (120 из 237) опыта партработы не имели, в том числе 15 работников аппарата ОК КП(б)Б. Свои должности впервые заняли 4 из 5 секретарей Гомельского обкома, в райкомах партии – 11 из 18 первых секретарей (7 из них были до войны вторыми секретарями, а 4 – впервые выдвинуты на секретарскую работу). Такое же положение сложилось со вторыми и секретарями по кадрам райкомов и горкомов. В целом из 42 секретарей горкомов и райкомов КП(б)Б 20 впервые заняли свои должности [9, л. 3], [11, л. 75], [13, л. 47]. 2

секретаря ОК имели высшее образование, двое – среднее, а один – низшее. Состав секретарей ГК и РК по образованию крайне неоднороден: только 4 имели высшее образование, 21 – среднее, при этом 17 – только низшее.

Такой состав партработников и должен был осуществлять руководство всеми процессами восстановления мирной жизни области. Первые итоги восстановления народного хозяйства Гомельской области были подведены на заседании Гомельского ОК КП(б)Б 1 октября 1944 г., на котором был заслушан и утвержден доклад первого секретаря обкома Ф.В. Жиженкова «О деятельности Гомельского ОК КП(б)Б за период после освобождения области от немецко-фашистской оккупации 27.09.1943 – 1.09.1944 г.» [14, л. 2–74]. Этот доклад был подготовлен в «манере победителей»: из 84 предприятий союзного и республиканского подчинения восстанавливались 65, из них 35 предприятий уже выпускали продукцию, восстановлено и работало 360 предприятий и мастерских местной промышленности и промкооперации, 964 колхоза, а «парторганизации всю свою работу по восстановлению колхозов проводили на основе глубокой политической работы в массах» [14, л. 32–46].

Итоговый вывод доклада – «Достигнутые успехи по восстановлению народного хозяйства области есть следствие того, что обком КП(б)Б на выполнение стоявших перед ним задач мобилизовал всю парторганизацию» [14, л. 71]. В качестве доказательств этого перечислялись проведенные в области многочисленные совещания областного и городского партактива, руководителей партийных, советских организаций, земельных органов, руководителей предприятий, колхозного актива. После дежурной фразы о том, что «достигнутые успехи есть также следствие повседневной практической помощи Обкому в его работе со стороны ЦК КП(б)Б и СНК БССР», следовал большой перечень претензий к республиканским ведомствам («большинство предприятий не получили от наркоматов необходимых стройматериалов и инструментов», «Наркомлегпром БССР не уделяет должного внимания делу восстановления предприятий и не принимает решительных мер по обеспечению их материалами и инструментами», «постановление СНК СССР и ГКО в части обеспечения восстанавливаемых предприятий электрооборудованием большинством союзных и республиканских Наркоматов не выполняется», «для обеспечения более быстрого развертывания восстановительных работ в промышленности необходимо решительно усилить руководство предприятиями со стороны промышленных Наркоматов» и т. п.) и заявок на дополнительные топливные и материальные ресурсы (станки, трактора, лошади, молотилки, стройматериалы и т. п.).

Отчет был утвержден бюро обкома и с ним Ф.В. Жиженков направился в декабре 1944 г. в Москву на заседание Оргбюро ЦК ВКП(б): «Я должен сказать, что у меня не было такого трясучего настроения, боязни. Доклад, который был представлен обкомом, он воодушевлял, что мы сделали очень много, что вероятно не каждый обком может приехать с такими результатами…» [15, л. 14].

На заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) доклад получил резко негативную оценку. Выступивший на нем секретарь ЦК ВКП(б), начальник Управления кадров ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков заявил (по словам Ф.В. Жиженкова), что «вы не критически относитесь, что выступление ваше есть результат неуважения к критике… Вы думаете много сделали, а все недостатки считаете настолько мелочными, что на них не стоит обращать внимания». А в самом постановлении Оргбюро отмечалось, что «обком партии и его первый секретарь т. Жиженков не критически относятся к недостаткам своей работы, преувеличивают достигнутые результаты, что приносило вред делу восстановления хозяйства, воспитанию кадров в духе большевистской самокритики и непримиримости к недостаткам» [15, л. 9].

На состоявшемся 25–26 декабря 1944 г. заседании партактива области выступление Ф.В. Жиженкова было уже в совершенно ином, чем ранее, тоне: «наша ошибка… заключается прежде всего в переоценке результатов нашей работы, причем с обязательным подчеркиванием: “сделано в исключительно трудных условиях”, вместо критического рассмотрения любого дела, любого вопроса, все ли возможности исчерпаны. Такой метод руководства порождал самоуспокоенность, не помогал вскрывать недостатки…». Сразу же обнаружились и серьезные недостатки в работе самого партаппарата: отсутствие «органической связи» между

отделами обкомов и райкомов КП(б))Б, «надлежащей проверки исполнения», а также «необходимой напряженности в работе» («рабочий день райкомов, райсоветов, целого ряда городских и областных организаций ограничивается световым днем, вечером аппарат не работает»), слабая работа инструкторов как «центральной фигуры аппарата, большая неукомплектованность аппарата [15, л. 10–12].

Решение партактива было вполне предсказуемо: «Собрание партактива считает, что обком и райкомы партии некритически относились к недостаткам в своей работе, преувеличивали достигнутые результаты, что приносило вред делу восстановления хозяйства, делу воспитания кадров в духе большевистской самокритики и непримиримости к недостаткам в работе партийных, советских и хозяйственных организаций» [15, л. 75].

Вопрос о выполнении Гомельским обкомом партии постановления ЦК ВКП(б) от 6 декабря 1944 г. «О работе Гомельского обкома КПб)Б» был заслушан на заседании бюро ЦК КП(б)Б 12 июня 1945 г. [16, л. 21–28]. Работа Гомельского ОК КП(б)Б была признана неудовлетворительной: «Гомельский ОК КП(б)Б… не перестроил методов своего руководства и не устранил серьезных недостатков в сельском хозяйстве, промышленности, организационно-партийной и партийно-политической работе, отмеченных в постановлении ЦК ВКП(б)». За непринятие должных мер к выполнению постановления ЦК ВКП(б) первому секретарю Гомельского ОК КП(б)Б Ф.В. Жиженкову и председателю облисполкома П.П. Ковальчуку объявили выговор, а отвечавший в обкоме партии за работу сельского хозяйства И.П. Кожар был освобожден от работы второго секретаря Гомельского ОК КП(б)Б как «несправившийся со своими обязанностями» и отозван в распоряжение ЦК КП(б)Б.

Хотя при этом фактически были признаны обоснованными прежние претензии гомельского руководства к ряду союзных и республиканских ведомств: Бюро ЦК КП(б)Б «информировало» ЦК ВКП(б) о том, что «НКстанкостроения СССР, НКстройматериалов СССР, НКпищепрома СССР неудовлетворительно проводят работы по восстановлению предприятий, находящихся в Гомельской области, и не обеспечили окончание работ и пуск в эксплуатацию предприятий, предусмотренных к восстановлению решениями правительства», одновременно признав работу НКместтоппрома БССР по увеличению добычи торфа в Гомельской области “неудовлетворительной”».

30 сентября 1945 г. был снят с работы и председатель Гомельского облисполкома П.П. Ковальчук с формулировкой «за неудовлетворительное руководство работой советских органов Гомельской области, невыполнение директив партии и правительства по руководству сельским хозяйством, пренебрежительное и бездушное отношение к приему и устройству демобилизованных из Красной Армии» [17, л. 36]. Новым председателем Гомельского ОИК на бюро ЦК КП(б)Б 2 ноября 1945 г. был утвержден Н.Ф. Абраменко (в годы Великой Отечественной войны – заместитель начальника, начальник политотдела дивизии, начальник политотдела 37 Армии) [18, л. 33].

Ненадолго «пережил» Ковальчука П.П. на своей должности и Ф.В. Жиженков – в мае 1946 г. он был освобожден как необеспечивший руководство областью [19, л. 1]. Его место в июле 1946 г. занял первый секретарь Барановичского ОК КП(б)Б И.П. Тур (в годы Великой Отечественной войны – секретарь ЦК КП(б) Белоруссии по железнодорожному транспорту, секретарь Свердловского областного комитета ВКП(б), заместитель народного комиссара танковой промышленности СССР по кадрам).

К концу 1945 г. ситуация с руководящими кадрами в Гомельской области улучшилась. В партийной статистике за 1945 г. наиболее полные сведения имеются по работникам партноменклатуры ЦК КП(б)Б, включавшей руководителей области (секретари обкома партии и председатель облисполкома («шестерка»), секретарей РК и ГК партии, заведующих отделами обкома, горкомов и райкомов КП(б)Б [20, л. 3–6, 14–18]. Из 426 штатных руководящих должностей этой номенклатуры было занято 406. Большинство из них (119 человек) являлись «сталинскими выдвиженцами» – вступили в партию в 1926–1934 гг., в период острых политических дискуссий и укрепления личной власти И.В. Сталина, в том числе среди 120 секретарей и зав. отделами ОК и РК – 62 (4 из 6 руководителей области, 32 из 53 секретарей РК

КП(б)Белоруссии). Еще 72 номенклатурных работника вступили в партию в 1938–1940 гг., когда после «большого террора» 1937–1938 гг. вакантными стало большое число руководящих должностей, в том числе в партию вступили один секретарь обкома и 8 секретарей РК КП(б)Б.

Абсолютное большинство (87 из 121) имело стаж руководящей партийной работы свыше 2 лет, из них 55 – от 2 до 5 лет. Учитывая кадровые изменения второй половины 1930-х гг. и кадровые чистки 1937–1938 гг., потери в годы Великой Отечественной войны, они уже считались опытными партработниками.

Также большинство партийных секретарей и заведующих отделами обкома и райкомов партии на своих должностях были людьми новыми, занявшими свои должности после освобождения БССР от нацистской оккупации: к концу 1945 г. 104 из 121 руководящего партработника (84 %) работали в своей должности до 2 лет (при этом 66 – до года), а общий стаж работы по занимаемой должности до 2 лет имел 91 человек (75 %). Среди этой группы партийных руководителей области преобладали белорусы – 87 (72 %).

Высшее и незаконченное высшее образование имело 39 человек (32 %), 7 (6 %) – среднее специальное, 62 (51 %) – среднее и незаконченное среднее, а 13 (11 %) – низшее. Для этого периода это был хороший показатель, более высокий, чем в органах государственного управления. Наиболее высокий уровень образования был среди «шестерки» (четверо имели высшее образование) и руководителей отделов обкома (из 7 – 4 высшее и незаконченное высшее образование), наиболее низкий средний – среди первых секретарей РК (16 из 17 имели лишь среднее и незаконченное среднее образование).

В 1945 г. заметна большая степень сменяемости партработников: за год каждый второй руководящий партработник области поменял место работы (59 партработников из 121). Половина работников заняли новые руководящие должности по позитивным мотивам: 18 – перешли на более высокие должности, 11 отправили на укрепление отстающих участков работы и занятие вновь созданных должностей. По негативным мотивам потеряли свои рабочие места 14 человек: 11 – как несправившиеся с работой, 3 – как скомпрометировавшие себя.

Если по общему показателю сменяемости партаппарат находился на уровне местных органов государственного управления (около 50 %), то по мотивам – значительно отличался большей степенью позитивных (в органах государственного управления – около 16 % замен) и меньшей – негативных (в органах госуправления – более 50 %) мотивов [21].

Среднестатистический партийный руководитель областного и районного уровня Гомельской области к началу 1946 г. – это коммунист, вступивший в партию в 1926–1934 гг., белорус с высшим / общим средним образованием, в возрасте от 36 до 45 лет, стажем работы в занимаемой должности до 2 лет.

Заключение. Таким образом, кадровые проблемы в партийном аппарате Гомельской области были общими для всей возрождавшейся системы органов власти и управления на освобожденной от нацистской оккупации белорусской территории: дефицит опытных, профессиональных в своей сфере и образованных работников. Основным источником формирования нового партаппарата стали бывшие партизаны и подпольщики, которые в своем большинстве занимали должности секретарей обкома и первых секретарей райкомов КП(б)Б. Прибывшие из тыловых восточных регионов СССР партработники становились руководителями второго плана или получали исполнительские должности. В результате последовавших кадровых перестановок (особенно в 1945 г.) качественный уровень партработников повысился и отличался в лучшую сторону от кадрового состава органов государственного управления с связи с более высоким уровнем престижности и властных полномочий партработы, а также приоритетом кадрового обеспечения партаппаратов по сравнению с иными сферами жизни общества.

Гомельской парторганизацией было многое сделано для восстановления разрушенного войной народного хозяйства области, однако областные партийные и советские руководители вышли за привычные для этого времени рамки правил номенклатурного поведения, сформировав в московском и белорусском руководстве образ людей, неспособных критически оценивать свою работу и стремящихся переложить проблемы региона на союзные и республиканские структуры. Для изменения этого негативного имиджа гомельскому руководству пришлось много сделать в последующие годы.

Литература

1. Люцко, А. В. Деятельность КПБ по подбору, воспитанию и расстановке руководящих кадров (1943–1945) / А .В. Люцко. – Минск : Изд-во БГУ, 1973. – 159 с.

2. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / Л. Лыч [і інш.] ; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2011. – Т. 5 : Беларусь у 1946–2009 гг. – 613 с.

3. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / А. Вабішчэвіч [і інш.] ; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2006. – Т. 6 : Беларусь у 1917–1945 гг. – 728 с.

4. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы 18 – пачатку 21 ст. : у 2 кн. / М. У. Смяховіч [і інш.] ; рэдкал. : А. А. Квааленя [і інш.] ; НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – Кн. 2. – 654 с.

5. История белорусской государственности : в 5 т. / А. А. Коваленя [и др.] ; отв. ред. тома: Н. Б. Нестерович. – Минск : Бел. наука, 2019. – Т. 4 : Белорусская государственность накануне и в период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления (1939–1953 гг.). – 567 с.

6. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Ф. 144. Оп. 3. Д. 3014.

7. Елизаров, С. А. Восстановление органов государственной власти и управления в Гомельской области (сентябрь 1943 – май 1945 гг.) / С. А. Елизаров // Известия ГГУ им. Ф. Скорины. – 2022. – № 4. – С. 11–16.

8. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 81а. Д. 4.

9. ГАООГО. – Ф. 144. Оп. 3. Д. 3016.

10. ГАООГО. – Ф. 144. Оп. 3. Д. 3030.

11. ГАООГО. – Ф. 144. Оп. 3. Д. 3036.

12. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 41. Д. 303.

13. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 41. Д. 294.

14. ГАООО. – Ф. 144. Оп. 1. Д.15.

15. ГАООГО. – Ф. 144. Оп. 1. Д. 19.

16. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 61. Д. 165.

17. НАРБ – Ф. 4п. Оп. 61. Д. 213.

18. НАРБ – Ф. 4п. Оп. 61. Д. 219.

19. ГАООГО. – Ф. 144. Оп. 3. Д. 864.

20. ГАООГО. – Ф. 144. Оп. 3. Д. 3127.

21. Елизаров, С. А. Региональные руководящие кадры Белорусской ССР ССР 1943–1945 гг. : механизм формирования и качественный состав / С. А. Елизаров // Проблемы управления. – 2025. – № 3 (97). – С. 109–114.

Гомельский государственный технический
университет имени П.О. Сухого

Поступила в редакцию 27.10.2025

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (157), 2026

УДК 94(47).084.8 EDN: DZNRHF

Оплот морской обороны Ленинграда в 1941 г.: военно-морская база Ханко

Т.А. Мищенко, В.С. Иванов

В статье представлен анализ действий военно-морской базы Ханко, которая стала оплотом защиты Ленинграда с моря в течение самых критических для города месяцев 1941 г. Героические защитники полуострова смогли создать инфраструктуру, поддерживать связь и морские коммуникации, контролировать ряд островов Балтийского моря, вселяя боевой дух в защитников берегов Балтики и города Ленинграда. История ВМБ Ханко остается малоизученной страницей Великой Отечественной войны, чем объясняется научный интерес к этой теме.
Ключевые слова: военно-морская база, Балтийское море, Ханко, Ленинград, Финляндия, Великая Отечественная война.

The article presents an analysis of the actions of the Hanko naval base, which became a stronghold of Leningrad's defense from the sea during the most critical months of 1941 for the city. The heroic defenders of the peninsula were able to create infrastructure, maintain communications and sea communications, control a number of islands in the Baltic Sea, instilling fighting spirit in the defenders of the Baltic coast and the city of Leningrad. The history of the Hanko Navy remains a little-studied page of the Great Patriotic War, which explains the scientific interest in this topic.
Keywords: naval base, Baltic Sea, Hanko, Leningrad, Finland, Great Patriotic War.

12 марта 1940 г. между СССР и Финляндской республикой был заключен Московский мирный договор, завершивший собой Зимнюю войну (Советско-финляндскую войну 1939–1940 гг.) Договор подразумевал отторжение от Финляндии ряда земель в пользу Советского Союза; страны обещали воздерживаться от всякого нападения одна на другую и не участвовать в военных коалициях, направленных против одной из сторон. В четвертой статье договора говорилось о сдаче Финляндией полуострова Ханко в пользу СССР сроком на 30 лет [1]. По специальному соглашению с финским правительством гарнизон Ханко ежедневно получал из Финляндии в счет межгосударственных расчетов молоко, мясо и другие продукты [2, с. 140]. Однако, из-за дипломатических преград, железнодорожное сообщение с базой заработало лишь в октябре 1940 г. [3, с. 330–334].

Военно-морская база Ханко (далее – ВМБ), находясь на юге Финляндии, занимала выгодное оперативно-стратегическое положение, являлась важнейшим звеном в системе укреплений, прикрывавших дальние подступы к Ленинграду с моря. База располагалась на основном шхерном фарватере и мешала вражеским боевым кораблям маневрировать между Ботническим и Финским заливами [4, с. 31]. Памятуя, что в Первую мировую на полуострове находилась маневренная база Балтийского флота, в преддверии новой войны высшее военное командование, вероятно, хотело использовать ВМБ подобным образом [2, с. 114, 125].

При оставлении полуострова заводы и фабрики, находившиеся на полуострове Ханко, такие как динамитный завод, консервный, кирпичный, лесопильный, гранитный и прочие были совершенно разрушены финнами, все оборудование вывезено, причем во время вывозки оборудования была повреждена часть корпусов этих заводов. Финны полностью вывезли все оборудование электрических подстанций. Электропроводка во многих домах была разрушена. Мощность и состояние электростанции ни в коей мере не могли обеспечивать город электроэнергией. Радиоаппаратура финнами была полностью вывезена, телефонная станция выведена из строя, вывезены кабели. Из домов были вывезены все ванны, а также и колонки для нагрева воды [5, с. 144–145]. Проблему с электроснабжением предстояло решить в первоочередном порядке. Вскоре был проложен подводный кабель по линии Кронштадт-Гогланд-Палдиски-Ханко [6].

В начале апреля 1940 г. артиллерийские подразделения РККА начали выдвигаться на Ханко, но из-за сложностей в навигации прибыли на базу практически через три недели

[7, с. 23]. Прибыв на Ханко, солдаты совершили 22-километровый марш-бросок до новой границы. Тут же войсками начали заниматься близлежащие острова [7, с. 31]. Костяком гарнизона базы была 8-я отдельная стрелковая бригада (далее – 8-ая ОСБ). Главным образом она состояла из 270-го и 335-го стрелковых полков, а также 343-го артполка. Эти воинские соединения имели боевой опыт Зимней войны. Бригадой командовал полковник Н.П. Симоняк, награжденный орденом Красного Знамени за финскую войну [2, с. 117].

Основные силы стрелковых полков размещались на границе; позиции артполка находились в некотором отдалении [7, с. 12]. Его позиции сооружались строительными полками, подчиненными непосредственно Москве или военному округу [2, с. 123]. Строительство, которое велось силами 8-й ОСБ на новой границе, было довольно масштабным. Красноармейцы и нижние чины работали на износ [7, с. 24]. Граница длиной в 4 километра была буквально прорублена просекой шириной в 300 м. Солдаты, ковыряя каменистую почву, создали несколько рядов траншей, укрепленных досками. Вырыли противотанковые рвы длиной 2,5 км, имелись гранитные надолбы. Перед ними имелось заграждение колючей проволокой в несколько рядов. Танковое наступление на ВМБ было бы самоубийственным. Тактическая глубина обороны достигала всего 0,5 км, а вся ее протяженность 22 км. Основу обороны района составляли 18 дзотов. Дзоты были замаскированы и выдерживали попадание 152-миллиметрового снаряда [2, с. 118–119].

Множество крепких, хорошо замаскированных блиндажей было создано красноармейцами, которые летом жили в палаточном лагере. После рабочего дня гимнастёрки солдат были пропитаны смолой, глиной и потом. Мылись в море. Ходили на сенокос, заготавливая корм для коней. Возвели конюшню и казарму [8]. На полуострове была библиотека, в которой были книги за авторством Киплинга, Клаузевица, Хаггарда; ставились спектакли. На базе крутили американский «Большой вальс». Солдаты ходили бритыми наголо [8]. В свободное время играли в волейбол [9, с. 14].

22 июня 1941 г. на Ханко было долгожданным. Инженеры, рабочие, служащие готовились в этот день к спортивным соревнованиям. Утром сотни людей собрались на спортивной площадке. Многие пришли с семьями. Настроение у всех было приподнятое. И тут по радио прозвучало: «Внимание, говорит Москва» [7, с. 67–68]. На партсобрании 22 июня Леонид Белоусов – один из командующих 13 истребительного авиаполка взял слово: «Предстоят бои более тяжелые, чем когда-либо раньше. Мы, коммунисты, должны показать образец бдительности и мастерства, сделать обороняемый нами район неприступным для фашистов. Сражаться надо так, как если бы мы стояли у самых стен Ленинграда» [10, с. 28]. Ему вторил военный комиссар базы А.Л. Раскин: «Долг командира и бойца – сделать все для превращения Ханко в неприступную крепость» [7, с. 63].

Оборона Ханко продолжалась 164 дня. Невозможно описать хоть сколько-нибудь подробно все этапы героической обороны гарнизона ВМБ. В ночь с 30 июня на 1 июля финны после артподготовки пошли в атаку. Находившиеся в дозоре красноармейцы Петр Сокур и Алексей Андриенко открыли огонь по шедшим в атаку финнам. 16 августа Указом Президиума Верховного Совета СССР Петру Сокуру было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали Золотая звезда [11, л. 70]. Алексей Андриенко 20 декабря был награжден Орденом Красного знамени [12].

Важнейшей задачей летчиков Ханко была воздушная разведка моря, шхер и вражеских тылов в квадрате Таллин – Хельсинки – Турку – Моонзунд [13, с. 58]. Летчики, как и бойцы гарнизона Ханко, еще до начала Великой Отечественной войны имели боевой опыт. В частности, Алексей Касьянович Антоненко был участником Зимней войны и боев на реке Халхин-Гол, награжден орденом Ленина, медалью за отвагу, а Петр Антонович Бринько воевал над озером Хасан и Финляндией, награжден орденом Красного Знамени [14]. 4 июля 1941 года капитан А.К. Антоненко и лейтенант П.А. Бринько, выполняя совместное патрулирование в небе над Ханко на самолетах И-16, сбили сразу 2 Ju-88 противника. На следующий день последовала очередная победа.

Следует отметить, лётчики А.К. Антоненко и П.А. Бринько на первом этапе войны стали самыми результативными пилотами ВВС ВМФ: П.А. Бринько к середине сентября 1941 г.

одержал в воздухе 15 побед, а Антоненко за месяц боёв – 10 побед. В связи с этим 14 июля 1941 г. они оба, первыми среди морских летчиков в годы ВОВ, были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. К великому сожалению, их победоносное служение Родине оказалось очень недолгим. Капитан А.К. Антоненко погиб 26 июля 1941 г., а лейтенант П.А. Бринько – 14 сентября 1941 г. [15].

5 июля в 4:30 десантная группа в составе 45 краснофлотцев при поддержке истребителей МБР-2 захватила остров Вальтерхольм. 6 июля на аэродроме Ханко авиация противника уничтожила один И-153 и три И-153 вывела из строя. 7 июля артиллерийским огнем было уничтожено до двух рот финнов, которые пытались резать проволоку на переднем крае обороны государственной границы. 8 июля финские солдаты вновь пытались идти на проволочное заграждение, но были отброшены ружейно-пулеметным огнем. МБР-2 бомбили остров Эстен и вызвали там лесной пожар. В течение дня велась контрбатарейная борьба. 10 июля при поддержке авиации и артиллерии базы были взяты острова Хорсен, Кунхольм и Старкен. Остров Эльхольм был взят, прочесан и оставлен [13, с. 39–40]. Командиром десантного отряда был Б.М. Гранин, артиллерист, который имел опыт Зимней войны. В тот же день на базу прибыл командующий КБФ. Он велел вести более активные действия для отвлечения сил противника, который активен на других участках фронта. 11 июля на кораблях, на которых он ушел в Таллин с Ханко, вывезли пленных, взятых при десантах на острова. Одновременно с этим противник и высадился на Старкен и Хорсен, откуда был выбит. База подвергалась вражескому артобстрелу. 14 июля финны вновь попробовали отбить Старкен, но вновь были разбиты. Все финские десанты проходили ночью, благо в это время года ночи еще были светлые, что облегчало задачу обороняющимся [2, с. 165, 168–171]. К концу лета слава десантников уже гремела по всей Балтике. Полушутя и любовно их называли «детьми капитана Гранина» [7, с. 150].

Общая оценка подвигу защитников Ханко, с которой следует лишь согласиться, была дана 27 июля, в День Военно-Морского Флота СССР. В поздравительной телеграмме от Главного командования северо-западного направления, подписанной двумя членами Политбюро – К.Е. Ворошиловым и А.А. Ждановым: «Начавшаяся Отечественная война показала, что за истекший период бойцы, командиры и политработники военно-морской базы Ханко являли собой образец настоящих большевиков и патриотов социалистической Родины, честно и беззаветно выполняющих свой долг.

Отдаленные от основных баз, оторванные от фронта, в тяжелых условиях и под непрекращающимся огнем противника, храбрые гангутцы не только смело и стойко держатся и обороняются, но и смело наступают, наносят белофиннам ощутительные удары, захватывая острова, пленных, боевую технику, секретные документы.

Ваша активность – хороший метод обороны. Смелость и отвага гарнизона – лучший залог успеха в окончательной победе над врагом» [2, с. 184–185].

4 июля 1941 г. своей директивой Нарком ВМФ приказывал: «Оборонять до конца Ханко, острова Эзель, Даго и район Таллина». Не изменяя себе, 14 августа он писал Военному Совету КБФ: «Переброска частей с Ханко признана неправильной, предложено обеспечить запасы продовольствия и боеприпасов и драться» [16, с. 24, 47].

Но ситуация на фронтах менялась; 28 августа пал Таллин [17, с. 81]. В тот же день в Москве было принято решение, что после завершения эвакуации Таллина, необходимо эвакуировать все войсковые части и вооружение с островов Эзель и Даго и с полуострова Ханко [18, с. 146, 386]. С 25 октября для походов к Ханко и эвакуации его гарнизона были выделены наиболее подготовленные корабли, экипажи которых с начала войны приобрели значительный боевой опыт: эсминцы «Стойкий», «Славный», «Суровый», «Сметливый», «Свирепый» и «Гордый». Если 28 октября на Большую землю с Ханко прибыло 500 человек, а 3 ноября 4231, то с 4 ноября по 2 декабря 10285. При этом появились первые потери в 961 человек, что составляет 6,4 % от числа эвакуированных с 28 октября [19]. Уходили с Ханко не воинскими частями, а из каждого подразделения забирали понемногу бойцов [20, с. 11]. Что бы противник не заподозрил, что с линии соприкосновения снимаются войска на Ханко устраивали мертвые сутки. Это выглядело так: с утра на всем полуострове ни выстрелов, ни

дымка, ни звука. Как будто он весь вымер. Финны сначала очень удивлялись этой очень необычной тишине. Потом подходили вплотную к границе. Тут-то и начинала работать вся гангутская огневая мощь [8].

Наступило 2 декабря 1941. На границе через весь полуостров уже тянулась полоса минных полей шириной в один километр. На важнейших огневых точках находилось теперь всего по два бойца. Между огневыми точками накануне была протянута проволока, на которой висели солдатские каски. Время от времени кто-либо дергал за эту проволоку. Каски покачивались, и создавалась иллюзия движения, активности в траншеях. Рядом был протянут провод с подвешенными на нем пустыми консервными банками. Три раза в день (время завтрака, обеда и ужина) ответственные за прикрытие передовых позиций бойцы, трясли этот провод, и банки гремели, издавая звуки похожие на стук ложек в котелках. Пять старых патефонов, найденных в пустующих домах, с помощью реле, автомобильных аккумуляторов и специальных рычажков удалось присоединить к пулеметам так, что, когда патефонные пластинки начинали прокручиваться, иголки касались клемм, электроцепь замыкалась, рычаги устройств, установленных на пулеметах, нажимали на гашетки, и раздавались короткие пулеметные очереди. Не обслуживаемый бойцом пулемет мог работать почти полчаса и расходовать за это время до полутора тысяч патронов (пулеметные ленты были соединены). К десяти пулеметам были привязаны собаки. На некотором расстоянии от животных висели куски конины, когда псы рвались к мясу, цепи натягивались, дергали за рычаги, а те нажимали на гашетки пулеметов. Шла стрельба короткими, прерывистыми очередями [7, с. 347–348].

В городе гангутские газетчики расклеивали последний номер «Красного Гангута» на оставшихся заборах, стенах, стволах деревьев и диких камнях. Лозунги на листовках утверждали: «Мы идем бить фашистскую сволочь и будем бить её по-гангутски!» [7, с. 309]. Тираж последнего номера был намного больше обычного, потому что часть его предназначалась финнам. Печатную машину, стоявшую в редакции, уничтожили, бросив в неё связкой гранат. Когда работа была закончена, наступила оттепель и пошел дождь. Ночью хватил мороз, и листовки покрылись как бы зеркальным стеклом. В городе был пруд. Листовки были и в пруду, под прозрачным слоем льда [7, с. 172, 356]. Из отправившихся с Ханко в Ленинград 2 декабря 11820 бойцов в пункт назначения прибыло 7794. Тем самым, доведя потери в ходе эвакуации до 4987, что составляет 17,9 % от численности эвакуируемых [19]. 20 декабря орденами и медали были награждены 102 защитника Ханко [12]. Финские войска вошли на оставленный полуостров лишь 4 декабря 1941 г. [21, с. 407].

Итак, одной из крупных и сложных военных операций, проведенных в 1941 г., является операция по обороне и эвакуации гарнизона Ханко. В течение 164 дней самого сложного года войны ВМБ Ханко оставалась дальним рубежом обороны Ленинграда. Значение ВМБ Ханко в начальный период боевых действий на Балтике велико: гарнизон своими активными действиями сковал силы немцев и финнов, не дав тем самым применить их для наступления на Ленинград, сопротивления гарнизона базы вселяло уверенность и поддерживало боевой дух в частях РККА. Без малого полгода Ханко сковывал войска противника на фоне общего развала фронта, десантники базы отбивали у финнов остров за островом. Гангутцы и после оставления полуострова внесли свой вклад в дело обороны города трех революций. 12 января 1943 именно гангутцы в составе 136 стрелковой дивизии шли в первых рядах тех, кто прорывал блокаду Ленинграда. Они, преодолев по льду Неву, захватили первые траншеи противника и стали продвигаться вглубь его обороны. 15 января 1944 всё те же герои Ханко, герои прорыва блокады, под командованием все того же Николая Павловича Симоняка, поднялись на штурм Пулковских высот, тем самым сыграли важнейшую роль в деле окончательного снятия блокады Ленинграда.

Литература

1. Мирный договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Республикой (Москва, 12 марта 1940 г.) // Гарант. – URL: https://base.garant.ru/71705966/ (дата обращения: 10.04.2025).

2. Кабанов, С. И. На дальних подступах (Военные мемуары) / С. И. Кабанов. – М. : Воениздат, 1971. – 304 с.

3. Паасикиви, Ю. К. Моя работа в Москве и Финляндии в 1939–1941 гг. / Ю. К. Паасикиви. – М. : Весь Мир, 2021. – 448 с.

4. Трибуц, В. Ф. Балтийцы сражаются / В.Ф. Трибуц. – М. : Воениздат, 1985. – 463 с.

5. Брагин, В. И. Пушки на рельсах / В. И. Брагин. – М., 2006. – 472 с.

6. Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). – Ф. Р-54. Оп. 8. Ед. хр. 19.

7. Гангут. 1941. Сборник воспоминаний о героической обороне полуострова Ханко в первые дни и месяцы Великой Отечественной войны / Сост. К. К. Грищинский. – Л.: Лениздат, 1974. –398 с.

8. Мы шли к Победе через все преграды! Санкт-Петербург – 2022 // Коллектив авторов. – URL: https://iknigi.net/avtor-kollektiv-avtorov/241550-my-shli-k-pobede-cherez-vse-pregrady-kollektiv-avtorov/read/page-1.html (дата обращения: 10.04.2025).

9. Войскунский, Е. Л. Море и берег / Е. Л. Войскунский. – М. : Воениздат, 1975. – 304 с.

10. Белоусов, Л. Г. Веление долга / Л. Г. Белоусов. – М. : Молодая гвардия, 1958. – 64 с.

11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р7523. Оп. 4. Д. 54.

12. Память народа: Подлинные документы о Второй Мировой войне // Память народа. – URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie10727934/ (дата обращения: 06.04.2025).

13. Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Балтийском море и Ладожском озере / Народный комиссариат Военно-морского флота СССР. Исторический отдел. – Упр. Воен.-мор. изд-ва НКВМФ СССР. – М., Ленинград, 1945. – Вып. 1 : С 22 июня по 31 декабря 1941 г. – 218 с.

14. Советские асы. Герои воздушных войн 1936–1953 гг. // Советские асы. – URL: http://soviet-aces-1936-53.ru (дата обращения: 06.04.2025).

15. Авиация ВМБ Ханко // Красные соколы нашей Родины. – URL: http://www.airaces.ru/stati/aviaciya-vmb-khanko.html (дата обращения: 12.04.2025).

16. Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. – М. : ТЕРРА, 1996. – Т. 16 (5–1). – 448 с.

17. Кузнецов, Н. Г. Курсом к победе / Н. Г. Кузнецов. – М. : Голос, 2000. – 388 с.

18. Русский архив: Великая Отечественная. Приказы и директивы народного комиссара ВМФ в годы Великой Отечественной войны : Документы и материалы. – М. : Терра, 1996. – Т. 21 (10). – 424 с.

19. 22 июня 1941 г. // Память народа: подлинные документы о Второй мировой войне. – URL: https://80yearsofwar.mil.ru/#!/tab/327638709-3 (дата обращения: 12.04.2025).

20. Тиркельтауб, С. В. Моя вторая война / С. В. Тиркельтауб. – СПб. : Карелико, 2009. – 92 с.

21. Маннергейм, К. Г. Мемуары / К. Г. Маннергейм. – М. : Вагриус, 1999. – 508 с.

Филиал Московского педагогического
государственного университета в г. Черняховске

Поступила в редакцию 22.01.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (157), 2026

УДК 94(476)+37(476)(091) EDN: FPUZWU

Гістарычная трансляцыя сацыяльна значнага досведу на тэрыторыі Беларусі (да канца X ст. н. э.) і яе адпаведнасць агульнаеўрапейскай практыцы (Частка 1)

В.А. Пілецкі

Праведзена даследаванне гістарычнай трансляцыі міжпакаленнага сацыяльна значнага досведу на тэрыторыі Беларусі (ад старажытнасці да канца X ст.) і яе адпаведнасці агульнаеўрапейскай практыцы.
Ключавыя словы: міжпакаленны сацыяльна значны досвед, гістарычная трансляцыя досведу, ініцыяцыі, выхаваўча-адукацыйны працэс, перадыніцыяцыйная падрыхтоўка, «лясныя дамы», першабытнасць, родавая абшчына.

A study was conducted on the historical transmission of intergenerational socially significant experience on the territory of Belarus (from antiquity to the end of the 10th century) and its compliance with pan-European practice.
Keywords: intergenerational socially significant experience, historical transmission of experience, initiations, educational process, pre-initiation preparation, «forest houses», primitiveness, tribal community.

Уводзіны. Сацыяльна значны досвед і яго перадача (гістарычная трансляцыя) новым пакаленням грамадзян – адзін з важнейшых механізмаў (матыватараў) грамадскага прагрэсу. Прагрэсіўная эвалюцыя чалавечай гісторыі, адпаведна дзеючым навуковым дадзеным (тэорыі Ч. Дарвіна, генетыкі XX ст. і сучаснай «сінтэтычнай тэорыі эвалюцыі» [1, с. 293–312]), прайшла ў сваім развіцці глабальны шлях. Ад прасцейшых (паўжывёльных, інстынктыўна-рэфлекторных) спосабаў жыцця першабытнага чалавечага статку (і раннеродавай абшчыны), заснаваных на збіральніцкай дзейнасці, загонным паляванні і рыбалоўстве, да сучасных высока-тэхналагічных відаў дзейнасці (з улікам робататэхнікі, нанатэхналогій, камп'ютарнай і касмічнай тэхнікі, выкарыстання штучнага інтэлекту ў розных сферах (медыцыне, гуманітарных навуках, сродках масавай інфармацыі і інш.).

Усё гэта, найперш, з'яўляецца вынікам накаплення сацыяльна значнага досведу і яго перадачы (гістарычнай трансляцыі) новым пакаленням грамадзян. Міжпакаленны досвед – гэта цэнтральны асноватворны (істотны) элемент у гістарычнай эвалюцыі любога грамадства. Ён не з'яўляецца статычным, а знаходзіцца ў пастаянным дыялектычным (прагрэсіўна-рухомым) стане. Вынаходніцтва, замацавання ў грамадскай свядомасці і перадача новым пакаленням найбольш аптымальных спосабаў арганізацыі жыццядзейнасці. Якія дапаўняюць і ўдасканальваюць яго, а потым перадаюць сваім нашчадкам. Дзякуючы наяўнасці такога важнага працэсу чалавецтва змагло вытрымаць змаганне з непазнаным (нават варожым некалі) прыродным асяроддзем і дзікім жывёльным светам. Што дазволіла яму захавацца ў гісторыі ў якасці асобнай сацыяльнай адзінкі і дабіцца прагрэсіўнай эвалюцыі свайго жыцця.

Цікава, што ўсё гэта адбывалася і на беларускіх землях. Прычым меліся тут як агульнасусветныя працэсы, так і мясцовыя, абумоўленыя спецыфікай геаграфічных, геапалітычных, эканамічных, сацыяльна-культурных, рэлігійна-ідэалагічных абставін. Дзе змяняліся храналагічныя межы асобных істотных этапаў. З'яўляліся мясцовыя традыцыі ажыццяўлення тых ці іншых працэсаў, пацверджаныя этнаграфічнымі матэрыяламі, вуснай народнай творчасцю альбо археалогіяй. Усё гэта падлягае навуковаму даследаванню, высвятленню і абгрунтаванню.

Актуальнасць вывучэння праблемы гістарычнай трансляцыі міжпакаленнага сацыяльна значнага досведу на тэрыторыі Беларусі (ад старажытнасці да канца X ст.) і яе адпаведнасці агульнаеўрапейскай практыцы абумоўлена неабходнасцю паглыблення навуковага асвятлення гісторыі насельніцтва тэрыторыі Беларусі ў старажытнасці. Найперш у якасці своеасаблівых вытокаў сучаснага соцыякультурнага становішча. Вызначэння сапраўднага месца жыхароў

нашай краіны сярод суседніх народаў. Для павелічэння сумарнага аўтарытэту айчыннай гісторыі. Патрэбнага для выхавання сучаснага грамадства. Адстойвання суверэнітэту Беларусі (з улікам абвастрэння міжнародных адносін) і іншых сацыяльна значных мэтаў.

Гістарыяграфія. Мы ўжо неаднаразова звярталіся да асобных аспектаў названай праблематыкі не толькі ў выглядзе навуковых артыкулаў [2, с. 9–14], [3, с. 3–12.], але і манаграфій [4], [5]. Але казаць пра канчатковае вывучэнне дадзенага кірунку яшчэ пакуль рана. Нельга таксама заявіць і аб тым, што тэма зусім не разгледжана ў айчыннай і замежнай гістарыяграфіі. Па тых ці іншых аспектах дадзенай праблематыкі маецца даволі значная колькасць важкіх гістарычных даследаванняў, якія высвятляюць яе рознабаковыя адценні.

Жадаючым паглыбіцца ў гэтую навуковую праблему можна параіць шэраг прац айчынных і замежных даследчыкаў, якія так ці інакш раскрываюць сферу падрыхтоўкі моладзі ў розных першабытных соцыумах (Г.Б. Карнетаў [6], [7], Э. Хорватова [8, с. 162–173], М.О. Косвен [9], Л.А. Файнберг [10], [11, с. 367–369], М.В. Станюкович [12, с. 205–231], Мірча Эліадэ [13] і многія іншыя. Сярод іх, напрыклад, такія ўнікальныя даследаванні, як вывучэнне этнаграфічнага феномена Бабы-Ягі пры рэканструкцыі жаночых полава-узроставых ініцыяцыяй усходнеславянскага рэгіёна нямецкай даследчыцы Рыхарды Бекер [14] і інш.).

Разам з тым аналіз названых працэсаў адносна асобных мясцовасцей, і тым больш у дачыненні да беларускіх зямель, у навуковай прасторы яшчэ адсунічае. А таксама з пункту гледжання кампаратыўнага падыходу з улікам розных тэрытарыяльных арэалаў. Таму дадзенае даследаванне ў названай фармулёўцы (з параўнальным аспектам), на наш погляд, мае дастатковы ўзровень навізны і будзе запатрабавана навуковай грамадскасцю нашай краіны.

Асноўная частка. Дзейнасць па выхаваўча-адукацыйнай падрыхтоўцы моладзі (альбо: гістарычнай трансляцыі міжпакаленнага сацыяльна значнага досведу) у якасці асобнай сферы жыцця грамадства існуе ад найстаражытнейшых часоў да сучаснасці і адыгрывае важную ролю ў станаўленні чалавецтва. Яна адбываецца ў гісторыі любых грамадстваў і на любых этапах іх гістарычнага развіцця як у старажытнасці, так і ў сучаснасці. Доказам яе наяўнасці з'яўляецца гістарычны прагрэс грамадства. Дзе кожнае новае пакаленне (што засвоіла досвед папярэднікаў і дадало свае дасягненні) заўсёды валодае большай колькасцю дасканалых тэхналогій у параўнанні з ранейшым перыядам. Іх досвед, заўсёды «*...склада[-ецца] з ведаў усіх папярэдніх пакаленняў...*» [15, с. 162] і таму мае больш высокі ўзровень. У працэсе трансляцыі грамадскага досведу на розных стадыях гістарычнай эвалюцыі адрозніваюцца толькі формы яе ажыццяўлення і змест грамадскіх ведаў, навыкаў, эканамічна-здабытковых, ідэалагічных, культурных каштоўнасцяў, неабходных для засваення новымі пакаленнямі.

Паўсяместнасць выкарыстання практыкі перадачы досведу ў любых грамадствах, аднак, не азначае аднолькавасці яе эвалюцыі. Гістарычны шлях кожнага асобнага соцыума, безумоўна, унікальны. Яго «дарожная карта» ў галіне выхавання і адукацыі залежыць ад мноства фактараў, у тым ліку прыродных, кліматычных, геаграфічных, палітычных. А таксама ад спецыфікі эканамічнай, сацыяльна-палітычнай і рэлігійна-ідэалагічнай эвалюцыі.

Спроба параўнання гістарычнай трансляцыі міжпакаленнага сацыяльна значнага досведу на тэрыторыі Беларусі з агульнаеўрапейскай практыкай выяўляе, найперш, храналагічную неадпаведнасць. Калі ў гісторыі Заходнееўрапейскага арэалу акрамя першабытнасці быў перыяд антычнасці і Сярэднявечча, мяжой паміж якімі лічыцца прыблізна сярэдзіна V ст. н. э. (дакладней 476 г., год звяржэння апошняга імператара Заходняй Рымскай імперыі Ромула Аўгуста), то ў гісторыі беларускіх зямель прыблізна ў той жа перыяд (ад пачатаку–сярэдзіны I тыс. да н.э. – да V–IX стст. н. э.) разгортвалася яшчэ фінальная стадыя першабытна-абшчыннага ладу. Якая закончылася разлажэннем родавых адносін, славянізацыяй рэгіёна і пачаткам фарміравання дзяржаўнасці. Аб чым маюцца шматлікія дадзеныя археалагічных крыніц [16, с. 163–177].

Выхаваўча-адукацыйная падрыхтоўка моладзі тут (ажно да канца X ст. н. э.) працягвалася па традыцыйна-гістарычных канонах узростава-ініцыяцыйнай абраднасці. Асновы якіх сфарміраваліся ў глыбокай старажытнасці. Прыблізна ў час станаўлення раннеабшчыннага ладу, калі чалавецтва ўсвядоміла ўзроставыя асаблівасці сваіх

суграмадзян. Інакш, ажно тады, калі адбыўся падзел на т.зв. «узроставыя класы» [17], [18, с. 126–129]. З тых часоў першабытныя людзі пачалі (так ці інакш) арганізоўваць быт малалетніх суграмадзян (дакладней асоб падлеткавага ўзросту). Тых, будучых дарослых, правадказных прадстаўнікоў абшчыннай супольнасці, на якіх праз некаторы час павінна была ўскладвацца адказнасць за выжыванне ўсяго першабытнага калетыву.

Змены ў падрыхтоўцы моладзі адбыліся толькі ў канцы X ст. н. э. Ззвязаны яны былі з прыходам хрысціянства на тэрыторыю Усходняй Еўропы. Разам з хрысціянізацыяй насельніцтва беларускіх зямель тут з'явілася новая (хрысціянская) форма падрыхтоўкі. У летапісных крыніцах, як мы ўжо заўважалі аднойчы, яна атрымала назву «вучэнне кніжнае» [19, с. 53]. Гэта былі ўсходнехрысціянскія (візантыйска-праваслаўныя) рэлігійна-ідэалагічныя школьна-палітычныя ўстановы. Важнейшай мэтай, якая ўскладвалася на іх царквой, была катэхізацыя (распаўсюджванне царкоўна-хрысціянскай дактрыны) у асяроддзі мясцовага насельніцтва. Такім чынам на беларускіх землях пачаў ажыццяўляцца пераход да сярэдневяковага тыпу выхаваўча-адукацыйнага працэсу.

Інакш, Заходняя Еўропа за гэты перыяд перажыла не толькі працэс разлажэння першабытных адносін і фарміравання рабаўладальніцкага грамадства, але стварыла антычную культуру, у якой былі зародкі розных накірункаў прагрэсу. На стадыі пераходу ад антычнасці да Сярэднявечча еўрапейскае грамадства ўжо валодала значнымі дасягненнямі антычнай культуры. Шматлікімі творамі антычных аўтараў з розных галін жыцця грамадства: у філасофіі; сацыяльных узаемаадносінах (будаўніцтве рабаўладальніцкай дэмакратыі [20]); мастацтве; навуцы [21] (матэматыцы, медыцыне); архітэктуры і інш. Але самае цікавае, што ў гэты перыяд ужо з'явіліся такія паняцці, як «навучанне», «выхаванне», «школа», «настаўнік» і многае іншае, звязанае з перадачай накопленага сацыяльна значнага досведу новым пакаленням грамадзян. Чаго зусім не ведала (на той час) насельніцтва беларускіх зямель. Як і ўсяго ўсходнеўрапейскага абшару цалкам.

Чым абумоўлена такое адрозненне? Вядома, што беларускія землі ў складзе ўсходнееўрапейскага рэгіёна мелі спецыфіку (адносна Заходняй Еўропы) у сваёй гістарычнай эвалюцыі пад уплывам геаграфічнага і геапалітычнага фактараў. З-за блізкасці да Паўночнага кліматычнага арэала, ахопленага ледавікамі, яны мелі гістарычна-пачатковае засяленне людзьмі ў больш позні перыяд. І, адпаведна, развіваліся са спазненнем.

Кліматычныя ўмовы тэрыторыі Беларусі былі характэрныя плейстацэнам (каля 2,5 млн – 11,7 тыс. гадоў таму) эпохай неаднаразовых абледзяненняў, якія сфарміравалі сучасны рэльеф. Вучоныя вылучаюць некалькі ледніковых эпох (Нараўская, Бярэзінская, Дняпроўская, Сожская, Паазерская), падзеленых міжледнікамі з цяплейшым кліматам. Перыяд палеаліту (ад 100 да 9 тысяч гадоў да н. э.), час з'яўлення найстаражытнейшых людзей на тэрыторыі нашай краіны, як вынікае са спецыяльнай літаратуры, таксама вызначаўся перыядычнымі глабальнымі зніжэннямі тэмпературы навакольнага асяроддзя, «зледзяненнямі», якія працягваліся па некалькі дзесяткаў тысяч гадоў. Паміж зледзяненнямі былі перыяды міжледнікоўяў, калі клімат станавіўся больш прыдатны для жыцця. З'яўленне чалавека ў арэале рассялення сучаснага беларускага насельніцтва адбылося, хутчэй за ўсё, у перыяд Муравінскага міжледнікоўя, якое працягвалася 15 тыс гадоў (з 110 – да 95 тыс гадоў да н. э.). Хаця не выключана, што чалавек прыходзіў на тэрыторыю сучаснай Беларусі і раней.

Яшчэ адной асаблівацю ўсходнееўрапейскага рэгіёна (адпаведна і тэрыторыі Беларусі), у параўнанні з Заходняй Еўропай, з'яўляецца тое, што тут адсутнічала рабаўладальніцкая сацыяльна-эканамічная фармацыя [22]. А менавіта яна (маючы ў аснове сацыяльна-эканамічную базу, створаную бясплатнай працай шматлікай колькасці рабоў) з'яўлялася эканамічнай асновай высокіх дасягненняў культуры антычнасці ў Заходняй Еўропе.

Усё сказанае вышэй з'явілася перадумовай таго, што сярэднявечнае грамадства на тэрыторыі Усходняй Еўропы (і Беларусі) фарміравалася шляхам пераходу ад першабытнасці праз шматукладнасць да феадалізму. «*...[Р]одаплемянное грамадства (на тэрыторыі Беларусі – В.П.) знаходзілася да VII ст. на стадыі ваеннай дэмакратыі. У ім ужо былі зародкі будучай сацыяльнай няроўнасці: грамадскі падзел працы, а таксама патрыярхальнае рабства ўзятых у палон*

іншапляменнікаў. Гэтыя зародкі атрымалі далейшае развіццё у VII–X стагоддзях...» [23, с. 2]. А ў IX–XI стст. «*...у грамадстве ўсходніх славян (што пражывалі ва ўсходнееўрапейскім рэгіёне – В.П.) ... суіснавалі тры эканамічныя ўклады: родаплемянны, які быў на схіле, рабаўладальніцкі (ён не атрымаў значнага развіцця) і феадальны, які толькі нараджаўся...*» [24, с. 33].

Заходняя Еўропа на стадыі пераходу ад антычнасці да Сярэднявечча, як заўважана вышэй, ужо валодала значнымі дасягненнямі антычнай культуры. Прычым, што цікава, яна нават стварыла такую структуру, як школа. Ведала пачатковую, сярэднюю і вышэйшую адукацыю як асобныя ступені выхаваўча-адукацыйнага працэсу. У беларускіх землях (як і на астатняй частцы Усходняй Еўропы) у той жа самы час, у галіне выхаваўча-адукацыйнага працэсу (перадачы сацыяльна значнага досведу падрастаючым пакаленням грамадзян), яшчэ ў самым разгары панавала пераходна-ўзроставая ініцыяцыйная абраднасць. І так было ажно да самага пачатку пранікнення хрысціянства і хрысціянізацыі насельніцтва беларускіх зямель. Якое (як вядома) адбылося ў канцы X ст.

Безумоўна, гістарычная эвалюцыя адукацыйна-выхаваўчага працэсу як на Захадзе, так і на Усходзе Еўрапейскага кантынента рухалася ў адным і тым жа кірунку. Яго параметры, як вынікае з гістарычных крыніц, былі вядомыя. Яны выяўляліся ў з'яўленні і станаўленні сістэмы рэлігійна-ідэалагічнай падрыхтоўкі моладзі і поўнага панавання царквы ў галіне перадачы сацыяльна значнага досведу. Але калі ў Заходнееўрапейскім рэгіёне важнейшай адпраўной кропкай станаўлення выхаваўча-адукацыйнага тыпу эпохі Сярэднявечча была антычнасць, з яе высокім узроўнем арганізацыі выхаваўча-адукацыйнай справы, наяўнасцю розных узроўняў адукацыі (пачатковай, сярэдняй, вышэйшай школы), то беларускія землі, як і астатняя частка ўсходнееўрапейскага арэала, пераходзілі да сярэдневяковага спосабу ўзроставай падрыхтоўкі моладзі, ад старажытных (познепершабытных) форм традыцыйнай узростава-ініцыяцыйнай абраднасці (такіх як «лясныя дамы», «язычніцка-жрэчаскае вучнёўства», «дамы-грыдніцы», для элітарных сацыяльных пластоў насельніцтва), да летапісных рэлігійных школ *«вучэння кніжнага»*. Інакш кажучы, да канца X ст. на беларускіх землях развівалася створаная яшчэ ў старажытныя часы грамадская традыцыйная ўзроставая ініцыяцыйная абраднасць.

(*Даведка*: **Ініцыяцыя** (*ад лац.*: initiatio – пасвячэнне, здзяйсненне сакрамэнту), абрад пасвячэння, адна з разнавіднасцяў пераходных абрадаў, у выніку якіх індывід … набыва[-е] іншы, як правіла, больш высокі, сацыяльны статус. Ініцыяцыйныя рытуалы садзейнічаюць авалоданню неафітам (тым, каго ініцыіруюць – В.П.) новай сацыяльнай роляй… (у дачыненні да ўзроставых ініцыяцый – роляй дарослага чалавека – В.П.). Мэта ўзроставых ініцыяцый заключаецца ў сацыялізацыі (падлетка – В.П.) …, яго далучэнні да правіл, норм і каштоўнасцяў дадзенага грамадства… [25] (*канец Даведкі*).

Ініцыяцыі былі абавязковымі мерапрыемствамі, якія жорстка кантраляваліся сельскімі познепершабытнымі ўладнымі органамі. Усе падлеткі адпаведнага ўзросту, без выключэння, на працягу пэўнага перыяду часу павінны былі атрымаць неабходныя веды і навыкі падчас так званай перадыніцыяцыйнай падрыхтоўкі.

Гістарычна ранняя ўзроставая пасвячальная абраднасць, як сведчаць этнаграфічныя крыніцы, была напоўнена псіхалагічнымі і фізічнымі, як правіла жорсткімі і пакутлівымі, выпрабаваннямі. Што, апроч выпрацоўкі ўстойлівай кампетэнцыі безумоўнай павагі да існуючых табу, загартоўвала сілу волі кандыдатаў на дарослае жыццё (неафітаў) [26, с. 210–215]. І канешне, дэманстравала іх гатоўнасць вытрымаць любыя складанасці суровых будняў дарослага чалавека. Сярод іх выбіванне (вырыванне) альбо падпілоўванне зубоў; цярпенне парэзаў на целе; хірургічныя аперацыі тыпу абразання; адсяканне пальца; пазбаўленне сну; доўгатэрміновыя забароны на прыём ежы, кровапусканне, укусы атрутных мурашак, душэнне дымам, падвешванне на крукаў, удары дубінай па галаве, выскубанне валасоў, саскрабанне скуры, выпрабаванне агнём [27, с. 322] і інш. А ўвогуле, «*...самым вядомым элементам ініцыяцый (па меркаванні даследчыка з Каліфарнійскага ўніверсітэта Эдвіна Лоэба – В.П.), з'яўляецца жорсткае збіванне ... неафіт[-аў]…*» [28, p. 256].

Завяршэнне ўзростава-пасвячальнай абраднасці суправаджалася спецыяльнымі ачышчальнымі працэдурамі (акрапленне крывёй, абмыванне вадой альбо абкурванне благавонным дымам). Але галоўнае, прысваенне ініцыяванаму (неафіту) нейкіх знакаў

адрознення, што надавалі пэўны прававы статус. Татуіровак альбо спецыфічных парэзаў на целе, нейкіх прэстыжных элементаў адзення [29, с. 80], атрымання неафітам дадатковага імені ці інш. Таго, што назаўсёды замацоўвала ў вачах супляменнікаў яго новае месца ў сацыяльнай іерархіі. Інакш, было доказам яго дарослості. Давала канчатковы дазвол на ўступленне ў шлюбныя адносіны [30, с. 103] і поўнавартасны ўдзел у жыцці дародавай (ці ранародавай) грамадскай супольнасці.

Створаная ініцыяцыйная сістэма мела на мэце забяспечыць грамадскі парадак, зняць напружанасць у адносінах паміж узроставымі катэгорыямі і палавымі групамі, асабліва ў моманты іх пераходу да новага сацыяльнага статусу і ўстанаўлення адпаведных сацыяльных сувязей.

З часам яна станавілася больш складанай. З'яўляліся новыя патрабаванні, «этапы», «стадыі». Канчаткова аформленыя (сталыя, класічныя) узроставыя ініцыяцыі, як «абрады пераходу», «*…ажыццяўля[ліся] ў тры этапы: сегрэгацыя – аддзяленне чалавека ад старога асяроддзя, яго разрыў з мінулым; транзіцыя – прамежкавы стан; інкарпарацыя – наступнае ўключэнне індывіда ў сваю сацыяльную групу, але ўжо ў новай якасці і новым статусе…*» [31, с. 92].

Ну і вядома, з павелічэннем колькасці сацыяльных жыццёвых каштоўнасцяў і ростам самаразумення дарослых прадстаўнікоў грамадства, у рытуал узроставых ініцыяцый стаў уключацца «этап авалодвання» навыкамі і ўменнямі. Што значна пашырыла колькасць часу на далучэнне падлеткаў у стан дарослых людзей. І паступова прыняло форму сталай перадыніцыяцыйнай падрыхтоўкі. Якая аддалена нагадвала больш гістарычна пазнейшае навучанне і выхаванне падлеткаў (неафітаў). «*Такое навучанне* – адзначыў вядомы аўстралійскі этнолаг і антраполаг, ганаровы прафесар Сіднейскага ун-та А.П. Элькін – *звычайна доўжыцца год і больш, хоць часам укладваецца ў карацейшы тэрмін*» [32, с. 167].

Завяршэнне навучання, як правіла, афармлялася праходжаннем абрада пасвячэння ў дарослыя ў выглядзе ініцыяцыйна-экзаменацыйных выпрабаванняў моладзі [33, с. 57–66]. Падобная абраднасць, па сведчанні шматлікіх аўтараў, існавала ў розных народаў і на розных кантынентах. Пасвячаемы (неафіт), які «*…праходзі[-ў] сістэму выпрабаванняў і навучання, з пункту гледжання (супляменнікаў – В.П.) станавіўся годным членам грамадства і будучым захавальнікам яго святых міфаў і рытуалаў…*» [34, с. 161].

Перадініцыяцыйная падрыхтоўка ажыццяўлялася ў спецыяльных месцах на значнай аддаленнасці ад месца пастаяннага пражывання падлеткаў. Часцей за ўсё гэта было на тэрыторыі нейкага лясного масіва. Нездарма значная колькасць даследчыкаў называе гэтую форму навучання моладзі спецыфічнай назвай па тыпу «лясная» альбо «мужчынская» дома [35, с. 231–252].

Якія веды паведамлялі падчас перадыніцыяцыйнай падрыхтоўкі? У розных мясцовасцях і на розных стадыях эвалюцыі той ці іншай першабытнай супольнасці яны былі розныя. Як правіла, гэта быў комплекс самых важных ведаў і навыкаў дзеючага грамадства. Калі коратка, то перадыніцыяцыйная падрыхтоўка падлеткаў уключала: а) самазабеспячэнскія («эканамічныя») навыкі; б) агульнапрынятыя правілы сацыяльных (агульнаграмадскіх) паводзін; і, безумоўна, в) міфалагічную спадчыну продкаў ды ідэалагічныя каштоўнасці. Прычым многае «выкладалася» ў форме абрадавых дзеянняў.

(*працяг у наступным нумары*)

Літаратура

1. Воронцов, Н. Н. Синтетическая теория эволюции: её источники, основные постулаты и нерешенные проблемы / Н. Н. Воронцов // Журн. Весн. хим. об-ва им. Д.И. Менделеева. – 1980. – Т. 25, № 3. – С. 293–312.

2. Пілецкі, В. А. Грамадскае стаўленне да дзяцей і перадумовы ініцыяцыйнай абраднасці – адной з форм выхаваўча-адукацыйнага працэсу эпохі раннярадавага ладу / В. А. Пілецкі // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2003. – № 6. – С. 9–14.

3. Пілецкі, В. А. Змест выхаваўча-адукацыйнага працэсу дахрысціянскай Беларусі / В. А. Пілецкі // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2004. – № 3. – С. 3–12.

4. Пілецкі, В. А. Генезіс выхаваўча-адукацыйнага працэсу ў гісторыі Беларусі / В. А. Пілецкі. – Мінск : БДПУ, 2004. – 237 с.

5. Пілецкі, В. А. Выхаваўча-адукацыйны працэс у гісторыі Беларусі дахрысціянскага перыяду: манаграфія / В. А. Пілецкі. – Мінск : Выд-ва МІК, 2013. – 370 с.

6. Корнетов, Г. Б. Становление воспитания как общественного явления / Г. Б. Корнетов. – М. : Изд-во АПН, 1992. – 103 с.

7. Корнетов, Г. Б. Воспитание в первобытном обществе: возникновение, сущность, эволюция / Г. Б. Корнетов. – М. : Междунар. Пед. Академия, 1993. – 92 с.

8. Хорватова, Э. Традиционные юношеские союзы и инициационные обряды у западных славян / Э. Хорватова // Славянский и балканский фольклор. – М. : Наука, 1989. – 265 с.

9. Косвен, М. О. Очерки истории первобытной культуры / М. О. Косвен. – М., 1953. – 245 с.

10. Файнберг, Л. А. У истоков социогенеза: от стада обезьян к общине древних людей / Л. А. Файнберг. – М. : Наука, 1980. – 146 с.

11. Файнберг, Л. А. Первобытное общество (воспитание) / Л. А. Файнберг // Педагогическая энциклопедия : в 4 т. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – Т. 3 : Н–См. – 879 с.

12. Станюкович, М. В. Социализация детей и подростков у ифугао (Филиппины) / М. В. Станюкович // Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии ; отв. ред И. С. Кон. – М. : Наука, 1983. – 232 с.

13. Eliade, M. Initiation, rite, socétés secrètes: naissances mystigues. Essai sur guelgues tipes d'initiation / M. Eliade. – P., 1958. – 282 p.

14. Becker, R. Die weibliche Initiation im ostslawischen Zaubermarchen. Ein Beitrag zur Funktion und Symbolik des weiblichen Aspektes im Marchen unter Besonderer Btruck sichtigung der Figur der Baba-Jaga / R. Becker. – B., 1990. – 187 s.

15. Анисимов, А. Ф. Духовная жизнь первобытного общества / А. Ф. Анисимов. – Л. : Наука, 1966. – 244 с.

16. Дробушевский, А. И. Городища периода римских влияний на территории Республики Беларусь / А. И. Дробушевский // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов : конференция 4 ; Ред.: А. М. Воронцова, И. О. Гавритухина. – Тула : Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2015. – Ч. 1. – 311 с.

17. Попов, В. А. Половозрастная стратификация и возрастные классы древнеаканского общества (к постановке проблемы) / В. А. Попов // Советская этнография. – 1981. – № 6. – С. 89.

18. Пілецкі, В. А. «Узроставыя класы» і «ініцыяцыі» як найранейшыя праявы генезісу выхаваўча-адукацыйнага працэсу ранняродавага грамадства / В. А. Пілецкі // Весці БДПУ ім. М. Танка. – 2003. – № 3. – С. 126–129.

19. Повесть временных лет / РАН ; подгот. текста, пер., статьи и коммент. Д. С. Лихачева ; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – СПб. : Наука, 2007. – 668 с.

20. Суриков, И. Е. Солнце Эллады: История афинской демократии / И. Е. Суриков. – СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. – 360 с.

21. Волков, М. П. Античная наука как социокультурное явление. Проблема генезиса / М. П. Волков. – Ульяновск : УлГТУ, 2008. – 134 с.

22. Горемыкина, В. И. Возникновение и развитие первой антагонистической формации в средневековой Европе: опыт историко-теоретического исследования на материале варварских королевств Западной Европы и Древней Руси / В. И. Горемыкина. – Минск : Изд. БГУ им. В.И. Ленина, 1982. – 246 с.

23. Штыхаў, Г. В. Гісторыя Беларусі: ад старажытнейшых часоў да канца XIII ст.: вучэб. дапам. для вуч. 10 кл.: у 2-х кн. – Мінск, 1994. – Кн. 1. – 111 с.

24. Гісторыя Беларусі ад старажытных часоў да канца XVIII ст.: вучэб. дапам. для 10 кл. агульнаадукацыйнай школы / Г. В. Штыхаў, П. А. Лойка, І. А. Аўдзееў [і інш.] ; пад рэд. М. С. Сташкевіча. – Мінск : Народная асвета, 2002. – 192 с.

25. Инициация. – URL: https://bigenc.ru/c/initsiatsiia-1ac575 (дата обращения: 21.09.2024).

26. Джолли, А. Значение табу в первобытном обществе / А. Джолли, Ф. Роз // Советская этнография: сб. ст. – М.-Л. : Изд. АН СССР, 1947. – 348 с.

27. Леви-Брюль, Л. Первобытное мышление / Л. Леви-Брюль ; пер. с фр. Б. И. Шаревской. – М. : Академический проект, 2020. – 430 с.

28. Loeb, E. M. Tribal initiations and secret societies / E. M. Loeb. – Los Angeles : University of California, 1929. – 290 p.

29. Геннеп, А., ван Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / А. ван Геннеп ; пер. с франц. – М. : Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – 198 с.

30. Абрамян, Л. А. Первобытный праздник и мифология / Л. А. Абрамян ; Отв. ред. В. В. Иванов. – Ереван : Изд. АН АрмССР, 1983. – 232 с.

31. Тендрякова, М. В. Первобытные возрастные инициации в круге «вечных» вопросов / М. В. Тендрякова // Этнографическое обозрение. – 2014. – № 1. – С. 91–101.

32. Обряд посвящения / А. Элькин // Коренное население Австралии ; пер. с англ. Л. Я. Бровика, В. П. Михайлова ; предисл. и ред. проф. С. А. Токарева. – М. : Иностранная лит-ра, 1952. – 247 с.

33. Балушок, В. Г. Инициации древних славян (Попытка реконструкции) / В. Г. Балушок // Этнографическое обозрение. – 1993. – №4. – С. 57–66.

34. Значение и социальные функции обрядов (обряд посвящения) / А. П. Элькин // Коренное население Австралии ; пер. с англ. Л. Я. Бровика, В.П. Михайлова ; предисл. и ред. проф. С. А. Токарева. – М. : Иностранная лит-ра, 1952. – 248 с.

35. Формы перадачы грамадскага вопыту дзецям у дахрысціянскі перыяд / В. А. Пілецкі // Выхаваўча-адукацыйны працэс у гісторыі Беларусі дахрысціянскага перыяду: манаграфія. – 2-е выд., дапрацаванае. – Мінск : Ковчег, 2017. – 372 с.

Институт истории НАН Беларуси

Поступила в редакцию 14.04.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (157), 2026

УДК 94(476) «1931–1941» EDN: FRXRJA

Положение женщин в организации служебной деятельности милиции в материалах газеты управления Рабоче-крестьянской милиции НКВД БССР «На варце Кастрычніка» в 1931–1941 гг.

А.Н. Тютюнков

В статье рассматривается деятельность руководства Рабоче-крестьянской милиции НКВД БССР по вопросам работы с личным составом из числа женщин и женами работников милиции. Обосновывается тезис о том, что она была направлена на воспитание у них преданности социалистическому отечеству на основе утверждения, что только в советском государстве женщина имеет равные с мужчинами политические и гражданские права, возможность получить образование и сделать карьеру. Работа советов жен рассматривалась как дополнительное средство повышения качества работы ведомства.
Ключевые слова: Рабоче-крестьянская милиция, НКВД БССР, работник милиции, «На варце Кастрычніка».

This article examines the work of the leadership of the Workers' and Peasants' Militia of the NKVD of the Byelorussian SSR regarding its work with female personnel and the wives of police officers. It argues that this work was aimed at instilling in them loyalty to the socialist fatherland, based on the assertion that only in the Soviet state do women have equal political and civil rights, educational opportunities, and career advancement. The work of wives' councils was seen as an additional means of improving the agency's performance.
Keywords: Workers' and Peasants' Militia, NKVD of the BSSR, militia officer, «Na Vartse Kastrychnika».

1 января 2026 г. Президентом Республики Беларусь был подписан Указ № 1 «Об объявлении 2026 года Годом белорусской женщины» [1]. В контексте принятого главой государства решения весьма актуальным становится изучение положения женщины в исторической ретроспективе, в том числе восприятия его в организации деятельности милиции в довоенный период. Наше исследование посвящено отражению мнения руководства Рабоче-крестьянской милиции (далее – РКМ) НКВД БССР об участии женщины-милиционера в служебной деятельности, которое транслировалось посредством размещения публикаций по данной тематике в официальном печатном органе политического отдела главного управления РКМ НКВД БССР – газете «На варце Кастрычніка». Актуальность исследования обусловлена и тем, что несмотря на то, что рядом историков, таких как А.Ф. Вишневский [2], А.И. Мурашко [3], А.В. Кащеев [4], И.А. Мамайко [5], Д.Н. Понуждаев [6] исследовались вопросы деятельности РКМ в межвоенный период, однако данный аспект не нашел отражения в отечественной историографии.

Требуется отметить, что номеров газеты «На варце Кастрычніка» сохранилось относительно немного. Можно с уверенностью утверждать, что в период с 12 ноября 1931 г. (первый номер) и до 29 марта 1941 г. (последний известный номер) вышло в свет 312 номеров газеты. Всего известно 82 номера (26,28 %) [7]. Однако, что важно, для исследования доступны тематические номера, посвященные празднованию Международного женского дня за 1939 [8] и 1941 [9] года, что вкупе с остальными материалами позволяет составить достаточно целостную картину официального взгляда руководства РКМ на положение женщины в работе органов внутренних дел.

Следует отметить, что, в целом, публикаций, посвященных работникам милиции женского пола, совсем немного. Так, по нашим подсчетам в сохранившихся номерах газеты имеется всего 309 именных фотографий милиционеров на 321 странице, из них 239 (77,34 %) – фото мужчин на 93 страницах, и лишь 70 (22,66 %) – женщин на 21 странице. На наш взгляд, это связано с тем фактом, что в территориальных подразделениях, о службе которых рассказывал печатный орган, в абсолютном большинстве личный состав состоял из мужчин, в то время как женщины в основном служили в подразделениях центрального аппарата на административных должностях [9, с. 2–3]. При этом, значительная часть материалов о женщинах сопровождались

групповыми либо индивидуальными фотографиями и были размещены в номерах, приуроченных к Международному женскому дню – 38 (42,85 % от всех женских фотографий) в двух выпусках газеты [8], [9]. Именно выпуски, посвященные празднику, являются для нас наиболее ценным источником сведений, в силу концентрированности информации и официальной позиции милицейского ведомства о положении и образе женщины в советской милиции.

Содержание статей достаточно разнообразно. По основному содержанию их можно разделить на несколько групп. Однако такое деление не является жестким, так как авторы, в условиях ограниченного объема печатного издания, старались наполнить свои публикации максимально возможным количеством информации, акцентируя внимание на каком либо аспекте, при этом не забывали вкратце описать состояние дел по всем направлениям работы с женщинами. Приведенная классификация позволяет структурировать полученные сведения и наглядно представить, что руководству РКМ виделось наиболее актуальным в данном направлении политико-воспитательной работы с личным составом.

В первой группе публикаций особо подчеркивалось, что «Великая Сталинская Конституция предоставляет женщине СССР равные с мужчиной права во всех областях культурной и общественно-политической жизни» [8, с. 1]. И соответственно, в ведомственной печати активно пропагандировались достижения советских женщин в различных сферах. Так, примерами являлись зачинатели стахановского движения Евдокия и Марии Виноградова, трактористки Прасковья Ковардак и Прасковья Ангелина, летчицы Полина Осипенко, Валентина Гризодубова, Марина Раскова, академик Лина Штерн, чем подчеркивались широкие возможности, которые советское государство создает для женщин [8, с. 1]. Активно использовались цитаты руководителей советского государства, что подчеркивало важность данного направления в политике государства. Например, В.И. Ленина «Нам надо добиться, чтобы женщина-работница добилась не только по закону, но и в жизни равенства с мужчиной-работником» [8, с. 1], или И.В. Сталина «Такіх жанчын не бывала і не магло быць у стары час» [9, с. 1].

В этом же духе, как правило от первого лица, с указанием их персональных данных, публикацией фотографий, осуществлялся рассказ о женщинах-милиционерах и подчеркивалась возможность у них сделать карьеру в органах внутренних дел, достигая при этом высоких должностей и званий. Например, в номере от 8 марта 1941 г. приведены примеры 7 женщин-работников милиции, которые удостоились звания среднего начальствующего состава РКМ – это младший лейтенант милиции Некрасова, сержанты милиции – Виноградова, Кантарович, Кудрявцева, Сигалова, Кожемякина, Бондаренко. При этом, требуется отметить, что с аналогичными специальными званиями их коллеги-мужчины зачастую занимали должности начальников районных и городских отделов и отделений милиции [10, л. 54], что свидетельствует о реальном наличии действующих социальных лифтов в РКМ и государстве в целом. При этом, указанные работники начинали с низовых должностей и в качестве признания их заслуг успешно продвигались по карьерной лестнице. Так, следующим образом о себе писала старший инспектор отдела службы и боевой подготовки УРКМ НКВД БССР сержант милиции Бондаренко «Больш 8 год працую я у гэтых органах. З першых-жа дзён я імкнулася не толькі выконваць тэхнічную работу, але і старалася засвоіць усю многагранную работу міліціі. Усё гэта разшырала мае веды, мой кругазор. Гэта дала магчымасць мне вырасці з справавода да ст.інспектара АСБП УРСМ НКУС БССР. Работай я авалодала нядрэнна і атрымала спецзванне – сержант міліціі» [11, с. 3].

Использовались и стихотворные формы для поздравления женщин и отражения их положения в жизни советского общества в целом. В целях иллюстрации считаем целесообразным, привести одно стихотворение без сокращений:

«Да Кастрычніка жаняынам
Жыццё дрэннае было,
А цяпер вы паглядзіце, –
У кветках, красках расцвіло.
У нас цяпер жанчына
цэмру разагнала,

Мае права, як мужчына,
Пісьменную стала.
У нас жанчына трактарыст,
Старшыня калгаса,
Славуты машыніст на заводах нашых.
Летчыкам адважным
Лятае ў паветры.
І адважная танкістка,
І старшыня савета.
У нас цяпер жанчына
У кветках. Красках расцвіла,
Гэта твая, вялікі Сталін,
Канстытуцыя дала» [12, с. 1].

К этой группе статей можно отнести и материалы, которые рассказывают о тяжелой судьбе женщины в странах капиталистического лагеря. Отсутствие политических и гражданских прав, безработица, невозможность получить образование, более низкая чем у мужчин оплата труда, тяжелый физический труд подростков, продажа девушек в публичные дома – все это «нередко толкает трудящихся женщин капиталистических стран на самоубийство и преступления. По сообщению английской газеты “Ивнинг стандарт”, в городе Виндзоре жена одного безработного не видя иного способа прокормить детей, решила продать роговую оболочку своего глаза» [13, с. 4].

Не оставались женщины в стороне от важных общественно политических событий таких, например, как выборы в областные, районные, городские Советы депутатов трудящихся БССР 1939 г. Так, от УРКМ НКВД БССР всего было выдвинуто 9 кандидатов в депутаты советов городского и районного уровней, из них женщины – 2 (22 %) человека: А.Д. Тряхова – председатель совета жен УРКМ НКВД БССР (основная работа – председатель 2-го избирательного участка Молотовского округа г. Минска) и М.И. Виноградова – помощник оперативного уполномоченного спецотдела УРКМ НКВД БССР [14, с. 1–4], [15, с. 1–4].

Как уже говорилось выше, активно использовался такой вид поощрения и стимулирования работников, как размещение фотографий с краткой информацией о достижениях работников женского пола, например, «Маладыя работнікі ўпраўлення РСМ НКУС БССР, хутка завалодаўшыя тактыкай даручанай ім работы. НА ЗДЫМКУ ў першым радзе (злева направа): упаўнаважаны пашпартна-рэгістрацыйнага аддзеда тав. Озерава і дактыласкапіст тав. Дударава…» [16, с. 3].

В духе времени (март 1939 г.), не были обделены вниманием и политические оппоненты, в отношении которых авторы не стеснялись в выражениях «Подлые враги народа, троцкистко-бухаринские агенты фашизма, замышляли черное, кровавое дело – они хотели восстановить в нашей стране власть капиталистов, отнять у советских народов великие завоевания социализма, ввергнуть трудящихся в ярмо бесправия и капиталистической эксплуатации и тем самым снова закабалить женщину, обречь ее на горькую, бесправную и тяжелую жизнь». И только сплочение трудящихся вокруг партии и «вождя народов товарища Сталина» помогло в разгроме «осиных гнезд фашистких наемников» [8, с. 1].

Все вышесказанное имело, на наш взгляд, намерение убедить советских женщин-милиционеров, что только советский строй создал им возможности воспользоваться системой социальных лифтов, получить образование, достойную заработную плату, политические и гражданские права, а следовательно они должны были осознанно защищать первое в мире социалистического государства от внутренних и внешних врагов.

Следующая группа статей посвящена оборонной работе среди женщин-работников РКМ. Например, в номере от 8 марта 1939 г. прославлялось такое достижение двух женщин-водителей, которые приняли участие в военнизированном автопробеге, в ходе которого им необходимо было проехать в автоколонне расстояние в 80 километров, соблюдая все правила дорожного движения и при этом находится за рулем в противогазе. Управление УРКМ НКВД БССР представляли водители Затогина и Шакуло. По итогам Затогина заняла первое

место, проведя свой автобус без единого замечания контролера. Как указано в публикации «После финиша, сняв противогаз, тов. Затогина заявила: что могла бы провести машину в противогазе еще не менее 300 км». Также подчеркивалось, что и молодой водитель Шакуло, еще недавно курьер УРКМ, провела свою грузовую машину на оценку «хорошо» [17, с. 1].

Активно пропагандировались успешные примеры занятия женщинами военно-прикладными видами спорта. Так, заведующий делопроизводством УРКМ НКВД БССР Батян, после трех лет занятий лыжным спортом на городских соревнованиях на приз газеты «Звязда» значительно перевыполнила норматив всесоюзного физкультурного комплекса «Готов к труду и обороне», пробежав дистанцию в 5 километров за 26 минут 7 секунд, а начальник отдела кадров Лаврентьева на соревнованиях по военизированной лыжной эстафете (бег на лыжах – 5 километров и метание гранаты) показала результат 39 минут и 1 секунда. И в целом, по состоянию на 8 марта 1941 г. нормативы указанного комплекса по лыжному спорту первой ступени успешно сдали 251 милиционер из которых 21 составляли женщины, второй ступени 77 человек – из них 10 женщин [18, с. 2].

И в целом, освещение вопросов повышения качества оборонной работы среди личного состава в ведомственной печати постоянно находилось в фокусе внимания руководства РКМ, в том числе как средство обеспечения высокой эффективности повседневной деятельности милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью [7, с. 49].

Немаловажной группой материалов, составляющей работу с женщинами в газете «На варце Кастрычніка» стало освещение работы отдельных советов жен работников милиции, действовавших в каждом подразделении, на которые возлагалось немало обязанностей и их достижения освещались в газете в качестве примера для всех подразделений. Так, в статье «Работа совета жен» перечислены такие направления работы совета жен работников милиции Минского гарнизона, как культурно-просветительская, военная, бытовая, детская. В рамках работы секций по указанному направлению было сделано следующее: созданы кружки стрелковый, противовоздушной и противохимической обороны, готовности к санитарной обороне, текущей политики, художественной самодеятельности. Членами совета были обследованы условия и качество работы общежитий, ленинских комнат, столовых и квартир работников, что привело к решению ряда проблем. А по итогам подготовки в стрелковом кружке женская сборная команда заняла первое место в соревнованиях, посвященных 21-ой годовщине Красной Армии [8, с. 3]. Но, как заметила капитан команды Атаманова, подчеркивая успехи женщин-стрелков, «Однако, нужно признать, что работа проведена недостаточно. Нам нужно добиться того, чтобы все сотрудницы УРКМ и жены работников РКМ были отличными стрелками» [8, с. 2].

Примечательно, что под контроль представителей совета жен и политработников рекомендовалось поставить и личное время домохозяек. Так, автор статьи от 15 августа 1938 г. с говорящим названием «Аднавіць работу сярод жанчын» подвергает критике то, что никто не заботится о том, чтобы женщины данной категории были в курсе внутренней и внешней политики государства. С возмущением она пишет «У дамах РСМ–Комуністычная, 3 і Свярдловская, 85 пражывае многа жанчын – хатніх гаспадынь. Амаль кожны вечар яны збіраюцца ў больш утульным месцы каля дома пасядзець, вядуць розныя адвольныя гутаркі. Чаму-бы сюды не заглянуць работніку палітадзела і правесці цікувую гутарку аб міжнародным становішчы і другіх пытаннях, якімія цікавяцца жанчыны» [19, с. 4].

Как мы считаем, вовлечение жен работников милиции в повседневную деятельность РКМ ставило целью как решение ряда бытовых проблем личного состава без привлечения финансовых и человеческих ресурсов, так и обеспечение дополнительного воздействия на работников милиции в части повышения их политической благонадежности и обеспечения ими соблюдений требований дисциплины и законности.

Исходя из всего вышесказанного можно утверждать:

Руководство РКМ, с учетом преобладания среди личного состава работников мужского пола, все же уделяло достаточное внимание в политико-воспитательной работе с женщинами на страницах ведомственной печати.

Основным лейтмотивом было воспитание женщин-работников милиции на примерах женщин, добившихся успехов в различных областях, которым власть предоставила равноправие в политических и гражданских правах с мужчинами, сделало доступным получение качественного образования. При этом подчеркивалось, что только в социалистическом государстве для женщины появились вышеуказанные возможности, что обеспечивало их воспитание в духе преданности советскому государству. Этому же способствовало активное вовлечение женщин в оборонную работу, занятия военно-прикладными видами спорта.

Работа советов жен работников выступала в качестве дополнительного ресурса по решению бытовых проблем личного состава, что в конечном счете, должно было положительно сказаться на качестве повседневной деятельности РКМ по охране общественного порядка и борьбе с преступностью.

Литература

1. Об объявлении 2026 года Годом белорусской женщины. – URL : https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-1-ot-1-anvara-2026-g (дата обращения: 21.01.2026).

2. Вишневский, А. Ф. Организация и деятельность милиции Беларуси 1917–1940 гг. : историко-правовые аспекты / А. Ф. Вишневский ; науч. ред. В. М. Фомин. – Минск : Тесей, 2000. – 224 с.

3. Мурашко, А. И. Становление подразделений криминальной милиции органов внутренних дел Беларуси / А. И. Мурашко // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 28 янв. 2022 г. / МВД Респ. Беларусь, УО «Акад. МВД Респ. Беларусь» ; под ред. П. В. Гридюшко. – Минск, 2022. – С. 25–26.

4. Кащеев, А. В. Революционная законность в советской правовой мысли 20-х гг. XX в. / А. В. Кащеев // К 100-летию провозглашения БССР : матер. респ. науч.-практ. конф., Минск, 18 янв. 2019 г. / Акад. МВД Респ. Беларусь ; редкол.: В. И. Павлов (пред.), А. И. Мурашко, С. А. Семенова. – Минск, 2020. – С. 50–54.

5. Мамайко, И. А. Становление и развитие милиции на территории Беларуси (1917–1934 гг.) : автореф. дис. … к-та ист. наук : 07.00.02 / Мамайко Иван Андреевич ; Бел. гос. ун-т. – Мн., 2024. – 24 с.

6. Понуждаев, Д. Н. Могилевская милиция в довоенный период (1917 – первая половина 1941 г.) : моногр. / Д. Н. Понуждаев. – Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2019. – 172 с.

7. Тютюнков, А. Н. Деятельность руководства рабоче-крестьянской милиции БССР по повышению уровня профессиональной подготовки работников милиции в 1931–1941 гг. (По материалам газеты «На варце Кастрычніка») / А. Н. Тютюнков // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2019. – № 4. – С. 44–49.

8. На варце Кастрычніка – 1939. – 8 сак. – С. 1–4.

9. На варце Кастрычніка – 1941. – 8 сак. – С. 1–3.

10. Список личного состава УНКВД Могилевской области по состоянию на май месяц 1941 г. // Архив УВД Могилев. облисполкома. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 1/6. Л. 1–54.

11. Бандарэнка. Апраўдаю высокае званне / Бандарэнка // На варце Кастрычніка. – 1941. – 8 сак. – С. 3.

12. У нас цяпер жанчына ў кветках, красках расцвіла // На варце Кастрычніка – 1941. – 8 сак. – С. 1.

13. Неверова. Тяжел удел трудящейся женщины в странах капитала / Неверова // На варце кастрычніка. – 1939. – 8 сак. – С. 4.

14. «На варце Кастрычныка». – 1939. – 11 снеж. – С. 1–4.

15. «На варце Кастрычныка». – 1939. – 15 снеж. – С. 1–4.

16. «На варце Кастрычныка». – 1939. – 19 студз. – С. 3.

17. Морсон. Лучшие водители машин» / Морсон // На варце Кастрычніка. – 1939. – 8 сак. – С. 1.

18. Шчукін. Актывісткі-фізкультурніцы / Шчукін // На варце кастрычніка. – 1941. – 8 сак.– С. 2.

19. Трахава. Аднавіць работу сярод жанчын / Трахава // На варце кастрычніка. – 1938. – 15 жн.– С. 4.

Могилевский институт МВД
Республики Беларусь

Поступила в редакцию 26.01.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (157), 2026

УДК 94:359(392)«13»:94:359(495.86)«13» EDN: IUKSGP

Сравнительная характеристика флота западноанатолийских бейликов и Ордена госпитальеров в первой половине XIV в.

М.М. Шпет

В данной статье автор решает важную научную проблему сравнительного анализа флота западноанатолийских бейликов (Ментеше, Сарухан, Караси (Кареси), Айдын) и Ордена госпитальеров в период их противостояния в Восточном Средиземноморье в первой половине XIV в. Автор приходит к выводу о том, что несмотря на многочисленность тюркского флота, флот госпитальеров обладал большей боеспособностью, что было обусловлено целым рядом факторов, среди которых стоит выделить военно-тактическую подготовку, техническое превосходство и поддержку Ордена со стороны европейских государств.
Ключевые слова: Восточное Средиземноморье, западноанатолийские бейлики Ментеше, Сарухан, Караси (Кареси), Айдын, Орден госпитальеров.

The comparative analysis of the fleet of Western Anatolian beyliks (the beyliks of Menteshe, Karasi, Sarukhan and Aydin) and the Order of Hospitallers in the first half of the XIV century is considered by the author in the article. The author had found, that the fleet of the Order of Hospitallers had greater combat capability due to a number of factors: military-tactical training, technical superiority and support from European states.
Keywords: the Eastern Mediterranean, Western Anatolian beyliks of Menteshe, Sarukhan, Karasi (Karesi), Aydin, the Order of Hospitallers.

Военное противостояние западноанатолийских бейликов и Ордена госпитальеров восходит к началу XIV в. На протяжении 1295–1304 гг. бейликам Ментеше, Сарухан, Караси и Айдын удалось захватить византийские территории на западе Малой Азии. Получив выход к морю, в начале XIV в. западноанатолийские беи способствовали становлению и развитию собственного военного флота, совершая набеги на византийские земли во Фракии и Македонии, а также покровительствовали пиратству в Эгейском море, приносившему тюркам немалые доходы [1, с. 75].

Непосредственные контакты западноанатолийских бейликов с Орденом госпитальеров начались ещё до того, как в 1309 г. о. Родос полностью перешёл под контроль Ордена [2, с. 283]. Известно, что в 1300-е гг. в бейлике Ментеше находилось около 250 родосских торговцев, закупавших продовольствие и скот [3, с. 31]. Однако, помимо этого, магистры Ордена госпитальеров, как и анатолийские беи, покровительствовали развитию пиратства, в том числе перехватывая судна, пытавшиеся доставить в Египет строительный лес, кожу и другие товары из Малой Азии [4, с. 322]. Таким образом, столкновение экономических интересов между сторонами привело к столкновению военному. В силу своей географической специфики, военный конфликт между сторонами протекал преимущественно в форме военно-морских операций. В связи с этим, особый интерес представляют тактико-технические характеристики военно-морского флота западноанатолийских бейликов и Ордена госпитальеров.

Актуальность исследования обусловлена малой изученностью военных аспектов противостояния западноанатолийских бейликов (Ментеше, Сарухан, Караси (Кареси), Айдын) и Ордена госпитальеров в первой половине XIV в. в отечественной и мировой историографии. Цель работы – провести сравнительную характеристику флота западноанатолийских бейликов и Ордена госпитальеров в период их непосредственной конфронтации в первой половине XIV в.

Прежде всего, стоит отметить, что на становление флота западноанатолийских бейликов Ментеше, Сарухан, Караси и Айдын огромное влияние оказал флот европейских государств (Венецианская республика, Генуэзская республика, Византийская империя). Первые экономические контакты западноанатолийских бейликов с европейскими государствами относятся ещё к 1260-м гг., в результате чего тюрки имели достаточно времени, чтобы изучить устройство европейских суден [5, с. 83]. Таким образом, судна западноанатолийских бейликов имели немало сходств с суднами Венеции, Генуи и Византии, однако имели и ряд различий [6, с. 22].

Флот западноанатолийских беев состоял преимущественно из небольших быстрых гребных суден – игрибар (грипария) и кайиков (кайка) [7, с. 46]. Игрибара (грипария, грипарион) – это небольшое одномачтовое транспортное судно с 4–5 парами вёсел. Хотя в бейликах их стали использовать в военных целях, традиционно ими пользовались торговцы для перевозки товара [8, с. 167–168]. Термин «кайик» происходит от турецкого слова «kayik», означающего «лодка». Кайик (кайка) представлял из себя небольшое военное двухмачтовое парусно-гребное судно, оборудованное 12 парами вёсел, способное развивать скорость от 1–2 узлов до 10–12 узлов и более при попутном ветре и хороших погодных условиях. В более поздний период (XV–XVIII вв.) на носу кайика располагалось одно огнестрельное орудие [9, с. 323–324]. Зачастую кайики и игрибары использовались не для прямых морских столкновений, а для перемещения пехотинцев к месту планируемой высадки и боевых действий на суше [6, с. 22]. Управляли такими суднами реисы – капитаны, состоявшие на службе у беев [10, с. 218]. Гребцами на галерах являлись рабы, в основном из числа военнопленных, захваченных в боях. В каждом западноанатолийском бейлике были свои центры торговли рабами, крупнейшими из которых были Балат (Ментеше), Балыкесир (Караси), Маниса (Сарухан), Айасулук (современный Сельчук; Айдын) [11, с. 84].

Основу тюркских войск, находившихся на судне, составляли азебы (азабы, азапы) – ополчение, набиравшееся на время военных действий из числа реайа (налогоплательщиков) в XIV–XVII вв. Обычно это был один воин от 20–30 крестьянских хозяйств [6, с. 15]. Они носили красные берки – традиционный головной убор округлой формы, отороченный мехом, часто украшенный вышивкой или узорами. Термин «азаб» в переводе с арабского означает «неженатый». Изначально он использовался для обозначения пехотинцев различного происхождения на суше и на море. Однако уже в первой половине XIV в. этим термином стали называть исключительно солдат, организованных в качестве морской пехоты [9, с. 325]. Несмотря на то, что все они являлись мусульманами, помимо тюрок в их числе находились обращённые в ислам греки, венецианцы, генуэзцы и каталонцы [12, с. 81–82]. Азебы позиционировали себя в качестве гази – участников газават джихада (священной исламской войны против неверных) [9, с. 325].

Ещё одним типом военных суден, активно использовавшимся западноанатолийскими беями, были кадырги (триеры) – боевые галеры с тремя рядами гребцов. Они имели сходство с венецианскими галерами по размерам и количеству банок (скамьи для гребцов на суднах). Банок на судне было 49:25 с одной стороны и 24 с другой. При этом на банке сидели по трое гребцов, а их общее количество на судне достигало 150 человек. К концу XIV в., за счёт добавления четвёртого гребца на банку, их общее количество на судне увеличилось до 200 человек. Кадырги имели мелкую осадку судна – небольшое вертикальное расстояние от ватерлинии (линия соприкосновения спокойной поверхности воды с корпусом плавающего судна) до нижней точки корпуса судна (обычно киля), что повышало их маневренность, скорость и делало их незаметными с дальних расстояний для противника. Средняя скорость кадырги составляла 4–5 морских узлов, но при необходимости могла достигать 9 [9, с. 324]. Более того, для постройки галер обычно не требовались специальные верфи. Стоит отметить, что для XIV в. количество галер во флоте было определяющим фактором его боеспособности. Так, в 1329 г. в бейлике Айдын была только одна галера, а их крупномасштабное строительство началось в 1332–1334 гг. [12, с. 56]. Таким образом, несмотря на многочисленность суден, совокупная мощь тюркского флота не была колоссальной.

Отсутствие большого количества галер (кадырг) обуславливало тактические особенности флота западноанатолийских беев. Основным их принципом было избегание прямых столкновений с христианским флотом. Небольшие судна (кайики и игрибары) совершали морские рейды и захваты торговых суден вдоль побережья и островов и могли быть легко подняты на берег в случае серьёзной для них угрозы. Таким образом, военная мощь флота западноанатолийских бейликов заключалось не в качестве, а в количестве суден, атаковавших противника [7, с. 46]. Следует отметить, что военная структура и тактика флота западноанатолийских беев была перенята османами и активно применялась ими на протяжении второй половины XIV–XV вв. [13, с. 302–311].

Первые упоминания о флоте Ордена госпитальеров относятся к 1300 г., когда основные силы ордена были расположены на о. Кипр. С 1301 г. флотом руководил адмирал, назначавшийся из числа опытных мореходов [14, с. 225]. Основу флота Ордена госпитальеров составляли быстроходные галеры, которые не зависели от ветра, могли с лёгкостью менять направление и скорость хода [15, с. 23]. Экипаж средней галеры включал около 200 гребцов, 50–200 солдат, а также до 50 моряков [14, с. 226]. Самой прочной частью судна был его полубак (надстройка над верхней палубой в носовой части корабля), на котором размещалась большая часть войск. Иногда на полубаке устанавливался небольшой камнемётный мангонель (одноплечевой камнемёт) для использования против наземных укреплений [16, с. 109]. Средняя скорость галеры составляла 4,5 узлов в первый час, а затем снижалась до 1,5–2 узлов [14, с. 226]. При этом на коротких дистанциях максимальная скорость могла достигать 7–8 узлов, что было весьма полезным преимуществом во время атаки [17, с. 55]. Примечательно, что при ближней навигации капитаны зачастую обходились без карт, запоминая расположение мысов, островов, бухт и якорных стоянок [15, с. 23].

Город Родос был крупнейшим центром работорговли в Восточном Средиземноморье. Госпитальеры использовали рабов не только для выкупа христиан, но и для собственных целей. Так, например, рабы в большом количестве требовались в качестве гребцов на галерах Ордена. Стоит отметить, что башня Найяка на о. Родос, возведённая в годы правления Великого магистра Филибера де Найяка (1396–1421 гг.), была построена исключительно руками пленных тюрок [18, с. 116].

Что касается тактических аспектов, то действия флота госпитальеров напоминали атаку кавалерии. В основном, галеры госпитальеров выходили в море по две и более, а при нападении выстраивались в ряд и атаковали противника [14, с. 226]. Зачастую госпитальеры нападали на торговые судна в проливах, отправляя в преследование наиболее быструю галеру, основная задача которой заключалась в том, чтобы заставить двигаться торговое судно к мысу, где его подстерегала вторая галера, отрезая таким образом дальнейшую возможность к отступлению [15, с. 23]. В прибрежных операциях Орденом чаще использовались биремы. Они отличались от галер меньшими размерами (длина 30–38 м), количеством гребцов (до сотни) и были оснащены тараном для взятия судна на абордаж. Чтобы не позволить противнику взять на абордаж собственное судно, над палубой навешивали сетку, что также могло служить защитой от некоторых типов снарядов. Огнестрельное оружие, в том числе ручное, получило широкое распространение на суднах госпитальеров уже после захвата Смирны (Измира) в 1344 г. В свою очередь, для защиты от вражеских огнестрельных атак госпитальеры использовали тяжёлую защитную обивку вокруг бака (передняя часть палубы от носа до фок-мачты – первой мачты от носа к корме судна) и по бортам судна [16, с. 110]. Также стоит отметить, что рыцарям Ордена госпитальеров не были чужды такие пороки как азартные игры, пьянство [14, с. 228].

В первой половине XIV в. произошло немало боевых действий между флотом западноанатолийских беев и Ордена госпитальеров. На их основании мы можем сделать достоверные выводы о военной мощи флотов обеих сторон.

В начале XIV в. между Орденом и бейликом Ментеше шла активная борьба за контроль над о. Родос. В результате военных столкновений на суше тюрки были изгнаны с Родоса к 1309 г. В этом же году госпитальерам также удалось захватить 7 соседних островов [2, с. 283]. Кроме того, госпитальеры промышляли пиратством, перехватывая суда, пытавшиеся доставить в Египет строительный лес, кожу, специи, шёлк, сахар, зерно и другие товары из Малой Азии [19, с. 322].

Следующее крупное столкновение между бейликом Ментеше и Орденом госпитальеров произошло в 1312 г. [20, с. 33]. Флот бейлика Ментеше в составе 23 суден появился у о. Родос, однако был сожжён при столкновении с галерами великого магистра Фулька де Вилларэ (1309–1349 гг.). В бою госпитальеры также захватили в плен около 800 айдынских воинов, высадившихся на о. Аморгос в 1311 г. [21, с. 6].

В мае–июне 1318 г. флот бейлика Ментеше в составе 1500 человек на 16 баржах совершил рейд по островам Скарпант (Карпатос), Санторини (Тира) и готовился к нападению

на о. Крит [22, № 61]. В 1318 г. великий командор Альберт Шварцбург одержал морскую победу над флотом Ментеше, а год спустя 23 июля 1319 г. на 24 кораблях с 80 рыцарями Ордена госпитальеров вместе с 7 генуэзскими кораблями им был разгромлен флот Ментеше из 10 галер и 18 мелких суден [23, с. 147]. Особенно тяжёлым было поражение 1320 г., в котором флот генуэзцев и госпитальеров в составе 6 генуэзских галер, 4 галер и 20 мелких суден госпитальеров уничтожил свыше 83 суден бея Ментеше, а также захватил в плен более 5 тыс. воинов [24, с. 784]. После этих побед в течение последующих ста лет ни один тюркский бей не решался совершать военные походы на о. Родос [25, с. 61].

В 1320-е гг. началось стремительное возвышение соседних с Ментеше бейликов Сарухан и Айдын. К 1319 г. айдынский флот насчитывал 10 галер, 19 шестидесяти и восьмидесятивёсельных суден с экипажем 2600 моряков [21, с. 9]. Однако этот флот был практически полностью уничтожен объединённой армией госпитальеров и генуэзцев под командованием правителя о. Хиос Мартино Дзаккария 23 июля 1319 г. [26, с. 159]. Спастись удалось лишь 400 тюркам на шести судах. Флот был восстановлен к 1322 г., однако по-прежнему уступал европейским судам по своим характеристикам [27, с. 30].

С 1329 г. в бейлике Айдын началось строительство боевых галер [12, с. 316]. Айдынский флот в основном состоял из небольших быстрых гребных суден (игрибар и кайиков), которые легко могли быть подняты на берег. Совершая рейды и захват торговых суден вдоль побережья и островов, они старались избегать прямых столкновений с флотом европейцев [7, с. 46].

Военные столкновения между западноанатолийскими бейликами и Орденом госпитальеров продолжились в годы действия Священных лиг 1332–1337 гг. и 1343–1348 гг. [28], [29]. Однако теперь, помимо Ордена госпитальеров, западноанатолийским бейликам противостояла объединённая коалиция европейских государств. В Священной лиге 1332–1337 гг. принимали участие Венецианская республика, Генуэзская республика, Кипрское королевство, Французское королевство, авиньонское папство [30, с. 179], а также Византийская империя [31, с. 401].

Осенью 1334 г. флот Священной лиги начал активные военные действия [32, с. 30]. Была предпринята атака европейцев на Смирну (Измир), во время которой тюрки отразили нападение флота, состоявшего из 10 галер родосских рыцарей, 10 галер кипрского короля и 10 галер генерального капитана Лиги Пьетро Дзено [33, с. 76]. Во время военных действий погиб Мехмед Айдыноглу, после чего Умур-беем был объявлен газават, во время которого 276 кораблей Умура-бея Айдыноглу и Сулеймана Саруханоглу беспрепятственно совершили нападение на Монемвасию. Тюркам удалось разграбить Морею, после чего они дошли до стен Мистры [34, с. 52]. Однако эта экспедиция тюрок стала первой и последней – на обратном пути мусульманский флот разделился, а корабль Сулеймана Сарухан-бея наскочил на скалу и подвергся нападению 10 вражеских галер [32, с. 31].

К осени 1334 г. консолидация христианских сил была закончена. С 11 по 17 сентября флот участников Лиги в нескольких боях одолел тюркский флот, в одном из которых был убит зять Яхши Карасиоглу [35, с. 113]. Решающее сражение произошло в конце октября 1334 г. в заливе Эдремит. В нём приняли участие 43 христианских галеры (папы римского, Французского королевства, Венецианской республики, Ордена госпитальеров, Кипрского королевства), которые под командованием Пьетро Дзено разгромили флот Яхши Карасиоглу [27, с. 96]. Было сожжено 150 больших суден, сотни средних и малых, а также убито более 5 тыс. тюрок. Той же осенью флот крестоносцев одержал ряд внушительных побед у побережья Малой Азии. В течение следующих двух лет галеры венецианцев и госпитальеров продолжали патрулировать в Эгейском море до тех пор, пока западноанатолийские беи не пошли на заключение мирных соглашений [32, с. 33–35]. В компании 1335 г. только от Ордена госпитальеров было выставлено 6 галер, 8 вспомогательных суден и 200 воинов. Госпитальерам также удалось вернуть себе о. Кос [23, с. 156].

В годы действия Священной лиги 1343–1348 гг. возобновились морские сражения между участниками Лиги (Венецианская республика, Орден госпитальеров, Кипрское королевство, Французское королевство, авиньонское папство) и западноанатолийскими бейликами [36, с. 263]. На начальном этапе удача сопутствовала крестоносцам. В день Вознесения (13 мая

1344 г.) флот Священной лиги сжёг 52 тюркских корабля у горы Афон, а 28 октября соединённые силы Венеции и Ордена госпитальеров захватили г. Смирну (Измир) [37, с. 260]. Впоследствии госпитальеры удерживали Смирну (Измир) вплоть до 5 января 1403 г., когда крепость была взята войсками великого эмира Тимура (Тамерлана; 1370–1405 гг.) [38, с. 192].

Действия Священной лиги 1343–1348 гг. подорвали положение бейлика Караси. Во второй половине 1340-х гг. в бейлике проходила междоусобная война между Аджлан-беем (Тимур-ханом) и Турсун-беем, которого поддержал османский султан Орхан Гази (1324–1362 гг.). После взятия Балыкесира в 1349 г. Турсун-бей был смертельно ранен во время осады Пергама (Бергамы). Однако османы продолжили боевые действия, полностью завоевав Караси к 1363 г. Бейлик Караси стал плацдармом для османского вторжения в Европу, а его флот заметно усилил военную мощь османского флота [39, с. 165–166].

Таким образом, при сравнении флота западноанатолийских бейликов (Ментеше, Караси, Сарухан, Айдын) и флота Ордена госпитальеров мы можем выделить следующие характерные черты. Основу флота западноанатолийских беев составляли небольшие гребные суда – кайики (кайки) и игрибары, укомплектованные азебами (аззабами, азапами). Также на вооружении западноанатолийских беев стояли кадырги, однако их количество было недостаточным для полномасштабных боевых действий. Поэтому флот западноанатолийских беев совершал морские рейды и захватывал торговые судна преимущественно вдоль побережья и островов и мог быть легко поднят на берег в случае опасности.

Флот Ордена госпитальеров состоял преимущественно из быстроходных галер, которые легко меняли направление и скорость хода. В прибрежных операциях Орденом чаще использовались биремы, оснащённые тараном для взятия судна на абордаж. Нередко госпитальеры устраивали засады, направляя к противнику наиболее быстроходную галеру, чтобы заставить двигаться судно к мысу, за которым скрывалась другая галера.

В прямых столкновениях между западноанатолийскими бейликами и Орденом госпитальеров победы за счёт большего числа галер одерживал исключительно флот Ордена. Ситуация не изменилась в годы действия Священных лиг 1332–1337 гг. и 1343–1348 гг., когда поддержку госпитальерам в Восточном Средиземноморье стали оказывать европейские государства. Таким образом, военные неудачи западноанатолийских бейликов на море в первой половине XIV в. привели к установлению мирных отношений с Орденом госпитальеров, а боевые действия между сторонами во второй половине XIV в. были прекращены. Зачастую госпитальеры и вовсе выступали в качестве посредников в урегулировании военных конфликтов между бейликами и европейскими государствами Средиземноморья (крестовый поход Пьера I де Лузиньяна, Война Кьоджи).

Литература

1. Шпет, М. М. Деятельность Каталонской компании Востока 1303–1311 гг. / М. М. Шпет // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. – 2021. – № 1 (57). – С. 73–77.

2. Luttrell, A. T. The Hospitallers at Rhodes : 1306–1421 / A. T. Luttrell // A history of the crusades : in 3 vol. / ed. by H. W. Hazard, K. M. Setton. – London, Madison : University of Wisconsin Press, 1975. – Vol. 3: The fourteenth and fifteenth centuries. – P. 278–313.

3. Paoli, S. Codice Diplomatico Del Sacro Militare Ordine Gerosolimitano Oggi Di Malta : in 2 vol. / S. Paoli. – Lucca : Marescandoli, 1737. – Vol. 2. – 645 p.

4. Les gestes des Chiprois : recueil de chroniques françaises écrites en Orient aux XIIIe et XIVe siècles / ed. par G. Raynaud. – Genève : Fick, 1887. – 393 p.

5. Шпет, М. М. Экономические отношения западномалоазийских бейликов с европейскими государствами во второй половине 13 – первой половине 14 вв. / М. М. Шпет // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2020. – № 4 (121). – С. 79–84.

6. Nicolle, D. Armies of the Ottoman Turks, 1300–1774 / D. Nicolle ; ill. by A. McBride. – London : Osprey Publishing, 1983. – 37 s. : VIII ill.

7. Pryor, J. H. Geography, technology, and war Studies in the maritime history of the Mediterranean, 649–1571 / J. H. Pryor. – Cambridge : Cambridge University Press, 1988. – 328 p.

8. Карпов, С. П. Латинская Романия / С. П. Карпов. – СПб. : Алетейя, 2000. – 256 с.

9. Inalcik, H. The Rise of the Turcoman Maritime Principalities in Anatolia, Byzantium, and the Crusades / H. Inalchik // The Middle East and the Balkans Under the Ottoman Empire : Essays on Economy and Society / H. Inalcik. – Bloomington : Indiana University Turkish Studies, 1993. – P. 309–341.

10. The treaty between Duca di Candia Pietro Badoer and the Emir of Mentese Musa, October 13, 1358 (Doc. 1358/1359M) // Trade and crusade : Venetian Crete and the Emirates of Menteshe and Aydin 1300–1415 / E. A. Zachariadou. – Venice : Hellenic Inst. of Byzantine and Post-Byzantine Studies, 1983. – P. 217–218.

11. Жуков, К. А. Начальный этап торговых отношений эмирата Ментеше со странами Леванта (70-е годы XIII – 20-е годы XIV веков) / К. А. Жуков // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVI годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения) : в 3-х ч. / под ред. Ю. А. Петросяна. – М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1982. – Ч. 1. – С. 82–86.

12. Atiya, A. S. The Crusade in the later middle ages / A. S. Atiya. – N.Y. : Kraus, 1965. – 604 p.

13. Imber, C. The Ottoman empire, 1300–1650 : the structure of power / C. Imber. – Basingstoke, Hampshire : Palgrave Macmillan, 2002. – 405 p.

14. Колотова, О. Е. Пиратство ордена госпитальеров в Восточном Средиземноморье (1291–1522 гг.) / О. Е. Колотова // Античная древность и средние века. – Екатеринбург : УрГУ, 1999. – Вып. 30. – С. 223–233.

15. Перминов, П. В. Под сенью восьмиконечного креста (Мальтийский орден и его связи с Россией) / П. В. Перминов. – М. : Международные отношения, 1991. – 168 с.

16. Carr, J. C. The Knights Hospitaller : A Military History of the Knights of St John / J. C. Carr. – Barnsley : Pen & Sword Military, 2016. – 218 p.

17. Шершов, А. П. История военного кораблестроения с древнейших времён до наших дней / А. П. Шершов. – СПб. : Полигон, 1994. – 360 с.

18. Riemschneider, M. Rhodos : Kultur und Geschichte / M. Riemschneider. – Wien u. München : Schroll, 1974. – 158 s.

19. Les gestes des Chiprois : recueil de chroniques françaises écrites en Orient aux XIIIe et XIVe siècles / ed. par G. Raynaud. – Genève : Fick, 1887. – 393 p.

20. Prutz, H. Die Anfänge der Hospitaliter auf Rhodos, 1310–1355 / H. Prutz. – München : Königlich Bayerische Akademie der Wissenschaften, 1908. – 57 s.

21. Delaville Le Roulx, J. Les hospitaliers à Rhodes : 1310–1421 / J. Delaville Le Roulx ; introd. by A. Luttrell. – London : Variorum Reprints, 1974. – 452 p.

22. Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res venetas, graecas atque levantis illustrantia : in 2 pars / ed. G. M. Thomas. – N.Y. : Burt Franklin, 1966. – Pars 1 : a. 1300–1350. – 356 p.

23. Настенко, И. А. История Мальтийского ордена : в 2 кн. / И. А. Настенко, Ю. В. Яшнев. – М. : Русская панорама, 2005. – Кн. 1 : Из глубины веков: госпитальеры в Святой Земле, на Кипре, Родосе и Мальте. XI–XVIII вв. – 416 с.

24. Chronice di Giovanni, Matteo e Filippo Villani secondo le migliori stampe e corredate di note filologiche e storiche / G. Villani, M. Villani, F. Villani ; ed. A. Rachelli. – Trieste : Sezione letterario-artistica del Lloyd austriaco, 1857. – 1078 p.

25. Печникова, Р. Ю. Мальтийский орден в прошлом и настоящем / Р. Ю. Печникова. – М. : Наука, 1990. – 172 с.

26. Северак, Ж. де. Чудеса, описанные братом Журденом из ордена проповедников, уроженцем Северака и епископом города Колумба, что в Индии Наибольшей / Ж. де Северак ; пер. с лат. Я. М. Света // После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны трёх Индий / пер. с лат. и староит., введ. и примеч. Я. М. Света. – М. : Наука, 1968. – С. 136–169.

27. Lemerle, P. L’émirat d’Aydin, Byzance et l’Occident. Recherches sur la geste d’Umur Pacha / P. Lemerle. – Paris : Presses Universitaires de France, 1957. – 276 p.

28. Шпет, М. М. Священная лига 1332–1337 гг. как политический фактор в Восточном Средиземноморье / М. М. Шпет // Научные труды РИВШ. Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. ст. – Минск, 2020. – Вып. 20, ч. 2. – С. 324–332.

29. Шпет, М. М. Крестовый поход на Смирну (Измир) 1343–1348 гг. / М. М. Шпет // Вестник Полоцкого гос. ун-та. – 2021. – № 1. – С. 206–209.

30. Setton, K. M. The papacy and the Levant : in 4 vol. / K. M. Setton. – Philadelphia : American Philosophical Soc., 1976. – Vol. 1 : The thirteenth and fourteenth centuries. – 512 p.

31. Григора, Н. История ромеев : в 3-х т. / Н. Григора ; пер. с греч. Р. В. Яшунского. – СПб. : Своё издательство, 2013. – Т. 1 : Книги I–XI. – 438 с.

32. Zachariadou, E. A. Trade and crusade: Venetian Crete and the Emirates of Menteshe and Aydin 1300–1415 / E. A. Zachariadou. – Venice : Hellenic Inst. of Byzantine and Post-Byzantine Studies, 1983. – 270 p.

33. Enverī. Le destān d'Umūr Pacha = (Düstūrnāme-i Enverī) / Enverī ; ed. par I. Melikoff-Sayar. – Paris : Presses Université de France, 1954. – 155 p.

34. Runciman, S. Mistra : Byzantine capital of the Peloponnese / S. Runciman. – London : Thames Hudson, 1980. – 160 p.

35. Ivanov, V. Sancta Unio or the Holy League 1332–36/37 as a Political Factor in the Eastern Mediterranean and the Aegean / V. Ivanov // Etudes Balkaniques / com. de réd. E. Nikova, L. Simeonova, A. Kostov, M. Spassov. – Sofia : Institut d'Etudes balkaniques & Centre de Thracologie. – 2012. – Vol. 48, № 1. – P. 142–176.

36. Senatus Venetus de armata contra Turcas. Responsio ad litteras papales et ad ambaxalam Clementis VI 1342 (more Veneto, i.e. 1343), indictione XI, die 11 mensis Januarii // Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res venetas, graecas atque levantis illustrantia : in 2 pars / ed. G. M. Thomas. – Venetiis : Sumptibus societatis, 1880. – Pars 1 : a. 1300–1350. – P. 263–265.

37. Die Byzantinischen Kleinehroniken : in 3 bd. / hrsg. von P. Schreiner. – Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1977. – Bd. 2 : Historischer Kommentar. – 644 s.

38. Ibn Arabshah, A. Tamerlane or Timur the Great Amir / A. Ibn Arabshah ; transl. by J. H. Sanders. – London : Luzac & Co, 1936. – 341 p.

39. Neşrī, M. Kitâb-I cihan-nümâ içinde : iç. 2 c. / M. Neşrī ; hazırlayanlar F. R. Unat, M. A. Köymen. – Ankara : Türk Tarih Kurumu Basimevi, 1949. – 419 s.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 10.11.2025

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (157), 2026

Филология

УДК 821.161.3-31*К.Чорный EDN: DDQKVT

Топос *дом* в романе «Поиски будущего» Кузьмы Чорного

Е.С. Балашова

В статье анализируется топос *дом* на примере романа Кузьмы Чорного «Поиски будущего». Топос *дом* является важным элементом в процессе изучения белорусской национальной культуры, самоопределения белорусов. Образ дома полисемичен, он отражает важные перемены в жизни белорусского народа.
Ключевые слова: топос *дом*, антидом, бездомность, утрата дома, окно, порог, дорога, родина.

The article analyzes the topos *house* using the example of Kuzma Chorny's novel «Search for the Future». The topos *house* is an important element in the process of studying the Belarusian national culture, self-determination of Belarusians. The image of the house is polysemic, it reflects important changes in the life of the Belarusian people.
Keywords: topos *house*, antihouse, homelessness, loss of home, window, threshold, road, homeland.

Творчество Кузьмы Чорного представляет собой активный процесс изучения белорусского народа. Каждое его произведение является составной частью к циклу одного крупного и масштабного творения, в котором прошлое и настоящее белорусской нации становится основной темой дискуссии о человеке и человечестве.

Современная белорусская проза широко освещает проблемы мирового и общечеловеческого масштаба, при этом сохраняя национальную специфику. Кузьма Чорный предстал в числе первых белорусских писателей, который способствовал плавному преобразованию белорусской прозы из отдельных лирических и бытовых рассказов в многообразную по стилям, разножанровую и многогранную.

Дом представляет собой один из показательных и многозначных топосов в белорусской литературе. Одной из причин обращения белорусских авторов к топосу *дом* является стремление к сохранению национального своеобразия. Смысловая структура дом расширена многообразным пониманием и метафорическим осмыслением.

В романе «Поиски будущего» Кузьма Чорный показывает не только внутренние глубины психологии личности человека, но и глубины познания жизни. В своих произведениях он демонстрирует непростую жизнь белоруса-труженика, его душевное богатство, чуткую и трепетную душу. Дом из материального сооружения трансформируется в культурно-символический объект, раскрывая разнообразные внепространственные значения.

Ю.М. Лотман считает, что «история проходит через Дом человека, через его частную жизнь» [1, с. 2]. Дом представляет собой один из ключевых ориентиров в жизни человека. По внутреннему обустройству белорусский дом является достаточно сложным объектом пространства. Дом для человека является отражением его мировосприятия и его вторым «я». Н.А. Тучкова пишет: «Дом – это очень близкое к человеку пространство, фактически не отделимое от него самого» [2, с. 8].

В романе «Поиски будущего» Кузьмы Чорного дом представляет собой объект, который можно интерпретировать не только как здание, сооружение, но и осмыслить его символически.

Архитектурная структура дома разделяет мир на открытый и закрытый. Дверь, окна, порог служат одним из важных элементов дома, которые носят символическое и фольклорное значение. Чужой и враждебный мир начинается за порогом, окном и дверью. Границей внутреннего мира человека является граница его дома. Т.В. Цивьян утверждает: «*Дом* – не столько описание жилища, сколько центр своего мира, замкнутое, защищающее пространство, обеспечивающее при этом выход во вне и контакты с внешним миром» [3, с. 10].

Метафора «окна – глаза дома» аллегорически говорит об одушевлении дома. Через окно как границу дома можно одновременно воспринимать мир единым, смотря на жилище как снаружи, так и изнутри. В романе «Поиски будущего» в окне Олечки, когда она ждала Кастуся, было видно, как горит огонь в её хате, указывая на место, в котором ему рады и ждут: «Каля аднаго акна ў Вольчынай хаце гарэў агонь» [4, с. 190]. В тоже время окно в доме может быть и заколочено, как в старой хате Невады, обозначая предзнаменование, наступление новой жизни, завершение прошлого: «Гэта была яго старая хата. Ужо многа год яна пуставала з забітымі дошкамі вокнамі, але не дзвярыма» [4, с. 301]. Жизнь в доме остановилась, с заколоченными окнами в доме человеку тревожно находиться. Окно – это связь между внутренним и внешним миром, в котором теплится надежда на завтрашний день, а когда нет света в доме, то нет и уюта. Окно Невада использует как дверь, оторвав доски: «Ён ададраў дошкі ад куткавога акна ў двары, улез праз акно ў хату і адчыніў сенцы. Паліцы на сценах, жорны ў кутку, старасавецкая засаўка пры вушаку, лескі на гару, вешала ўздоўж сцяны, шчылістыя дзверы ў клець і акенца без шкла, прапілованае ў адным бервяне, – усё захавалася ў гэтых сенцах, як было дваццаць год таму, і нават больш, тады, калі яго Волечка была малая і адна жыла тут, калі ён быў на вайне» [4, с. 301]. Окно и дверь имеют одинаковую функцию – открывать и закрывать, быть проводниками в смежное пространство. В старом доме Невады запечатлено и сохранено прошлое, которое было и грустное, и счастливое, но без семьи в хате не может продолжаться существование. Дом и семья образуют один смысловой образ, который невозможно разъединить. Кастусь Лукашевич, охраняя свою семью от захватчиков, советовал не снимать доски с окон, чтобы не было видно, что в доме прячутся люди: «Вам лепш сядзець у старой хаце, нават ад вуліцы і дошчак з вокан не знімайце» [4, с. 305]. Дом без окон кажется безжизненным и мёртвым, напоминающим гроб. Старый дом, в котором спряталась семья Лукашевич, символизировал уже не жизнь, а место, которое может стать последним для всей семьи: «З траіх адна Ліза не заўважала, што гэтая старая хата стала над жыццём, як помнік над магілаю» [4, с. 305]. Кузьма Чорный стремится отразить связь между внешним миром и психологическим состоянием героев. На образе Лизы Лукашевич автор делает акцент, показывая контрастность человеческих ощущений, различное восприятие реальности даже в одной семье. Безопасное место – дом – уже не может быть объектом защиты, если вокруг смерть, страх и борьба за выживание в условиях войны.

После убийства Поливодского Люцианом Околовичем убийца выскочил во двор через окно: «Акаловіч пераскочыў цераз яго і рынуўся ў акно, але адразу ўзаскочыць на падаконнік не мог, а паспеў яшчэ прыткнуць да сцяны крэсла і тады ўжо кінуцца на двор» [4, с. 350]. Выход через окно представляется многовариантным будущим, возможно, Люциан Околович даже мог бы избежать смерти. Невада также выбирается через окно, потому что путь через дверь закрыт – за ней немцы: «Ён шпарка апынуўся на акне і, трымаючыся за падаконнік, гупнуў нагамі на зямлю» [4, с. 350]. Двое героев, выйдя через одно окно, заканчивают свою жизнь совершенно противоположно.

Порог в доме считается переходным местом, через которое происходит взаимодействие своего с чужим. Олечка ощущала всё, что происходит в её доме даже во время сна, и чувствовала, что Кастусь переступает порог её дома: «Волечка ўсхапілася, як бы электрычны ток працяў яе сонную, калі толькі яе госць увайшоў у хату» [4, с. 190].

Во время боевых действий, зайдя во двор дома, Невада увидел сначала мертвеца: «…на перагрэбенай курамі зямлі, пад запыленым вішняком, ляжаў незнаёмы яму чалавек, і як бы нават нежывы» [4, с. 298–299]. А потом, подойдя к самому дому, Невада на пороге увидел поистине мистическую картину: «Свіронак быў адчынены, і на парозе яго спакойна сядзеў пацук і шморгаў пярэдняй лапаю сабе па носе. Хвост яго звісаў з парога на самы ганак. Верабей напрамілы бог крычаў перад ганкам і дабіваўся таго, каб пацук ачысціў яму дарогу ў свіран» [4, с. 299]. Крыса имеет противоречивый образ, объединяя в себе разрушение и способность к выживанию в самых сложных условиях. В романе «Поиски будущего» Кузьмы Чорного крыса становится антиподом уюта, семьи, чистоты, который может перейти через порог дома и принести разрушение порядку дома. Животные завладели жильём людей, показывая безжизненное состояние двора и хаты, забрав у людей самое ценное и дорогое – дом.

Дом в понимании человека не очерчивается только жилой постройкой, а его территория продолжается во дворе и в саду. В. Лобач пишет, что «…уся сукупнасць пабудоў, што кампануюць вясковую сядзібу, іх прасторавыя, утылітарныя і сімвалічныя суадносіны і выяўляюць не толькі цэнтральны статус уласна дома, але і светапоглядную стратэгію суадносіт чалавека з вонкававым светам» [5, с. 266]. В доме, в котором жила Лиза Лукашевич, дочь Кастуся Лукашевича, расположились полицаи: «…брама таго дома, дзе яна радзілася і вырасла, адчынена і ў двары там поўна людзей, і ніводнага знаёмага твару. Сэрца яе заныла: там, перад вокнамі, на круглай градцы, раслі два кусты ружовага кракосу, якія яна садзіла і палівала. Больш яна ўжо не падыдзе да іх» [4, с. 306]. Клумба теряет своё пространственное значение, приобретая смысл смерти, горя и потери связи с предками. Дом совместно со двором уже не является хранилищем жизненных моментов и воспоминаний, а приносит трагическое противоречие в душу любящих хозяев этого жилища. Розовые крокусы под окном, деревья во дворе и кусты шиповника рядом с домом – это часть души человека, который любит свою местность, свой родной край, свою малую родину. Также, как и Невада ценил куст шиповника, который переносил его в детство, так и Лиза, его внучка, переняла заботу и обрела чувство спокойствия, благодарности к родной земле, ухаживая за растениями, которые росли под окном дома.

А.А. Плотникова и В.В. Усачёва считают: «Дом – жилое пространство человека, символ семейного благополучия и богатства славян, локус многих календарных семейных обрядов» [6, с. 117]. Культурные, духовные ценности человека, его представление о мире формируются в семье, основываясь на нравственных идеях, которые прививаются родителями в доме. Невада – яркий художественный образ, который характеризует специфику национального менталитета. Таким образом, роман «Поиски будущего» Кузьмы Чорного способствует сохранению исторической памяти белорусов.

Дом – сакральное место, которое «железный зверь» отобрал силой. Кастусь Лукашевич, который вынужден прятаться от всех, готов отказаться и от дома своего, в котором он создал семью, но подарить возможность на мирное небо для своих потомков: «Дык няхай не будзе ні дома, але ж не будзе і паліцаяў» [4, с. 308]. Глубина белорусской души и её чистота проявилась в этом поступке. Кастусь Лукашевич готов уничтожить свой дом ради других, принося его в жертву. Дом в качестве спасения и обретения смысла жизни ему не нужен. Кастусь Лукашевич понимает свою причастность к происходящему и не остаётся равнодушным к тем, кто его окружает. Жизнь, семья, родина и будущее важнее физического дома. Кастусь Лукашевич стал опять бездомным, как и в своей юности, когда он встретился с Олечкой. Ценность дома для него определяется значимостью человеческой жизни, важнее которой ничего нет. Бездомность представляет собой социальное явление, возникающее, когда у человека нет семьи либо дома. У Кастуся есть родина, можно ли тогда считать его бездомным? Бездомность приводит к потере индивидуальности, утрачивается связь с предками и родом. Когда Кастусь Лукашевич оказался у Олечки в доме после приезда фельдшера, при подписи акта, он о себе написал так: «…выгнанец з-пад Вілейкі» [4, с. 196]. Психологическое и эмоциональное состояние его говорило также о поиске себя в мире: «Ён страціў з-пад сваіх ног той грунт, на якім стаяў на сваёй Вілейшчыне» [4, с. 196]. В самом начале войны Кастусь Лукашевич ехал куда-то, уходя от военных действий, у него не было какого-то определённого места, где можно обосноваться: «Я на выгнанства ад вайны еду» [4, с. 198]. Обретя семью, построив дом, Кастусю теряет всё, но остаётся родина, которую никто не в состоянии завоевать и отобрать.

Причиной бездомности героев в романе «Поиски будущего» Кузьмы Чорного является социальная катастрофа – война. Для них бездомность является отправной точкой в защите родных мест, спасении своей земли, которая досталась им от предков.

Рижский мирный договор, который был подписан между Польской республикой и РСФСР, устанавливал новую границу. Согласно ему, часть Западной Беларуси оказалась в составе Польши. Дом Сымона Ракутько оказался на границе этих двух государств, сделав его бездомным: «Ці, можа, гэта проста няшчасны чалавек тутэйшай зямлі, каля ціхай хаты якога лягла тая граніца і, як пякельная жудасць, заўсёды была перад яго бяззлобнымі вачыма» [4, с. 255]. Хату, которая дала ему уют в сложные моменты юности, безжалостно отобрали у него, как и семью:

«Бывай, верная сяброўка! Бывайце, дзеці» [4, с. 256]. Дорога, куда вёл свою семью Сымон Ракутько, обернулась для него долгой и нескончаемой одинокой жизнью в ежедневной надежде на воссоединение. Герои Кузьмы Чорного – люди, которые сохраняют и берегут образ дома, семьи и предков. Автор на примере семьи Ракутько демонстрирует стремление и веру в возможности воссоединения и обретения не только дома, но и семейных ценностей, несмотря на то, что происходит во внешнем мире и как эти действия отражаются на судьбах героев.

Люциан Околович – один из самых противоречивых персонажей в романе «Поиски будущего» Кузьмы Чорного, но ему досталась судьба бездомного, вечного странника, который не сможет вернуться в отцовский дом, и его злой рок – скитание по земле. Герой романа всю жизнь находится в положении скитальца, что и отражается в его душе и поступках. Люциан Околович бездомным оказывается не только в прямом социальном смысле, но и в духовном. Во время знакомства Люциан Околович поведал Сымону Ракутько о своей привязанности к месту, в котором родился «…недзе каля Бабруйска ёсць месца, якое чакае мяне» [4, с. 322], «Я любіў той фальварак пад Клецкам, але ён жа быў і маёй атрутай. Там ёсць нізкае і шырокае дрэва, клён, які ўрэзаўся ў маю душу змалку, але і ён мне здаецца нечым несапраўдным, хоць мне і цяжка ведаць, што, можа, ужо я ніколі там не буду і гэтага дрэва не ўбачу» [4, с. 322]. Жизнь Люциана Околовича Кузьма Чорный завершает убийством не случайно. Прозаик показывает, что он заслужил такую смерть всеми своими поступками, взглядами на мир и своими жизненными убеждениями. Смерть Околовича была неизбежной, она выступала как наказание за его желание служить врагам, которые пришли на белорусскую землю с целью захвата территорий. Автор карает его самым страшным для человека образом – обрекает его не быть похороненным на его родине, даже забирает шанс увидеть родительский дом: «Акаловіч са страшнай сілай адчуў непераможную прагу дацягнуцца туды, пад Клецак, і гэта ўжо рабілася яго адзінай мэтай ў жыцці» [4, с. 352]. В момент опасности и переживания за свою жизнь Люциан Околович думает о самом важном и дорогом – о своём доме, в котором он провёл детство. Место между Клецком и Несвижем, где родился и жил вместе с родителями, было неразрывно связано с детством, с мечтами о великом будущем. Люциан Околович – это человек, оторвавшийся от своих корней, позволивший разрушить и уничтожить прошлое, историю своего родительского дома. Он не способен ни сохранить, что ему досталось, ни построить новое, что называлось бы домом.

Невада, возвращаясь из плена, зашёл в старую корчму, во время разговора с хозяином, Шимхой упомянул и о родине, более широком понятии, чем дом: «Адкуль бы ты ні ішоў, то ты ідзеш у свае Сумлічы. А калі нават твая там хата і згніла дарэшты, ты ўсё роўна ідзеш дадому» [4, с. 233], «…тваё шчасце прыйшло да цябе» [4, с. 233–234]. Человек, который имеет малую родину и не вынужден искать своё место под солнцем в этом мире, является счастливым, которому завидуют те, которые остались без дома либо потеряли свой родной край: «Я табе зайздрошчу» [4, с. 233], говорит корчмарь Неваде. Исторические катаклизмы отняли у Шимхи родное место. Его дом и корчма трансформируются в антидом, а сам он теряет корни, опору и уверенность.

Старая корчма Шимхи была будто маяком для странствующих между двух государств: «…пакуль не вызначана была і не адзначана цвёрдая лінія граніцы з Польшчай, гэтая карчма была тым пунктам, на які арыентаваўся кожны, хто хацеў цвёрда дазнацца, дзе савецкая зямля, а дзе ўладанні Польскай дзяржавы. Калі па гасцінцы ты ступіш ад карчмы крок на захад, дык апынішся ў Польскай дзяржаве, а крок на ўсход – будзеш на савецкай зямлі» [4, с. 230]. В корчме нет спокойствия, безопасности и постоянства. Она представляет собой временное место случайного объединения незнакомых людей, перекрестком и ночлегом для путников. Местоположение её определить затруднительно, будто она перемещается в пространстве, не имея конкретного адреса, и даже не принадлежит какому-либо государству: «Я апынуўся ў шчыліне паміж дзвюма дзяржавамі. Стадола і хата стаяць на савецкай старане, а града з рэдзькаю пры хаце і прызба пад вокнамі – гэта Польшча. Я яшчэ чакаю, што хлеў, дзе стаіць карова, будзе абвешчан нямецкім, а унь тая бяроза на гасцінцы ангельскай» [4, с. 233].

Перебродский концлагерь, в котором держали людей, является ярким показателем антидома. Его построили, чтобы даже не было попытки бегства, потому что поля, болота –

места, в которых можно легко и быстро расстрелять людей, а если кто-то и спрячется, то шанс выжить очень мал: «Гэта было месца поблізу тарфянога балота з куп'ём і наводдалек ад невялікага лесу. А з двух бакоў было поле. Вялікая прастора была абгароджана калючым дротам, навокал гэтай агароджы стаялі вартавыя салдаты», «Тут не было аніякага будынка, і толькі на полі за агароджай стаяў барак з дошак, дзе жылі салдаты…» [4, с. 340]. Атмосфера и настроение в концентрационном лагере антонимичны дому: громкий шёпот, голод, страх, смерть и проклятья в адрес захватчиков. Узники лагеря безжизненны и слабы из-за нехватки воды и еды. Над ними летают мухи, символизируя близость возможной смерти. Физически узники слабы и беззащитны, но силой духа они сильны, всемогущая несокрушимая энергия белорусского народа всё равно остаётся в их характере.

Л.Б. Карпенко дом рассматривает как воспоминание: «Дом в воспоминании – это обычно образ обители, приюта, того сокровенного места, которое удерживает сердце человека» [7, с. 10]. Память о местах детства – это то, что остаётся у героев романа Кузьмы Чорного «Поиски будущего». Кастусь Лукашевич сохраняет тёплые, трепетные воспоминания о своей «старой» родине, о родительском доме: «Раней смутак з'яўляўся ў яго парывамі. Цяпер ужо час прайшоў, востры боль душы прытупіўся. Час лячыў душу. Смутак аб бацьку, аб родным кутку, аб усім тым, што страцілася і што ўжо вярнуць было цяжка, і на гэта надзей не было – смутак аб гэтым ападаў і зменшваўся, і заставаўся без выбухаў і болю. Ужо з'яўляліся ў душы першыя адзнакі таго, што ўжо тут, на гэтым месцы, душа знойдзе радасць быць у сваёй радасці», «Гэта была мясцовасць, дзе як бы сышлося ўсё, да чаго ён прывыкаў некалі ў маленстве» [4, с. 208]. Кастусь Лукашевич нашёл новую малую родину, где создал свою семью: «Вострая радасць агарнула Волечку: яна не адна, тут ёсць асоба, з якою яны ўчора сталі ўдваіх як бы вялікімі на ўвесь свет змоўшчыкамі, разам яны як бы хацелі адгарадзіцца ад усяго свету, які для іх абаіх быў такім бязлітасным» [4, с. 191]. Кузьма Чорный иллюстрирует скорбь войны через трудности, которые приходится переживать детям, принимать взрослые решения. Писатель показывает, что белорусский народ сможет выстоять перед лицом смертельной опасности, несмотря на трагедию, которая обрушилась и украла их детство. Семья Лукашевич отображает твёрдость, непоколебимость и героизм белорусской нации.

Семья – дом – родина – это единая цепь, которая дополняет друг друга и неразрывно связана, сохраняя в себе важные элементы человеческого существования. Отец для Кастуся Лукашевича предстаёт и домом, и родиной: «Родныя мясціны на Вілейшчыне, куды яму прарочыў вярнуцца стары фельчар, звязваліся ў яго ўяўленнях з бацькам. Як жа ён вернецца туды, калі ўжо бацькі няма? А калі і вернецца, то цяпер гэта ўжо не тое будзе» [4, с. 201].

К сожалению, искать место в мире и строить новый дом пришлось и Сымону Ракутько «…варта яму толькі зноў звіць сабе гняздо, як ён скіне з душы цяжар свой. Тым часам ужо і хата ў яго была новая, зноў новая, вокнамі на дарогу…» [4, с. 257]. Дом без семьи «не дышит» и не существует. Семья является «микромиром» для проживающих в нём, а дом, в свою очередь, может представляться как Космос. Кузьма Чорный показывает, что без семьи невозможно полностью представить человека в культурном пространстве.

Дом Олечки, в котором собрались разные люди, смог объединить их и раскрыть скрытые положительные черты характера даже старшего Густава Шредера: «…так нечакана сабраліся так непадобныя адзін на другога людзі, далёкія адзін ад аднаго і месцам на зямлі, і прывычкамі, і звычаямі, і жаданнямі, і натурай» [4, с. 198]. Враг, который пришёл уничтожать, истреблять, вдруг внезапно обнимает Олечку, желает ей счастья и даже отказывается от своей мечты – иметь свой дом в Германии: «Але ён, і не чуючы і нічога не слухаючы, гледзячы сам у сваю душу, раптам прыгарнуў да сваіх грудзей Волеччыну галаву, і твар яго перасмыкнуўся момантным рухам шчасця», «…каб ты была шчаслівая за маю радасць», «твар яго свяціўся радасцю», «а ўсё золата, якое толькі ёсць на свеце, – нікчэмная драбяза і непатрэбшчына перад самім жыццём» [4, с. 202]; «…гэта адзіны раз у жыцці ў мяне так ірванулася душа…» [4, с. 220]. Дом Олечки, атмосфера и настроение в нём, её уют и забота смогли показать Густаву, что важнее всего жизнь и радость, которую приносит каждый прожитый день. Доброта Олечки открыла, проявила чувства немца, которые, возможно, не были

им пережиты когда-либо: «Здавалася, што няма на свеце ні вайны, ні выгнанства, а толькі радасць чалавека жыць сваею воляй» [4, с. 203]. Но за пределами дома на каждого из героев влияет уже враждебный мир, который способствует нивелировке нравственных чувств.

Т.Б. Щепанская дороге противопоставляет дом: «Противопоставление дороги и дома находит своё выражение в представлениях об опасности, которую дорога несет для дома и его обитателей» [8, с. 28]. Дорога контрастирует с образом дома. Если дом – это стабильное, устоявшееся и статистическое место, то дорога представляется динамичной, опасной и сложной. Кастусь Лукашевич помогал Олечке, радовался, что можно отложить поиск своего дома, не понимая, что он нашёл то, что искал: «Ён прымацован да нейкай справы, і надалей адышла неабходнасць выбірацца ў невядомую дарогу шукаць немаведама чаго ў беспрытульным свеце» [4, с. 192]. В дороге умер его отец, сделав его, уже будучи бездомным, ещё и сиротой: «У мяне бацька на дарозе памёр» [4, с. 215]. Одиночество, страх будущего, душевное смятение – это чувства, которые сопровождают человека в дороге. Фельдшер, которого привёз Кастусь Лукашевич к Олечке в хату, дал ему совет: «Кожная дарога куды-небудзь вядзе, але ты выбірай тую, якая не вядзе ў прорву» [4, с. 198]. Жизненный путь – вечная дорога, но следует всегда понимать, куда ты идёшь и не совершать то, что может привести тебя в пропасть, как Люциана Околовича.

В уста Кастуся Лукашевича Кузьма Чорный вкладывает мысль о непобедимости и непоколебимости белорусского народа: «…за гэтую пакуту маю нямецкімі галовамі выбрукаваў бы дарогу, па якой яна ішла б у свой шчаслівы дом» [4, с. 308]. Писатель изображает войну, где страдают дети, родители стремятся избавить их от беды, горя и разочарований.

Для Невады дорога предстаёт не как сложный и долгий путь, а возможность освобождения родины и внучки из немецкого плена: «…гэтая мая дарога будзе не меншая, як тая, што я некалі з нямецкага палону варочаўся, не нагамі я гэтую дарогу мераць буду, а душою» [4, с. 313]. С надеждой на спасение своей внучки Невада шёл к Поливодскому: «…ужо больш і не правяраў свае дарогі, а ішоў ад нейкага свайго чуцця» [4, с. 344]. Кузьма Чорный через образы героев романа пытается передать переживания, которые человек ощущает во время войны. Автор стремится раскрыть, описать характер всей белорусской нации.

Кузьма Чорный заканчивает роман «Поиски будущего» тем, чем и начал: немцем, старшим Густавом Шредером, но уже мёртвым: «Шрэдэр увайшоў у сад, дзе густа стаялі голыя дрэвы, і зямлі была зацярушана мерзлым лісцем», «Чалавек не слухаў, прыцеліўся і стрэліў. Шрэдэр упаў і сканаў, лежачы, праз хвілін паўтары» [4, с. 373]. Олечку уже не пугает возможность убийства или смерти немца в её доме, как было в её юношестве: «Гэта ж мая хата. Лепш жа, калі ён сам адсюль выйдзе, чым мёртвы заваліць мне хату. Што я тады з ім рабіць буду» [4, с. 194]. Жизненный цикл всех событий окончился. Двор – продолжение дома, но уже не имеет такую значимую цену, как сам дом. Двор граничит с внешним миром, оберегая и защищая пространство, дорогу к дому, являясь дополнительной преградой перед входом в жилище.

Наступает исторический перелом, когда сожжённые дома станут памятником ушедшему страшному времени на белорусской земле. В контексте войны топос *дома* используется как демонстрация разрыва между прошлым и будущим.

В романе «Поиски будущего» Кузьма Чорный отразил историческую драму белорусского народа. Как отмечает А.Н. Мельникова, «Кузьма Чорны ў сваіх творах імкнуўся асэнсаваць найбольш значныя моманты нацыянальнай гісторыі першай паловы XX стагоддзя, спасцігнуць вытокі нацыянальна-духоўнай трываласці» [9, с. 157–158]. В романе писатель рисует картину, когда родные места залиты кровью и охвачены огнём, огромное количество людей стало бездомными, они потеряли свой кров, но не потеряли родину, а значит и поддержку от предков. Образ дома является одним из важнейших объектов изучения в литературе для осмысления и раскрытия белорусского народа. Топос *дом* в романе представлен с драматического, трагического аспекта человеческого существования. Дом показывается не только как место проживания семьи, рода, а как одно из ключевых мест, в котором сохраняются традиции и память о предках. Представление о доме существует не только в сознании отдельного человека, но также в сознании целой нации. Прямое лексическое значение дома является основой рассмотрения метафорических значений и индивидуальных образов героев романа, связанных со своим внутренним миром, который противопоставляется чужому.

Литература

1. Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство. – СПБ, 1994. – 399 с.

2. Тучкова, Н. А. Жилища и поселения южных селькупов как компоненты обжитого пространства (19–20 вв.) : дисс. … канд. ист. наук : 07.00.07 / Тучкова Наталья Анатольевна. – Томск, 1999. – 202 с.

3. Циявьян, Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира / Т. В. Цивьян ; отв. ред. В. Н. Топоров. – М. : Наука, 1990. – 207 с.

4. Чорны, К. Раманы. Апавяданні. Дзённік / К. Чорны. – Мінск : Мастацкая літ-ра, 2025. – 462 с.

5. Лобач, У. Міф. Прастора. Чалавек : традыцыйны культурны ландшафт беларусаў у семіятычнай перспектыве / У. Лобач. – Мінск : Тэхналогія, 2013. – 510 с.

6. Плотникова, А. А. Дом / А. А. Плотникова, В. В. Усачёва // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. ; под ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1997. – Т. 2. – С. 116–122.

7. Карпенко, Л. Б. Дом как воспоминание / Л. Б. Карпенко // Коды русской классики : «дом», «домашнее» как смысл, ценность и код : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., посв. 90-летию со дня основания и 40-летию со дня возрождения первого классического Самарского государственного университета в Самарском крае, Самара, 19–20 нояб. 2009 г. : в 2 ч. / отв. ред. Г. Ю. Карпенко. – Самара : Изд-во «СНЦ РАН», 2010. – Ч. 1. – С. 9–16.

8. Щепанская, Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. / Т. Б. Щепанская. – М. : «Индрик», 2003. – 528 с.

9. Мельнікава, А. М. Нацыянальна-светапоглядныя каардынаты беларускай літаратуры першай трэці XX стагоддзя / А. М. Мельнікава. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2016. – 214 с.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 20.03.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (157), 2026

УДК 811.161.3’373.232(476.2-37Нароўля) EDN: CJDCCQ

Семантычныя групы прозвішчаў Нараўлянскага раёна

У.А. Бобрык

У артыкуле даецца семантычны аналіз прозвішчаў жыхароў Нараўлянскага раёна. Вылучана 10 лексіка-семантычных груп слоў, што сталі асновай для ўтварэння прозвішчаў. У выніку аўтар даследавання прыйшоў да высновы, што найбольш ужывальнымі з’яўляюцца прозвішчы, утвораныя ад назваў прафесій, роду заняткаў, фізічных і разумовых характарыстык чалавека. Меншую частку складаюць прозвішчы, утвораныя ад прадуктаў харчавання, геаграфічных назваў.
Ключавыя словы: прозвішча, семантыка, адапелятыўнае прозвішча, адтапанімічнае поле, словаўтварэнне, лексіка-семантычная група.

The articles gives the semantic analysis of the Narovlya region citizens’ surnames. Ten lexico-semantic word groups that have become the basis for surname formation are singled out here. As a result the researcher has come to the conclusion that the most common surnames are the ones formed from trade (professions), physical and mental characteristics of a person. The minority part includes the surnames formed from food products and geographical names.
Keywords: surname, semantics, appellative surname made from name, toponymic field, word-formation, lexico-semantic group.

Лексічны склад беларускіх прозвішчаў надзвычай багаты і разнастайны. Паходжанне многіх беларускіх прозвішчаў матываванае. Аналіз семантыкі і структуры прозвішчаў – цікавая, каштоўная і цяжкая справа, што прызнаецца многімі антрапанімістамі. Ён, на думку А. Суперанскай, «дае значную інфармацыю, якая ўяўляе цікавасць для гісторыкаў, этнографаў, сацыёлагаў, а таксама лінгвістаў. Пры параўнанні лексічных палёў, па якіх размяркоўваюцца асновы прозвішчаў у розных мовах, можна зрабіць вывады пра агульнасць або, наадварот, рознасць нацыянальных культур асобных народаў» [1, с. 81].

Прозвішчы адапелятыўнага паходжання ў беларускай мове складаюць прыкладна каля паловы ўсіх прозвішчаў. Вядомы антрапаніміст М.В. Бірыла адзначае, што «з пункту погляду гісторыі мовы адапелятыўная антрапанімія з’яўляецца захавальнікам, кансервантам лексікі папярэдніх эпох, дае матэрыял для больш глыбокага вывучэння гістарычнага слоўніка, моўных узаемасувязей» [2, с. 4]. Згодна з гэтым у якасці матываваных асноў для ўтварэння прозвішчаў магла выкарыстоўвацца лексіка, якая адлюстроўвае самыя разнастайныя галіны жыццядзейнасці народа і акаляючай яго рэчаіснасці – быт, заняткі, становішча ў сям’і і грамадстве, фізічныя, разумовыя і маральныя якасці, пачуцці, сацыяльны ўклад, жывёльны і раслінны свет і пад. У гэтым сэнсе антрапонімы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі, з’яўляецца кладоўкай гісторыка-культурнай спадчыны, даюць каштоўны матэрыял для вывучэння агульнай гісторыі народа. Пры ўтварэнні прозвішчаў Нараўлянскага раёна выкарыстоўвалася лексіка разнастайных семантычных груп.

Прозвішчы, суадносныя з назвамі прафесій, родам заняткаў, сведчаць пра разнастайнасць прафесій у Беларусі. З развіццём грамадства некаторыя прафесіі знікалі, а разам з імі страціліся і іх назвы, што ляжалі ў аснове прозвішчаў, тым не менш іх этымалогія ў большасці застаецца празрыстай. Прозвішчы, суадносныя з назвамі прафесій, роду заняткаў або выконваемага дзеяння, назвы службовых і ваенных асоб уяўляюць сабой каштоўную крыніцу для вывучэння гісторыі мовы і культуры. Гэта ў нейкай ступені энцыклапедыя нашага грамадства.

Алейнік ‘той, хто робіць алей’ [2, с. 20], **Баброўнік** ст. бел. *бобровник* ‘лавец баброў’ [2, с. 29], **Бандарэнка**, **Бондар** ‘майстар па вырабу драўлянай пасуды’ [3, с. 395], **Бараш** ‘чалавек, які робіць шатры ці прыслужвае ў шатры’ [2, с. 42], **Бортнік, Бортнікаў, Бортніцкі** ст. бел., рэг.‘пчаляр, які займаецца бортнымі пчоламі’ [2, с. 59], **Буднік** ст. бел. ‘рудакоп’ [2, с. 64], **Вашчанка** рэг. ‘збіральнік вашчыны’ [2, с. 84], **Воінаў** < ад воін [2, с. 88], **Ганчароў, Ганчарэнка** ‘той, хто вырабляе гліняную пасуду’ [2, с. 101], **Гарбар,**

Гарбарчук ‘той, хто займаецца апрацоўкай і вырабам шкур’ [4, с. 29], **Грабкоў** ‘той, хто грабе, зграбае сена, салому’ [2, с. 115], **Гутнікаў** < ад гутнік [2, с. 123], **Драка, Драко** ‘той, хто дзярэ’ [2, с. 135], **Дубовік** рэг. ‘рулявы на лодцы плытагонаў, якая называецца ‘дуб’; рус. *дубовик* ‘лодачнік, перавозчык’ [2, с. 139], **Жаўнячок** < ад жаўнер [2, с. 145], **Залатар** ст. бел. ‘залатых спраў майстар’ [2, с. 155], **Злотнік** уст. ‘залатар, майстар па вырабу розных рэчаў з золота; ювелір’ [4, с. 335], **Кавалёнак, Каваленка, Кавалёў, Кавальскі, Кавальчук** < ад каваль [2, с. 166], **Кажадуб** ‘дубільшчык шкур’ [2, с. 167], **Казак, Казакевіч, Казачонак, Казачэнка** ‘на Русі ў 15–17 стст. – вольны чалавек з прыгонных сялян, халопаў, гарадской беднаты, якія ўцякалі на ўскраіны дзяржавы – Дон, Запарожжа, Яік’ [4, с. 574], **Калеснік, Калеснікаў** ‘майстар, які вырабляе колы, калёсы’ [4, с. 586], **Каплан** рэг. ‘капелан’ [2, с. 180], **Катлярчук** ст. бел. ‘майстар, які вырабляе катлы’ [2, с. 192], **Коваль** ‘рабочы, майстар, які займаецца коўкай металу’ [4, с. 570], **Косар, Косараў** рэг. касец [2, с. 190], **Кравец** ‘спецыяліст па шыццю адзення’ [4, с. 719], **Кузняцоў** рэг. рус. ‘каваль’ [2, с. 227], **Кухарэнка** < ад кухар ‘повар’ [2, с. 236], **Кучар** рус. *кучерь* ‘фурман, рамізнік, вазніца’ [5, с. 395], **Кушнер, Кушнярчук** ст. бел. ‘скарняк’ [2, с. 238], **Мазай, Мазалеўскі** < ад *мазаць* ‘той, хто мажа’ ці ‘замазаны, запэцканы’ [2, с. 266], **Маскаленка** ст. бел. *маскаль* ‘падданы Маскоўскай дзяржавы’; рэг. ‘салдат’ [2, с. 277], **Мельнік, Мельнічэнка** ‘уладар млына або работнік у млыне’ [6, с. 166], **Музычэнка** ‘музыкант’ [2, с. 288], **Найман** < ад *наймаць* ‘наняты, той, каго нанялі’ [2, с. 296], **Пастухоў, Пастушэнка** < ад пастух [2, с. 317], **Півавар, Пісарэнка** < ад пісар [2, с. 324], **Плясун** рэг. рус. ‘танцор’ [2, с. 438], **Рудніцкі** ‘той, хто здабывае ці плавіць руду’ [2, с. 354], **Салдаценка** < ад салдат [2, с. 362], **Сатнічэка** < ад сотнік [2, с. 387], **Свістуноў** < ад свістун [2, с. 369], **Сітнікаў** рэг. ‘той, хто робіць ці прадае сіты’ [2, с. 375], **Сотнік** ‘начальнік сотні воінаў у Старажытнай Русі’; ‘у дарэвалюцыйнай Расіі – афіцэрскі чын у казацкіх войсках, асоба, якая мела гэты чын’; ‘начальнік адміністрацыйна-тэрытарыяльнай сотні на Украіне ў 16–18 стст.’ [7, с. 235], **Старажэнка** < ад стораж [2, с. 391], **Стольнікаў** < ад стольнік ‘у Рускай дзяржаве 13–17 стст. – прыдворны чын (пасада) рангам ніжэй баярскага; прыдворны’ [7, с. 327], **Стораж, Стукач** ‘той, хто стукае’ [2, с. 395], **Стэльмах** ‘майстар, які робіць калёсы, сані’ [7, с. 309], **Талмачоў** бел. уст. ‘тлумач, перакладчык’ [2, с. 407], **Танцавіла, Танцэвіла** ‘танцор’ [2, с. 408], **Ткачэнка** < ад ткач ‘рабочы, майстар, які вырабляе тканіну на ткацкім станку’ [7, с. 490], **Хадакоўскі** < ад хадак рэг. уст. ‘пасыльны’, ‘пешаход’ [2, с. 425], **Царанок** < ад цар ‘тытул манарха ў Расіі, Балгарыі, Сербіі; асоба, якая мае гэты тытул’ [8, с. 228], **Цесля** ‘цясляр’ [8, с. 241], **Цясленка, Цяслюк** < ад цясла [2, с. 443], **Чабатароў** рэг. ‘сапожнік’ [2, с. 444], **Шаўцоў, Шаўчук, Шаўчэнка** рэг. ‘сапожнік, шавец’ [2, с. 473], **Шутаў** < ад шут рус. ‘блазен’ [2, с. 485], **Шынкарчук, Шынкарэнка** < ад шынкар ‘уладальнік шынка або прадавец спіртных напіткаў у ім’ [8, с. 429], **Ярыга** рус. уст. ‘ніжэйшы служыцель паліцыі, пасыльны’ [2, с. 500].

Шырока прадстаўлены ў прозвішчах Нараўлянскага раёна фізічныя і разумовыя характарыстыкі чалавека, асаблівасці характару, яго схільнасці і прывычкі: **Бабак** рэг. ‘дурань, безгаловы чалавек’ [2, с. 28], **Байчук** бел. ‘гаварун, пустамеля’; рус. ‘гаварун, апавядач’ [2, с. 33], **Бамбіза** ‘рослы, непаваротлівы, нескладны чалавек’ [2, с. 40], **Белазораў, Белабародаў, Белавус, Белавусаў, Белаглавак, Белаглаўка, Белікаў, Бельчанка, Буйда** рус. *буйда* ‘непаваротлівы’ [2, с. 65], **Бяглюк** < ад беглы [2, с. 48], **Бялько, Бяляеў** < ад белы [2, с. 51], **Бяспалаў, Бяспалы** ‘у якога няма (ці нехапае) пальцаў’ [3, с. 443], **Высоцкі** < ад высокі [2, с. 91], **Галай** укр. *галай* ‘крыкун’ [2, с. 97], **Гарбелаў** < ад гарбель ‘гарбаты’ [2, с. 102], **Гарбункоў, Гарбуноў** < ад гарбун [2, с. 103], **Гарлачоў** рэг. ‘той, хто бярэ горлам, гарлапан’ [2, с. 103], **Гарэлька** < ад гарэлы [2, с. 105], **Глёза** рус. *глёзкий* ‘гладкі, слізкі’ [2, с. 110], **Глушкоўскі, Глушынскі** < ад глухі [2, с. 111], **Горбылеў** ‘гарбаты’ [2, с. 102], **Губараў** рэг. ‘губач, губаты’ [2, с. 119], **Даўжэнка** < ад доўгі [2, с. 134], **Зуеў** рэг. ‘рослы хлопец з паводзінамі дзіцяці, недарэка’ [2, с. 161], **Карнавухаў** рэг. ‘карнавухі, з кароткімі вушамі’ [2, с. 186], **Карзуноў, Корзун** рус. *корзун* ‘без пярэдніх зубоў, шчарбаты’ [2, с. 214], **Красавін** рус**.** *красава* ‘прыгожы чалавек, прыгажун’ [2, с. 217], **Крываног, Крывашэнка, Крывянок, Крыўчанка** < ад крывы [2, с. 222], **Крыкун** разм. ‘той хто многа крычыць, плача’ [4, с. 740], **Крыўчанка** < ад крывы [2, с. 222], **Куксачэнка** < ад кукса [2, с. 228],

Кульжыцкі, Кульга < ад *кульгаць* ‘кульгавы’ [2, с. 230], **Кульпа** рус. *кульпа* ‘бязрукі ці з пакалечанай рукою’, ‘пакалечаная рука, кукса’ [2, с. 230], **Кулявец** рэг. ‘кульгавы, храмы’ [2, с. 230], **Лагутка** рус. данск. *лагутей* ‘дурнаваты, калека’, *лагутка* ‘прастак, дурань’ [2, с. 241], **Лобанаў** рус. *лобан* ‘чалавек ці жывёліна з вялікім ілбом’ [2, с. 239], **Лысюк** < ад лысы [2, с. 260], **Лягун** ‘той, хто ляжыць, лежабок’ [2, с. 263], **Маневіч** < ад манец рэг. ‘ілгун, абманшчык, той, хто маніць’ [2, с. 275], **Марголін, Маргулёў, Маргулец** < ад марголь ‘маргун’ [2, с. 275], **Махнач** рэг. ‘махнаты чалавек’ [2, с. 280], **Мацак** разм. ‘здаровы, дужы чалавек’ [6, с. 127], **Мігай** ‘маргун’ [2, с. 284], **Міраносаў** < ад міранос [2, с. 285], **Мохарт** рус. *мухорт* ‘несамавіты, нязграбны, непрыгожы чалавек’ [2, с. 290], **Мудранок** укр. ‘кемлівы, здатны, разумны чалавек, мудрагель’ [2, с. 288], **Парніцкі** < ад парны ‘які ўваходзіць у пару, парны ад чаго’ [2, с. 314], **Піскун** разм. ‘той, хто часта пішчыць’ [9, с. 259], **Пышнік** ‘ганарлівец’, ‘пястун’ [2, с. 341], **Рабенка, Рабы, Рабянок** < ад рабы [2, с. 344], **Рудзько** рэг. *рудзька* ‘руды, рыжы чалавек’ [2, с. 354], **Саранкоўскі** < ад саранок тат., кірг. ‘скупы, прыжымісты, прагны чалавек’ [2, с. 366], **Сівак** ‘чалавек з сівымі валасамі’ [2, с. 372], **Сіўчук** ‘сівы, сівак’ [2, с. 375], **Сляпкоўскі** < ад сляпы [2, с. 383], **Філонаў, Філоненка** жарг. ‘гультай’ [2, с. 423], **Хаменка, Хамянок** < ад хам [2, с. 426], **Цішкевіч, Цішчанок** укр. *тишко* ‘ціхоня’ [2, с. 439], **Чарненка, Чарнецкі, Чарняк** < ад чорны [2, с. 450], **Чарняўскі** < ад чарнявы [2, с. 448], **Чухінскі, Чухман** ‘той, хто чухаецца’ [2, с. 454], **Шаціла** рэг. ‘той, хто шатаецца, ходзіць без справы, бадзяга’, укр. *шатило* ‘ілгун’ [2, с. 478], **Шмаргун** рэг. ‘той, хто шморгае носам’ [2, с. 478], **Шырко** < ад шырокі [2, с. 492], **Юдзін, Юдэнка** ‘здраднік; каварны чалавек, хітрун [2, с. 496], **Юрчанка** < ад юрко ‘юркі, жвавы чалавек’ [2, с. 497], **Ядчанка** < ад ядко ‘той, хто добра, ахвотна есць, ядун’ [2, с. 498].

Словы, што абазначаюць жывёльны свет, у кожным раёне могуць валодаць сваёй спецыфікай, якая тлумачыцца як мясцовымі прыроднымі ўмовамі, так і асаблівасцямі мясцовых гаворак. У складзе сучасных прозвішчаў Нараўлянскага раёна даволі часта сустракаюцца словы, матываваныя назвамі жывёл, звяроў, птушак, насякомых: **Баранаў, Бараненка, Бараніч, Бараноўскі, Бобер, Быкаў, Быкоўскі, Бычкоўскі, Волкаў, Гнедчык, Гнядко, Гнядзько** рус. *гнедко* ‘клічка гнядога каня’ [2, с. 112], **Зайкоўскі, Зайчык, Заяц, Зубрыцкі, Кабанёк, Кабылінскі, Казёл, Казлоў, Казлоўскі, Козел, Козінцаў, Кот, Котаў, Кроль** бел. рэг. ‘трус’ [2, с. 218], **Крысько** рус. ‘пацук’ [2, с. 223], **Кунец, Куніцкі** рус., укр. *куна* ‘куніца’ [2, с. 230], **Лашкевіч** рус., укр. *лоша* ‘жарабя’ [2, с. 248], **Ліс, Лісіцын, Лісоўскі, Лось, Мурга** ўкр. *мургіль* ‘вол амаль чорнай масці’ [2, с. 289], **Мядзведскі, Рак, Русак** бел., рус. ‘заяц-русак’ [2, с. 355], **Сарнаў, Сарноўскі** < ад сарна ‘парнакапытная жвачная жывёліна сямейства пустарогіх; горная каза з невялікімі рагамі’ [7, с. 63], **Турцэвіч** < ад тур ‘першабытны дзікі бык, які з'яўляецца адным з продкаў буйной рагатай жывёлы’ [7, с. 353]; **Арлоў**, **Вараб’ёў, Верабей, Врублеўскі** польск. *wróbel* ‘верабей’ [2, с. 90], **Глушэц** заал. ‘глушэц’ [2, с. 112], **Голуб, Грак, Жураўскі** < ад журaў рэг. ‘журавель’ [2, с. 148], **Кулік, Кунц, Кунцэвіч** рус**.** *кунца* ‘птушка сініца’ [2, с. 231], **Савянок** < ад сава [2, с. 360], **Сайкоўскі** < ад сойка [2, с. 386], **Сакалоўскі, Салавей, Сарокін, Сарочанка, Сікорскі** ўкр. *сикорка* ‘сініца’ [2, с. 373], **Сыч, Сычоў, Сычэўскі, Цяцера** разм. ‘цецярук’ [8, с. 285], **Чайка, Чайко, Чыж, Чыжэўскі, Шпак, Шпакоўскі; Акула, Акуленка, Акуліч, Акунец, Карасёў, Карпаў, Карпенка, Карповіч, Лешчанка, Лінкевіч, Сазонаў, Сазанчук; Жук, Жукаў, Жуковіч, Жукоўскі, Камарчук, Мураўёў, Мурашкін, Муха, Мухін, Прус** ‘рыжы таракан’ [9, с. 402].

Сярод адапелятыўных прозвішчаў сустракаюцца найменні, у аснове матывацыі якіх ляжыць месца жыхарства асобы. Напрыклад: **Кашуба** < ад кашубы ‘народнасць, блізкая да палякаў, якая жыве ў Польскім Прымор'і’ [4, с. 673], **Літвін, Літвінаў** ст. бел. ‘літовец’, ‘жыхар Літвы’ [2, с. 263], **Мазур, Мазурэнка** ‘выхадзец з Мазуршчыны’ [2, с. 267], **Макавецкі** з в. Макава [2, с. 268], **Падаляк** укр. *подоляк* ‘жыхар Падолля’ [2, с. 305], **Падбярэзны** ‘які жыве ля бяроз, пры бярэзніку, пад бярозамі’ [2, с. 306], **Палянскі** < ад палянін ‘той, хто пражываў у палявой бязлеснай мясцовасці’ [2, с. 312], **Пінчук** ‘выхадзец з г. Пінска’ [2, с. 324], **Рагавец** ‘які жыве на рагу вуліц ці з в. Рогава’ [2, с. 344], **Цішкавец** з в. Цішкі, Цішкава [2, с. 439], **Чэркас** < ад чэркесы ‘адзін з народаў, якія насяляюць Карачаева-Чэркескую аўтаномную вобласць’ [8, с. 337], **Швед** < ад шведы ‘народ скандынаўскай групы, якая складае асноўнае насельніцтва Швецыі’ [8, с. 363].

У мінулым харчаванне займала важнае месца ў жыцці людзей, што звязана з цяжкай працай. Таму зразумела, чаму ад гэтых назваў утварылася даволі шмат прозвішчаў. Гэта і назвы першых страў, і назвы каш, і назвы страў з мукі. Хлеб з'яўляўся і з'яўляецца галоўным прадуктам харчавання, таму не магло не быць прозвішча, утворанага ад слова "хлеб". **Аўсянік, Аўсянікаў** < ад аўсянік 'аўсяны блін' [2, с. 26], **Бардзін**, укр. *барда* 'акраец хлеба' [2, с. 42], **Галушкевіч** < ад галушка 'страва ў выглядзе дробных клёцак (з мукі або дранай бульбы), прыгатаваных на булёне ці на малацэ [4, с. 22], **Жур** 'нягусты, аўсяны кісель' [4, с. 260], **Жырко** рэг. 'тлушч' [2, с. 151], **Корж, Крупа, Кулажанка** < ад кулага рэг., рус., укр. 'страва з мукі' [2, с. 228], **Кулеш, Лойка** < ад лой 'нутраны тлушч (авечы, ялавічны)' [6, с. 58], **Маслоўскі, Маслючэнка** < ад масла [2, с. 277], **Нішчыменка** < ад нішчым *нішчымніца* 'посная яда' [2, с. 300], **Перапеча** 'перапечка' [2, с. 321], **Рабко, Рабчэўскі** ўкр. *рябко* 'страва з пшана і грэцкай мукі' [2, с. 344], **Шчэрбень** рус. *щерба* 'гарачая поліўка', 'уха' [2, с. 489], **Юшкевіч, Юшчанка** < ад юшка 'юшка, сок ад чаго-небудзь варанага, жыжка, жыдкая частка стравы, навар з мяса ці рыбы, суп з бульбай, рыбны суп', 'сок у капусце, яблыках і інш.', 'кампот з сухіх груш' [2, с. 497].

Невялікую групу складаюць прозвішчы, утвораныя ад частак цела і покрыва цела чалавека і жывёлін, назваў абутку і адзення, з'яў прыроды: **Галавацкі, Галаўкоў, Галоўкаў, Гарлачоў, Жыватак, Зубенка, Зубчанка, Каленка, Лапіцкі, Маслак** разм. 'вялікая косць, пераважна сцегнавая; вытарклая косць' [6, с. 117], **Носка, Ражкоў, Ражоўскі** < ад рог [2, с. 351], **Усік, Хобатаў, Шульга, Шульжэнка** рус. 'левая рука', 'ляўша' [2, с. 482]; **Бірукоў** < ад бірук цюрк. 'зімовая шапка з воўчай футры' [2, с. 54], **Буднік, Будніцкі** рус. *будник* 'буднік, будзённае адзенне' [2, с. 64], **Кобец** < ад коба ўкр. 'капюшон, башлык у адзенні' [2, с. 209], **Пасталюк** < ад пасталы бел. 'скураныя лапці' [2, с. 319], **Чугай** бел. рэг. 'армяк, світка' [2, с. 451], **Шатко** рэг. 'рыза на вобразе', 'багатае адзенне' [2, с. 470], **Шуба; Булак** кірг., каз. 'крыніца, ручаёк' [2, с. 66], **Вятроў, Грамовіч, Громік** < ад гром [2, с. 166], **Заранок, Зарніцкі, Мароз, Марозаў.**

Не засталіся не заўважанымі і прылады працы чалавека, прадметы бытавога ўжытку і іх часткі. **Бойка, Булыга** рус. 'дубіна, сукаватая палка', 'валун, круглы камень' [2, с. 67], **Віткоўскі** < ад вітка 'пярэвітка', рэг. 'вяха, тычка' [2, с. 88], **Гвоздзеў** < ад гвоздзь [2, с. 106], **Гут** польск. gut 'крывое сукаватае дрэва, непрыгоднае дрэва' [2, с. 122], **Дзяркач** 'стары венік без лісцяў; галень' [4, с. 182], **Жыгадла** рэг. 'металічны прут, якім кавалі выпальваюць дзіркі ў дрэве', 'нагайка' [2, с. 149], **Камянок, Камянюк** < ад камень [2, с. 176], **Каробкін** < ад каробка [2, с. 186], **Касакевіч** укр. *косак* 'вялікі нож, якім сякуць капусту' [2, с. 190], **Касуха** рус. *косуха* 'трохкутная палічка ці столік' [2, с. 191], **Качура** рус. *качура, кочура* 'мэндлік, мэдлік' [2, с. 196], **Козыр, Козыраў, Косар, Косараў** < ад касар рус. *косарь* 'вялікі нож, якім шчапаюць лучыну' [2, с. 190], **Кражаў** < ад краж 'калода' [2, с. 217], **Кручок** 'крук, кручок' [2, с. 119], **Крыжык, Крэмень, Куц** ст. рус. *куца* 'шалаш, хаціна' [2, с. 236], **Лапета** літ. *lòpeta* 'лапата' [2, с. 245], **Лемех** рэг. 'лямеш' [2, с. 250], **Мішура, Матузка** рэг. матуз [2, с. 279], **Мяшкоў, Пігулеўскі** рэг. *пігулка* 'пілюлька' [2, с. 323], **Пішчала** ўкр. *пищало* 'свісток' [2, с. 325], **Рогачаў** < ад рогач рэг. 'ражон, палка', 'рычаг для пад'ёму' [2, с. 345], **Скавародка, Скуратоўскі** < ад скурат [2, с. 380], **Сукач** рэг. 'ссуканая (не звітая) з пянькі ці льну вяровачка' [2, с. 397], **Траўнічак** < ад траўнік 'старадаўняя кніга, якая змяшчае апісанне лекавых раслін' [7, с. 515], **Файкоў** бел. рэг., рус. 'люлька' [2, с. 423], **Хамутоўскі** < ад хамут [2, с. 427], **Целеш** бел. *целеш* 'калода, кругляк' [2, с. 437], **Шляга** 'прылада, ударамі якой трамбуюць ці ўшчыльняюць глебу, пясок, каменне, выраўноўваюць паверхню' [8, с. 375], **Ярмак** рэг. 'невялікі гліняны гаршчок для варкі яды' [2, с. 500].

Словы, якія абазначаюць асоб па сваяцтву ці па становішчы ў сям'і, становішчы ў грамадстве, у калектыве, можна сустрэць у наступных прозвішчах: **Бабіч** рэг. 'дзіця, якое нарадзілася ў бабкі-павітухі ці ў старой жанчыны', рус. 'бабнік' [2, с. 29], **Галючак, Галючок, Галючук** < ад галюк укр. 'бядняк' [2, с. 100], **Дваракоўскі, Дварак** рэг. *дварак* 'шляхціч', рус. *дворяк* 'дваровы чалавек' [2, с. 128], **Ждан** < ад *ждаць* 'чакаць', 'дзіця, якога чакаюць, хочуць' [2, с. 146], **Жыдкевіч** < ад жыд [2, с. 150], **Каралькоў** < ад кароль

[2, с. 187], **Кардаш** тат. *кордаш* ‘равеснік, аднагодак’ [2, с. 185], **Кацапаў** уст. ‘зневажальная назва рускага (у адрозненне ад украінца, паляка)’ [4, с. 669], **Кацура** ст. бел. *кацер* ‘ератык’ [2, с. 194], **Малец, Мальцаў, Мальчук** рэг. ‘хлопец, падростак’ [2, с. 271], **Малуха** рус. ‘дзіця, малыш’, ‘меншы ў сям'і’ [2, с. 271], **Маскаленка** ст. бел. *маскаль* ‘падданы Маскоўскай дзяржавы’, рэг. ‘салдат’ [2, с. 277], **Навацкі, Новак** < ад новак рэг. ‘новы чалавек у сяле’, ‘новы член у сям’і’ [2, с. 294], **Навіцкі, Новік, Новікаў** < ад новік рэг. ‘новы чалавек у сяле’, ‘новы член у сям’і’ [2, с. 294], **Найдзюк** рус. смал. *найдён* ‘падкідыш’, бел. *знайдзён* ‘знайдыш’ [2, с. 196], **Няпомняшчы** рус. *непомнящий* ‘бяспамятны, так называлі бадзяг, якія гаварылі, што не памятаюць радзімы і бацькоў’ [2, с. 302], **Пазнякоў** рус. *поздняк* ‘апошняе дзіця ў старых бацькоў ці дзіця, якое нарадзілася праз доўгі час пасля папярэдняга’ [2, с. 308], **Панчанка**, **Панчык** < ад пан [2, с. 313], **Папок** < ад поп [2, с. 329], **Прымак, Прымачэнка** ‘муж, якога прынялі ў сям’ю жонкі, які жыве ў доме жонкі’ [9, с. 448], **Прыходзька** ‘той, хто прыйшоў, прышлы’ [2, с. 336], **Старажылін** < ад старажыл [2, с. 390], **Старчанка** < ад старац [2, с. 390], **Траццяк, Траццякоў** ‘трэці па ліку’ [2, с. 413], **Траян** укр. *троян* ‘бацька траіх блізнят’ [2, с. 413], **Удавенка, Удовенка** < ад удава [2, с. 420].

Значная колькасць прозвішчаў утваралася ад назваў дрэў, раслін і іх частак, кветак і інш.: **Альховік** рэг. ‘алешына, вольха’ [2, с. 20], **Беразняк, Беразоўскі, Вішнякоў, Вярбіцкі, Грушэўскі, Дуб, Дубінок, Дубовіч, Дубоўскі, Калінічэнка, Калінскі, Ліпскі, Ракіцкі, Старадуб** рус. *стародуб* ‘стары дуб’, назва расліны [2, с. 389], **Явар; Баравік, Бурак, Буракоўскі, Грыбоўскі, Гуркоў, Жолуд, Жолудзь, Качан, Качанаў, Качаноўскі, Лапушынскі, Маліноўскі, Палей** рус. назва расліны [2, с. 309], **Прышчэп, Прышчэпа** ‘расліна, якой перасаджаны орган іншай расліны; прышчэпленая расліна’ [9, с. 503], **Струк, Струкаў, Хмялевіч, Хмялеўскі.**

Назвы абстрактных паняццяў сустракаюцца ў наступных прозвішчах: **Гаек, Гаеўскі, Гаёк** < ад гай рус. ‘крык, гам, шум’ [2, с. 94], **Ганьба, Гуль** рус. ‘вясёлы шум’ [2, с. 121], **Завадскі** < ад завада ‘недахоп, вада’, ‘перашкода’, ‘непаразуменне, валакіта’ [2, с. 153], **Злобін** рус. *злоба* ‘злосць, гнеў’ [2, с. 160], **Карачун** рэг. ‘курч, сутарга’, ‘нечаканая смерць у маладым веку’, ‘нядобры дух, які скарачае жыццё’ [2, с. 184], **Нячай** ст. рус. *нечай* ‘сумненне, адчай’ [2, с. 303], **Пабядзінскі** рэг. і рус. ‘перамога’ [2, с. 184], **Ропат** рус. *ропот* ‘нараканне, папрокі’ [2, с. 352], **Рэвуцкі** рус. уст. *реут* ‘звон’ [2, с. 358], **Свабода, Славінскі, Шарамет** тур. *шеремет* ‘жвавасць, гарачнасць каня’ [2, с. 467], **Шэлест** рэг. ‘шастанне, шамаценне, шолах’ [2, с. 494].

Багаты фактычны матэрыял дае нам магчымасць сцвярджаць, што самай прадуктыўнай матывацыйнай базай для ўтварэння прозвішчаў Нараўлянскага раёна з’яўляецца адапелятыўная лексіка, якая прадстаўлена разнастайнымі лексіка-семантычнымі групамі. Найбольш пашыранымі з’яўляюцца прозвішчы, што ўтварыліся ад прафесій, фізічных і разумовых характарыстык чалавека, асаблівасцей характару, яго схільнасцей і прывычак, назваў раслiннага і жывёльнага свету. Менш пашыраны прозвішчы, што ўтварыліся ад прадуктаў харчавання, абутку, адзення, геаграфічных назваў. Рашаючымі фактарамі іх утварэння і ўжывання з’яўляецца народная назіральнасць. Нельга не пагадзіцца з Ул. Юрэвічам, які слушна адзначае: «як пабагацелі б мы, каб больш даследавалі паходжанне беларускіх імён і прозвішчаў, традыцыйных мянушак, усяго народнага іменаслоўя, каб мелі, нарэшце, поўны збор антрапонімаў, носьбіты якіх жывуць на Беларусі і з’яўляюцца жывым помнікам» [10, с. 211].

Літаратура

1. Суперанская, А. В. Современные русские фамилии / А. В. Суперанская, А. В. Суслова ; под. ред. Ф. П. Филина. – М. : Наука, 1981. – 176 с.

2. Бірыла, М. В. Беларуская антрапанімія 2 : Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі / М. В. Бірыла. – Мінск : Навука і тэхніка, 1969. – 508 с.

3. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / АН БССР, Інс-т мовазнаўства ім. Я. Коласа. – Мінск, 1977. – Т. 1 : А–В. – 608 с.

4. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / АН БССР, Інс-т мовазнаўства ім. Я. Коласа. – Мінск, 1978. – Т. 2 : Г–К. – 768 с.

5. Русско-белорусский словарь : в 2 т. / ред. К. К. Атрахович (Кондрат Крапива). – Изд. 2-е, доп. и перераб. – Минск : Белорусская советская энциклопедия, 1982. – Т. 1 : А–О. – 648 с.

6. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / Інс-т мовазнаўства ім. Я. Коласа. – Мінск, 1979. – Т. 3 : Л–П. – 672 с.

7. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / Інс-т мовазнаўства ім. Я. Коласа. – Мінск, 1982. – Т. 5, ч. 1 : С–У. – 663 с.

8. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / Інс-т мовазнаўства ім. Я. Коласа. – Мінск, 1984. – Т. 5, ч. 2 : У–Я. – 608 с.

9. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / Інс-т мовазнаўства ім. Я. Коласа. – Мінск, 1980. – Т. 4 : П–Р. – 768 с.

10. Юрэвіч, Ул. Слова жывое, роднае, гаваркое … / Ул. Юрэвіч. – Мінск, 1988. – 182 с.

Спіс умоўных скарачэнняў

бел. – беларускае; жарг. – жаргоннае; заал. – заалагічнае; каз. – казахскае; кірг. – кіргізскае; літ. – літоўскае; польск – польскае; разм. – размоўнае; рус. – рускае; рус. данск. – рускае данское; рус. смал. – рускае смаленскае; рэг. – рэгіянальнае; ст. бел. – старабеларускае; ст. рус. – старарускае; стст. – стагоддзі; тат. – татарскае; укр. – украінскае; уст. – устарэлае; цюрк. – цюркскае.

Гомельский государственный технический
университет имени П.О. Сухого

Поступила в редакцию 18.11.2025

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (157), 2026

УДК 811.161.3’42:070(=161.3):004.9 EDN: KLUCIS

Сюжетно-композиционное развертывание жанра сторителлинга на материале белорусского интернет-издания «СБ. Беларусь сегодня»

К.Н. Ветошкина

В данной статье предпринимается попытка установить русскоязычную сюжетно-композиционную организацию жанра сторителлинга в медийном дискурсе на материале белорусского интернет-издания «СБ. Беларусь сегодня». На основе проведенного анализа 100 русскоязычных текстов сторителлинга белорусских интернет-изданий выделены четыре сюжетно-композиционные схемы: линейная сюжетно-композиционная схема с экскурсами, линейная параллельная сюжетно-композиционная схема, линейная сюжетно-композиционная схема с обратной хронологией и линейная дискретная сюжетно-композиционная схема. Все они сгруппированы в процентном соотношении по степени частотности встречаемости в белорусских интернет-изданиях с последующим анализом принципов разворачивания сюжета в русскоязычных текстах жанра сторителлинга на основе демонстрации обоснованных примеров, иллюстрирующих четкую логику и структуру организации сюжета русскоязычных текстов жанра сторителлинга, взятых из белорусского интернет-издания «СБ. Беларусь сегодня».
Ключевые слова: сторителлинг, сюжетно-композиционная схема, жанр, медийный дискурс, интернет-издание.

This article attempts to establish the Russian-language plot and compositional organization of the storytelling genre in media discourse based on the Belarusian internet newspaper «SB. BELARUS TODAY». Based on the analysis of 100 Russian-language storytelling texts from Belarusian online publications, four narrative and compositional patterns were identified: linear narrative and compositional pattern with digressions, linear parallel narrative and compositional pattern, linear narrative and compositional pattern with reverse chronology, and linear discrete narrative and compositional pattern. All of them are grouped in percentages according to the frequency of occurrence in Belarusian online publications, followed by an analysis of the principles of plot development in Russian-language storytelling texts based on the demonstration of well-founded examples that illustrate the clear logic and structure of the plot organization in Russian-language storytelling texts taken from the Belarusian online publication «SB. BELARUS TODAY».
Keywords: storytelling, plot-and-composition scheme, genre, media discourse, online publication.

Введение. Сторителлинг является самостоятельным жанром медийного дискурса и характеризуется рядом критериев: наличием названия; одной темы; целевой установкой; детально прописанным героем; местом, временем, контекстом повествования; наличием сюжета, развивающегося по определенным сюжетно-композиционным схемам [1, с. 103]. При корректном введении данного термина необходимо рассмотреть разные точки зрения авторов-лингвистов на такие фундаментальные понятия, как «сюжет» и «композиция».

С.В. Калачёва рассматривает композицию исключительно как «определенное расположение и соотношение между собою художественных образов» – то есть собственно композицию сюжета, потому что сюжет она, в свою очередь, определяет как «образ, включающий в себя целую систему других образов» [2, с. 40].

В.Е. Хализев понимает композицию всесторонне, подразумевая под данным термином и расстановку персонажей (система образов), событий и поступков (композиция сюжета), способов повествования (композиция как смена точек зрения на изображаемое), подробностей обстановки, поведения, переживаний (композиция деталей), стилистические приемы, вставные рассказы и лирические отступления (композиция внесюжетных элементов) [3, с. 297].

Сюжет и композиция, – пишут Л.С. Левитан и Л.М Цилевич, – не соседствуют в произведении, не присоединяются друг к другу, не суммируются. Они находятся в органической взаимосвязи, то есть взаимопроникают друг в друга именно потому, что принципиально, качественно отличаются один от другого [4, с. 97].

Принимая во внимание представленные определения разных авторов, следует отметить, что в силу размытости границ и междисциплинарного характера исследований термина «сюжетно-композиционная схема», возникают очевидные сложности установления объема

данного понятия из-за рассмотрения его в рамках изучения литературы. В этой статье предпринимается попытка транспорировать сюжетно-композиционные единицы на тексты медийного дискурса, чем и обуславливается актуальность представленного исследования.

Опираясь на вышеизложенные определения, под термином «сюжетно-композиционная схема» можно понимать схему организации и структурной упорядоченности целого текста, отражающей строение, соотношение и взаимное расположение его частей, раскрывающих развитие действия повествования.

Цель данной работы – выделить основные сюжетно-композиционные схемы в русскоязычных текстах сторителлинга на материале белорусского интернет-издания «СБ. Беларусь сегодня».

Основная часть. На основе проведенного анализа 100 русскоязычных текстов жанра сторителлинга белорусских интернет-изданий можно сделать выводы, что для него характерны следующие сюжетно-композиционных схемы:

– **Линейная сюжетно-композиционная схема с экскурсами** – это сюжетно-композиционная схема контраста: сопоставление действительности и того, как она могла измениться. Данная схема разворачивается по принципу *ТРА*, где *Т* – традиция – устоявшийся порядок, обычай или верование, передаваемый из поколения в поколение в рамках культуры или общества; *Р* – реалии – фактические обстоятельства, условия или факты, характеризующие реальное положение дел в какой-либо области или сфере жизни; *А* – ассимиляция – процесс интеграции внешних объектов (людей, предметов, идей, ценностей) и бессознательных содержаний в сознание [1, с. 105]. Данная сюжетно-композиционная схема составляет 25 % по степени встречаемости среди русскоязычных текстов сторителлинга. Примером данной сюжетно-композиционной схемы может служить сторителлинг «Ткачество в Доропеевичах» из белорусского интернет-издания «СБ. Беларусь сегодня», в котором повествуется про мастерицу Степаниду Степанюк и ее модернизацию старинной традиции:

– повествование разворачивается с описания традиции ткачества: *Едва мы ступили на порог хаты нашей героини, как хозяйка баба Стэпа поспешила блины печь. Так зовут сельчане известную на всю Беларусь мастерицу Степаниду Степанюк. Вот уже больше 75 лет она ткет рукодельные костюмы и платья, рушники и скатерти, наметки и пояса – все на старых кроснах. Известной бабушку Степаниду сделал уникальный способ ткачества «кожушком». В XX веке он был забыт, уступил место более простым вариантам. Но Степанида Алексеевна один раз увидела вытканный «кожушком» узор и решила обязательно повторить. Да не все так просто. Пошла к соседкам-мастерицам – никто так не ткал. В соседнюю деревню обратилась – и там помощи нет* [5];

– реалии старинной традиции с экскурсом в прошлое: *Успела Степанида Алексеевна в том сне рассмотреть, как заправлены кросна. Нити там были накиданы менее плотно. Проснувшись, хозяйка ни еду не готовила, ни в хате не прибирала. Первым делом поспешила за кросна. Заправила не весь станок, а маленькую полоску. Тут чудо и произошло. Как говорится, сон в руку оказался. Все вышло точно так, как ткали в Беларуси 150 лет назад. Теперь если с одной стороны полотна по красной дорожке расстилались белые узоры, то с другой – наоборот, по белой красные. Как негатив и позитив фотографии – выбирай любую сторону* [5];

– ассимиляция опыта прошлого и возрождение традиции ткачества в современном мире: *Мама Степанида Алексеевна Степанюк стала инициатором открытия кружка ткачества в деревне Доропеевичи, а дочь Валентина Ивановна Готовчиц сегодня им руководит. Так в их женских руках и живет возрожденная старинная техника ткацкого мастерства* [5].

– **Линейная параллельная сюжетно-композиционная схема** – более сложная сюжетно-композиционная схема, при которой в рассказ помещается несколько взаимосвязанных сюжетных линий. Она строится по схеме *ЯИП*, где *Я* – явление – событие или факт; *И* – истории или рассказы людей, освещающие данное явление; *П* – последствия-результаты, итоги или эффекты, возникающие в результате каких-либо событий, действий или решений [1, с. 104].

Для белорусских интернет-изданий данная схема менее распространена, чем для британских интернет-изданий, и составляет 31 % русскоязычных текстов сторителлинга. Примером может служить следующий русскоязычный текст сторителлинга из белорусского интернет-издания «СБ. Беларусь сегодня» под названием «“Николаевская свеча” в Черепах», по-

средством которого жители деревни Черепы Шкловского района Могилевской области открывают секреты древнего обряда и историю четырех чудотворных икон. Повествование в данном сторителлинге строится следующим образом:

– описание явления древнего обряда: *Жители деревни Черепы Шкловского района Могилевской области открыли нам секреты древнего обряда «Николаевская свеча» и историю четырех чудотворных икон. Узнав, что в небольшой деревеньке со странным названием Черепы есть аутентичный обряд, о котором мало кто знает, мы решили обязательно там побывать. Но нас предупредили, что обряд для местных жителей носит очень личный характер, и показывать его журналистам могут не захотеть. К нашей радости, сельчане гостеприимно распахнули двери и показали, как встарь их предки проводили обряд «Николаевская свеча»»* [6];

– размещение историй людей, освещающих факт чудодейственных свойств обряда в жизни героев: *В свое время у меня очень болела спина, – делится Наталья Валуева. – Мне довелось поучаствовать в этом обряде. Может, я к этому и скептически относилась, но потом поверила. В первую очередь в себя. Во мне появились сила и вера, которых ранее у меня не было. Я шла на обряд по огромным сугробам, думала, завтра уже не встану; Есть и у Геннадия Ивановича своя история, которую он связывает с Николаем Угодником. «Здесь, в деревне, жила моя тетя Дуня. Я предложил ей взять икону Николая Угодника к себе. Она была уже старенькая, я занялся организацией, и в тот год 19 декабря мы взяли икону к себе. А 22 мая, на летнего Миколу, у меня родилась дочь. Жена родила "на раз"! Мобильных тогда не было»* [6];

– раскрытие эффектов, возникающих у людей в результате следования обряду: *Я проползла под иконой по снегу на коленях… И даже не заметила, как легко все прошло, и у меня ничего не болело. И многие так говорят*; *Она родила, и уже через 15 минут встала, сама пошла по коридору и позвонила с больничного телефона. Вот вам и Николай Угодник. И мы ничего не просили у Николая, он сам видит, и сам это дает людям. С Николаем Угодником совпадений не бывает* [6].

– **Линейная сюжетно-композиционная схема с обратной хронологией** – это сюжетно-композиционная схема, которая разворачивается по принципу *КНПТРМ*, где *К* – кульминация – это момент наивысшего напряжения или важнейшая точка развития событий в сюжете истории, когда достигается пик драматического конфликта; *Н* – начало – это точка или момент времени, с которого начинается какое-либо событие, процесс или действие; *П* – проблема (задача), требующая разрешения; *Т* – трудности (препятствия), которые возникают в ходе возникшей проблемы; *Р* – решение или разгадка проблемы; *М* – мораль истории, представляющей собой нравственный опыт или вывод [1, с. 105]. Такие резкие переходы оказывают мощное воздействие на целевую аудиторию, поскольку она не знает, чего ждать дальше. Данная сюжетно-композиционная схема характерна как и для британских интернет-изданий, так и белорусских, и составляет 10 % в обоих случаях по степени встречаемости. Примером такой схемы может служить сторителлинг «От внезапной смерти ее спасли кардиохирурги» из белорусского интернет-издания «СБ. Беларусь сегодня», повествование которого можно представить следующим образом:

– представление кульминации развития событий в сюжете, посвященной школьнице, потерявшей сознание на занятии: *Урок математики в средней школе Могилева. Второклашки разбирают новую тему, старательно записывая примеры в тетрадь. Ребята склонились над учебниками и не сразу заметили, как Алина Янчевская тихо сползла на пол. Обморок* [7];

– возвращение к началу событий, описывающих наличие сложностей со здоровьем у школьницы: *о проблемах с сердцем, которые давали о себе знать потерей сознания, задумались не сразу. Девочка падала в обмороки по несколько раз в неделю. Они случались от любого волнения, сильных эмоций, испуга* [7];

– рассмотрение проблемы серьезного заболевания, требующей скорейшего разрешения: *Диагностировали сложную тахикардию. При норме до 90 ударов в минуту ее сердце стучит от 140 до 220* [7];

– описание трудностей, возникших в ходе лечения: *Препараты для регуляции ритма сердца помогали лишь отчасти. Количество приступов снизилось, но избежать их все равно не удавалось. Кардиологи продолжали наблюдать Алину, а семья ждала часа икс, когда состоится операция. Так прошли еще несколько лет* [7];

– предложение решения проблемы в виде грамотных действий врачей в ходе лечения: *Чтобы узнать о болезни подробнее, в 15 лет Алине поставили холтер. Врачи заподозрили, что у девочки может быть несколько видов аритмий сразу. Позже имплантировали петлевой регистратор* [7];

– мораль истории в виде нравственного вывода о необходимости своевременного обследовании и заблаговременном нивелировании последствий болезни: *Кардиохирург Виталий Кадочкин приводит статистику: 90 процентов аритмий у детей проходит полностью, если лечение начинают в младшем школьном возрасте. Если позже – шансов меньше. Именно поэтому игнорировать неприятные ощущения в области сердца, обмороки и в целом плохое самочувствие нельзя. Консультация педиатра лишней не будет, а у родителей станет меньше поводов для переживаний* [7].

– **Линейная дискретная сюжетно-композиционная схема** – это сюжетно-композиционная схема, которая разворачивается посредством принципа *НСПТРМ*, где *Н* – начало – это точка или момент времени, с которого начинается какое-либо событие, процесс или действие; *С* – событие – резкое происшествие или факт, имеющий определенное значение и происходящий в определенное время; *П* – проблема (задача), требующая разрешения; *Т* – трудности (препятствия), которые возникают в ходе возникшей проблемы; *Р* – решение или разгадка проблемы; *М* – мораль истории, представляющей собой нравственный опыт или вывод [1, с. 106]. Данный прием свойственен преимущественно белорусским интернет-изданиям и составляет 9 % русскоязычных текстов сторителлинга. Примером такой схемы может служить сторителлинг «77 дней на ИВЛ: его вытащили с того света» из белорусского интернет-издания «СБ. Беларусь сегодня», повествование которого можно представить следующим образом:

– раскрытие начала развития действия в виде введения героев повествования земных ангелов – врачей: *Кажется, что жизнь долгая… Впереди так много перспектив, дел, счастья, планов. В суете порой забываем о самом главном – благодарности за каждый наш день, о трепетном отношении к родным и окружающим нас людям, добрых делах и словах. Забываем о том, что время надо ценить, а не роптать бесконечно на судьбу. Аварии, катастрофы, тяжелые болезни быстро отрезвляют нас, дают пощечину, учат ценить то, что имеем. А на пути встают земные ангелы – это мужественные люди: спасатели, врачи, случайные прохожие, сильные духом родственники и друзья, которые не позволяют опускать руки, дарят самое дорогое – надежду и настроение, непоколебимую веру в лучшее* [8];

– описание события, имеющего определенное значение для повествования в виде спасенной жизни человека врачами: *Герман Титов, благодаря команде медиков 10-й городской клинической больницы Минска, оставался оптимистом до самого выздоровления. У него даже не появлялось мысли кручиниться. Потому что крепкие, надежные, смелые руки реаниматологов, хирургов, реабилитологов никогда не дрогнули, они знают свое дело до нюансов* [8];

– введение в повествование клинической проблемы, требующей оперативного разрешения врачами: *Герман Титов изначально попал в больницу с большим объемом поражения легких* [8];

– иллюстрирование трудностей, возникших в ходе лечения: *Сначала пару дней находился в общесоматическом инфекционном отделении. Когда ему стало хуже – перевели в отделение анестезиологии и реанимации; Из-за выраженной дыхательной недостаточности подключили к неинвазивной вентиляции легких через шлем. При этом методе пациент остается в сознании. Около недели у него все получалось, поддержку аппаратом постепенно снижали. Но потом пневмония догнала. Больного перевели на ИВЛ, погрузили в медикаментозную кому* [8];

– предложение решения проблемы в виде своевременной вакцинации: *Достаточно привиться двумя компонентами, а через полгода получить бустерную дозу. Это и есть защита от тяжелого течения и смерти* [8];

– завершение повествования истории с помощью предоставления нравственного опыта ценности жизни: *Пациенты боготворят своих земных ангелов за второе рождение, подаренную возможность жить и сделать много хорошего во благо семьи и Родины. Герману Титову больше ничего не угрожает, он спокойно восстанавливается, читает книги, измеряет сатурацию, слушает врачей и благодарит их за второй шанс. Постарается им воспользоваться мудро. Значит, его дела на земле еще не закончились, предстоит многое успеть* [8].

Заключение. Таким образом, можно прийти к выводу, что среди сюжетно-композиционных схем сторителлинга для белорусских интернет-изданий характерно следующее процентное соотношение распределения русскоязычных текстов:

– главенствующую позицию занимает линейная параллельная сюжетно-композиционная схема и составляет 31 % от всей сплошной выборки русскоязычных текстов. Это можно объяснить большим спросом среди белорусской целевой аудитории на изложение информации в сравнительно-сопоставительном характере историй разных героев, освещающих одну и ту же социальную проблему под разными призмами восприятия, что дает более полную картину происходящего для любого обывателя;

– следующей по степени встречаемости среди русскоязычных текстов сторителлинга оказалась линейная сюжетно-композиционная схема с экскурсами, которая была представлена 25 % среди русскоязычных текстов. Ее распространенность можно объяснить обывательским интересом к сопоставлению прошлых и настоящих реалий, поиском преимуществ и недостатков новых и старых моделей, позволяя целевой аудитории строить свои собственные предположения о том, как может меняться действительность, выделяя плюсы и минусы такого расклада вещей;

– менее распространенной (всего 10 %) оказалась линейная сюжетно-композиционная схема с обратной хронологией. Такое процентное соотношение можно объяснить изначальной сложностью выстраивания повествования, что может приводить к нивелированию или полной потере интереса у целевой аудитории продолжить погружение в сюжет излагаемой истории;

– чуть с меньшим по распространенности среди русскоязычных текстов процентным соотношением можно выделить линейную дискретную сюжетно-композиционную схему, которая составила 9 % от всей сплошной выборки русскоязычных текстов. Это связано с тем, что для целевой аудитории такая схема развертывания повествования привычна и не вызывает сильного эмоционального воздействия, заставляя удерживать внимание до конца на освещаемой социальной проблеме.

Литература

1. Ветошкина, К. Н. Ключевые сюжетно-композиционные схемы сторителлинга в медийном дискурсе (на материале белорусской и британской прессы) / К. Н. Ветошкина // Новая наука : проблемы и перспективы : научный электронный журнал. – 2024. – № 11. – С. 103–107.

2. Калачева, С. В. Методика анализа сюжета и композиции литературного произведения : пособие к практ. занятиям по курсу «Введение в литературоведение» / С. В. Калачева ; М-во высш. и сред. спец. образования СССР [и др.]. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1973. – 95 с.

3. Хализев, В. Е. Теория литературы : учебник / В. Е. Хализев. – 5-е изд., испр. и доп. – М. : Академия, 2009. – 432 с.

4. Левитан, Л. С. Основы изучения сюжета / Л. С. Левитан, Л. М. Цилевич. – Рига : Звайгзне, 1990. – 185 с.

5. Чамковский, В. Ткачество в Доропеевичах / В. Чамковский. – URL: https://veski.sb.by/doropeevichi (дата обращения: 09.02.2025).

6. Чамковский, В. «Николаевская свеча» в Черепах / В. Чамковский. – URL: http://veski.sb.by/cherepu (дата обращения: 09.02.2025).

7. Невмержицкая, О. От внезапной смерти ее спасли кардиохирурги / О. Невмержицкая. – URL: https://sp.sb.by/yanchevskaya (дата обращения: 09.02.2025).

8. Басикирская, Е. 77 дней на ИВЛ : его вытащили с того света / Е. Басикирская. – URL: https://sp.sb.by/titov (дата обращения: 09.02.2025).

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 17.11.2025

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (157), 2026

УДК 81'373.43:[811.161.3+811.161.1] EDN: NEUCXO

Динамика трансформаций неологизмов в русском и белорусском языках

Н.В. Калюк

В статье показаны результаты сравнительного анализа трансформаций неологизмов в русском и белорусском языках в условиях современных процессов глобализации; путем метода сбора представлены данные из национальных корпусов, медийных текстов, социальных сетей и словарей заимствованных слов, дополненные словообразовательным и сопоставительным анализом, на основании которых выявлены процессы ускорения неологеза под воздействием цифровизации в русском языке в сравнении с белорусским.
Ключевые слова: неологизмы, трансформация лексики, сравнительный анализ, цифровая медиасреда.

The article presents the results of a comparative analysis of neologism transformations in the Russian and Belarusian languages under the conditions of contemporary globalization processes; through the data collection method there are used data from national corpora, media texts, social networks and dictionaries of borrowed words, supplemented by word-formation and contrastive analysis, on the basis of which the processes of acceleration of neolexia under the influence of digitalization in the Russian language are identified in comparison with Belarusian.
Keywords: neologisms, lexical transformations, comparative analysis, digital media environment.

В любом языке сосуществуют два противоположных явления: исчезновение слов из языка и процесс, который вносит в язык новые слова. Каждая новая эпоха и определённый ряд предшествующих событий создают благоприятные условия для обогащения лексики и активное поле для образования новых слов. Согласно Д.Э. Розенталю, лексика является самым подвижным уровнем языка и самым восприимчивым к воздействию быстро меняющегося мира в условиях глобализации [1]. Появление первых телефонов, телевизоров, компьютеров и интернета в свое время потрясло весь мир. Новые явления требовали названий. Так в русскую речь вошли слова-неологизмы (древнегреч.: νέος – «новый» и λόγος – «слово»), которых там раньше не было и быть не могло. Сегодня слова «радиоприёмник», «телевидение», «мобильник», «компьютер», «ноутбук», «интернет» сложно отнести к неологизмам.

Примеры современных новых слов относятся к другим реалиям. «Скайп», «спичрайтер», «ребрендинг», «рилсмейкер», «антидемпинговый», «майнинг» – эти слова еще не всем понятны и известны. Поэтому их еще можно отнести к группе «неологизмов». Примеры данных новых слов – явление временное, так как очень скоро люди привыкнут к ним и начнут использовать их в повседневной речи. Однако в определении понятия новизны имеются и свои сложности, поэтому оно требует более четкого определения и конкретизации. Как отмечает Т.В. Попова, ощущение новизны, возникающее при восприятии какой-либо языковой единицы, является чрезвычайно субъективным: то, что одному носителю языка кажется новым, для другого является совершенно привычным [2], поэтому одним из важных вопросов современной лингвистики является изучение новых лексических единиц.

Цель статьи – сравнительный анализ динамики неологизмов в русском и белорусском языках, выявление общих и специфических закономерностей их формирования, интеграции в лексическую систему в условиях цифровой медиасреды и глобализации. В исследовании применялись методы лингвистического анализа, ориентированные на фиксацию новых единиц в реальном языке, с учетом их динамики и контекста.

В современном мире интернет-коммуникация радикально меняет языковую картину, порождая волны неологизмов, которые фиксируют новые реалии цифровой эпохи. И русский, и белорусский языки подвержены влиянию глобализации, технологий, политики и культуры, поскольку социальные сети и онлайн-платформы служат основным источником языковых инноваций. В социальных сетях неологизмы быстро распространяются, переходя в активный словарный запас нормативного языка. Неологизмы эпохи интернета обогащают лексику, подтверждая их роль как маркеров культурных трансформаций.

Сравнительные исследования русского и белорусского языков выявляют параллели в адаптации к процессам глобализации. Анализ динамики и трансформации неологизмов в русском и белорусском языках показывает, что оба языка активно обогащаются новой лексикой, но с различиями в источниках и способах образования. В русском языке доминируют:

1) заимствования из английского языка: *вайб* (англ. vibe – вибрация) – настроение, атмосфера, *крамбл* (англ. to crumble – крошить) – пирог с фруктовой начинкой, *челлендж* (англ. challenge – вызов, испытание) – вызов в соцсетях, *чат* (англ. chat – вибрация) – болтовня, *лук* (англ. look – вид, наружность) – целостный образ, внешний вид, *фидбэк* (англ. feedback – обратное течение) – обратная связь, *хакер* (англ. hacker – взломщик) – взломщик и др.

2) семантические сдвиги, т. е. **изменения в значении слов со временем**, когда слово приобретает новые смыслы, теряет старые или полностью меняет их: *залипать* (раньше обозначало прилипать физически, сейчас – заворожено смотреть видео часами), *бот* (маленькое судно → автоматизированный аккаунт в Telegram), *негатив* (изображение на пленке → что-то плохое, критическое), *кринж* (физическая неловкость → эмоциональный дискомфорт от чужого поведения), *треш* (мусор → низкокачественный контент), *дроп* (сброс груза → выпуск нового альбома или коллекции), *хайп* (шум → вирусная популярность), *стрим* (поток воды → прямая трансляция игр), *глитч* (неисправность в технике → визуальный эффект в контенте) и др.

3) аффиксация, т. е. процесс присоединения русских или иноязычных аффиксов к заимствованным основам для их адаптации и словообразования: *зумер* (англ. Gen Z – поколение Z + суффикс -oomer) – поколение, рожденных примерно 1997–2012, *селфи* (англ. self – сам, себя + суффикс -ie) – фотография себя и др.

Заимствования часто комбинируют иностранные корни с:

– русскими суффиксами *(-ть, -ну-, -ов-, -ев-, -ик-, -ер)*: *твитить* → твит (англ. tweet) + -ить (публиковать короткое сообщение в Twitter), *лайкнуть* → лайк (англ. like) + -ну- +-ть (поставить отметку одобрения под фото), *хейтить* → хейт (англ. hate) + -ить (проявлять ненависть, выражать агрессию), *флексить* → флекс (англ. flex) + -ить (хвастаться богатством в соцсетях), *кринжевый* → кринж (англ. cringe) + -ев- (вызывающий сильное чувство неловкости, стыда), *хайповый* → хайп (англ. hype) + -ов- (модный, популярный, вызывающий ажиотаж);

– иноязычными суффиксами *(-инг, -ер, -мен)*: *фидбэкер* → фидбэк (англ. feedback) + -ер (тот, кто дает отзыв), *тиктокер* → тикток (англ. Tik Tok) + -ер (создатель контента в приложении Tik Tok), *шоппер* → шоп (англ. shop) + -ер (сумка для покупок), *бармен* → бар (англ. bar) + -мен (работник бара, готовящий напитки), *полисмен* → полис (англ. police) + -мен (полицейский), *рафтинг* → рафт (англ. raft) + -инг (вид спорта, представляющий собой сплав по горным рекам) и др.;

– русскими префиксами *(за-, про-, анти-, на-, пере-)*: *загугл* → за + гугл (англ. Google) – результат поиска, *забан* → за + бан (англ. ban) – блокировка, *запост* → за + пост (англ. post) – опубликованное, *прокраш* → про + краш (англ. crash) – состояние прокрастинации, откладывания дел, *антифейк* → анти + фейк (англ. fake) – мера против фальшивок, *нафлуд* → на + флуд (англ. flood) – избыток сообщений, *напост* → на + пост (англ. post) – множество постов, *перепост* → пере + пост (англ. post) – множество постов и др.;

– префиксами и суффиксами: *забриодить* → за- + бриод (англ. bried) + -ить (сильно рассмешить), *зашеймить* → за- + шейм (англ. shame) + -ить (высмеивать или осуждать), *прошазамить* → про + шазам (англ.Shazam) + -ить (быстро распознать), *репостинг* → ре + пост (англ. post) + -инг (массавая пересылка постов), *реплаинг* → ре + плей (англ. play) + -инг (повторное прослушивание музыки или видео), *подкастинг* → под + каст (англ. cast) + -инг (создание или прослушивание подкастов) и др.;

4) словосложение, т. е. способ словообразования путем соединения двух и более основ в одно сложное слово: *хэштег* (англ. hash – решетка, символ + tag – метка, ярлык) – маркер для поиска, *панкейк* (англ. pan – сковорода + cake – пирожное, лепешка) – вариант блинчиков, *бьютиблогер* (англ. beauty – красота + blogger – автор контента) – автор контента о красоте, макияже, косметике, *инфошум* (англ. information – информация + шум) – избыточный поток бесполезной информации, *смартфон* (англ. smart – умный + древнегреч. phone – звук, голос) – многофункциональный мобильный телефон, *хедхантер* (англ. head – голова + hunter – охотник) – специалист, занимающийся поиском высококвалифицированных сотрудников и др.

В белорусском языке продуктивны:

1) словосложение: *спічрайтар* (англ. hash – речь + tag – автор) – специалист по написанию текстов публичных выступлений, *кіберхакер* (греч. cyber – управление + англ. hacker – взломщик) – специалист по компьютерным взломам, *вайбчэк* (англ. vibe – атмосфера + check – проверка) – проверка атмосферы места или компании перед посещением, *рофлмэм* (англ. ROFL (rolling on the floor laughing) – катаюсь по полу от смеха + meme – мем) – мем, вызывающий взрыв смеха, *крашліст* (англ. crush – влюбленность + list – список) – список объектов симпатии, *глоўкамбэк* (англ. head – голова + comeback – возвращение) – неожиданное возвращение после провала, *ньюсмейкер* (англ. news – новости + maker – создатель) – лицо, чьи действия или высказывания создают повод для новостей, *крынжбатл* (англ. cringe – стыд + battle – битва) – стыдный спор или конфликт, вызывающий неловкость и др. Современный молодежный белорусский сленг активно использует словосложение для создания компактных, выразительных форм, часто с влиянием русского, английского языков и интернет-культуры, что отражает двуязычие и динамику соцсетей. Словосложение упрощает коммуникацию, смешивая белорусские суффиксы с англицизмами для современного звучания, усиливая эмоциональность;

2) аффиксация: *антыдэмпінгавы* → анты- + -дэмп- (англ. dumping – сброс) + -інг- + -ав- + -ы, *піяршчык* → піяр- (англ. PR (public relations) – связи с общественностью) + -шчык, *рэстайлінг* → рэ- + -стайл- (англ. style – стиль, дизайн) + -інг, *зашэрыць* → за- + шэр (англ. share – делиться) + -ыць, *фішынг* → фіш (англ. fish – рыба) + -ынг и др. Аффиксация – главный способ образования неологизмов белорусского языка, где суффиксация *(-інг-, -шчык-, -іць-, -ыць-, -аць-, -овы-, -нік-)* занимает основное место, за ней идет префиксация *(за-, рэ-, анты-, над-, пад-, ад-, у-)*, а также их комбинации. Аффиксация в белорусском языке значительно меняет значение новых слов, обеспечивает гибкость для образования неологизмов, отображая динамику языка в эпоху билингвизма, добавляя семантические связи (направления действия, интенсивность, перенос и т. д.);

3) семантический способ, т. е. расширение или изменение значения уже существующего слова без морфлогических изменений, например, через метафору, метонимию, расширение (от частого к общему), сужение (от общего к частному): *пляцоўка* – место на земле → размещение в соцсетях (метонимия), *фідбэк* – обратная связь → коментарии (расширение), *хостынг* – хозяин → места на удаленном сервере для хранения файлов сайта (метонимия), *чат* – разговоры → сообщения в месенджере (сужение), *стрымер* – поток воды → человек, который ведёт прямые онлайн-трансляции в интернете (метафора), *флеш* – вспышка → USB-накопитель (метафора), *падпіска* – письменное обязательство → набор преимуществ, доступный пользователям в течение определенного времени (расширение), *фоловер* – преследователь → подписчик в соцсетях (метонимия) и др.;

4) прямые заимствования: *дэвайс* (англ. device – прибор) – техническое устройство, *стартап* (англ. startup – запуск, старт) – молодая компания или проект, основанный на инновационной идее или уникальной бизнес-модели, ориентированный на быстрый рост, *квэст* (англ. quest – поиск, стремление) – интерактивная игра, в которой участники должны находить подсказки и выполнять задачи, чтобы достичь определенной цели, *данонаты* (англ. donate – жертвовать) – финансовая поддержка автора контента, *булінг* (англ. bullying – травля) – травля, издевательство над одним человеком группой участников и др. [3].

Анализ способов образования новых слов в русском и белорусском языках позволяет выявить степень продуктивности в каждом языке (таблица 1).

Таблица 1 – Сравнение продуктивности русского и белорусского языков

Способ	Русский (продуктивность)	Белорусский (продуктивность)
Заимствования	Высокая	Средняя, с адаптацией
Словосложение	Средняя	Высокая
Аффиксация	Средняя	Высокая
Семантический	Высокая	Высокая (метафора)

Различия в словообразовании современных неологизмов в русском и белорусском языках иллюстрируют их морфологические предпочтения: русский язык тяготеет к компрессии и заимствованиям с адаптацией, белорусский – к сохранению прозрачности и локальным инновациям.

Быстрая адаптация и широкое распространение неологизмов в русском языке часто связаны с молодёжным сленгом и интернет-культурой. В свою очередь, в белорусском языке – более медленная, но целенаправленная трансформация, часто через индивидуально-авторские неологизмы в литературе, как способ утверждения национальной идентичности. В русском языке ускоряется интеграция глобальных трендов через гибридные модели, часто выступает как донор лексики для белорусского, приводя к появлению русизмов, а белорусский язык стремится к самобытности, сохраняет морфемную идентичность, показывает большую «самостоятельность» в создании новых слов, хотя и в рамках общей восточнославянской системы, где русский выступает доминирующим.

Приведенные примеры в таблице 2 представляют собой сравнение словообразовательных моделей неологизмов в русском и белорусском языках.

Таблица 2 – Сравнение способов

Русский	Белорусский
лайкнуть (суффикс -нуть)	*лайкнуць* (аналогично, но реже; чаще *дадаваць лайк*)
слэй (заимствование)	*супер крута*
климат-катастрофа (сложение)	*кліматычная катастрофа* (суффикс -ычны)
локдаунщик (аббревиация + -щик)	*працаўнік лакаўту* (аналитическое агентивность)
антиваксер (приставка анти- + суффикс -ер)	*прапанавацель вакцыны* (суффиксальная перифраза)
флешмобер (сложение + -ер)	*удзельнік флешмобу* (аналитическое агентивность)
социалка (аббревиация + суффикс)	*сацыяльная дапамога* (аналитическое словосочетание)
онлайнер (суффикс)	*анлайн-дапаможнік* (сложение)
селфишный (суффикс)	*сэлфізны* (минимальная суффиксация)
скроллинг (аббревиация + -инг)	*пракручванне* (суффикс, полная основа без усечения)
скроллить фид	*пераглядаць стужку*
экофрендли (заимствование + суффикс)	*экалагічна бяспечны* (аналитический суффикс)

Ключевыми факторами динамики являются:

– социолингвистические, т. е. взаимодействие с русским языком и стремление к языковой норме, влияющие на выбор неологизмов;

– исторические, т. е. наличие уникальных периодов развития, влияющих на словарный состав (например, старобелорусский язык);

– культурные, а именно потребность в отражении национальной специфики и самобытности через язык.

Таким образом, исследование неологизмов в русском и белорусском языках показывает основные типы трансформаций, связанных с морфологическими, семантическими и лексическими процессами словообразования. Эти типы отражают динамику адаптации заимствований и инноваций под влиянием языковой системы и цифровой среды в каждом языке.

Литература

1. Розенталь, Д. Э. Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. – 11-е изд. – М., 2010. – 448 с.

2. Попова, Т. В. Неология и неография современного русского языка : учебное пособие : для студентов, аспирантов, преподавателей-филологов / Т. В. Попова, Л. В. Рацибурская, Д. В. Гугунава. – 2-е изд., стер. – М. : Флинта, Наука, 2011. – 165, [1] с.

3. Уласевіч, В. І. Слоўнік новых запазычаных слоў беларускай мовы / В. І. Уласевіч, Н. М. Даўгулевіч. – Мінск : Беларусь, 2023. – 175 с.

Гомельский государственный
медицинский университет

Поступила в редакцию 13.01.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (157), 2026

УДК 811.581’42’37:398.92(=581) EDN: MMASAK

Китайские устойчивые словосочетания с компонентом *ма* 马 (лошадь): семантика, происхождение, функционирование

В.И. Коваль

Рассматриваются китайские устойчивые словосочетания, содержащие в своем составе слово-компонент ***ма*** 马 (лошадь). В процессе выявления внутренней формы подобных словосочетаний используются внеязыковые сведения, связанные с китайской традиционной культурой. Определяются особенности формирования семантики данных устойчивых словосочетаний и их функционирования в текстах разного типа.

Ключевые слова: слово-компонент ***ма*** 马 (лошадь), семантика, внутренняя форма, употребление.

The article examines Chinese set phrases containing the component ***ma*** 马 (horse). In the process of identifying the internal form of such phrases, extralinguistic information related to Chinese traditional culture is used. The article identifies the features of the formation of the semantics of these set phrases and their functioning in different types of texts.

Keywords: word component ***ma*** 马 (horse), semantics, internal form, usage.

В традиционной китайской культуре лошадь играет исключительно важную роль, являясь воплощением силы, смелости и одновременно – мудрости и таланта. Как знак зодиака Лошадь символизирует целеустремленность, неуклонное движение вперед и преодоление сложных препятствий. В китайском языке имеется большое количество словосочетаний с компонентом ***ма*** 马 (лошадь), имеющих «открытую» внутреннюю форму: 马上找马 (букв. *искать лошать, сидя на ней верхом*) ‘быть рассеянным’; 马生角 (букв. *когда у лошади вырастут рога*) ‘никогда’ и т. п. Наибольший научный интерес вызывает, однако, анализ подобных устойчивых словосочетаний, утративших первоначальный образ, положенный в основу названия.

Цель данной работы заключается в выявлении внутренней формы китайских устойчивых словосочетаний, в состав которых входит слово-компонент ***ма*** 马 (лошадь), и в рассмотрении особенностей их функционирования.

Происхождение китайского фразеологизма *ма гэ гуо ши* 马革裹尸 (букв.: *тело погребено в шкуре лошади*) ‘о том, кто с честью пал в бою’ [1, с. 529] связано с древнекитайским обычаем, в соответствии с которым павшего в бою воина при погребении заворачивали в шкуру его боевого коня, что считалось высшей почестью для солдата или офицера. Согласно легенде, нашедшей отражение в «Истории поздней Хань» (后汉书), данное выражение было произнесено Ма Юанем (马援, 14 г. до н. э. – 49 г. н. э.) – выдающимся полководцем эпохи Восточная Хань (汉朝, 206 г. до н. э. – 220 г. н. э.). Находясь уже в преклонном возрасте, прославившийся своими военными подвигами генерал в присутствии родственников и друзей выразил твердую решимость продолжать службу и сражаться на поле боя до конца, не боясь смерти: «Сейчас враги продолжают совершать набеги на севере. Я намерен просить императора отправить меня на войну, чтобы я атаковал их, как подобает доблестному мужу. Мужчина должен погибнуть на поле боя в приграничной пустыне, и его тело при погребении будет завернуто в конскую шкуру. Разве я могу умереть в постели, на руках у детей и женщин?» [2, с. 185]. Имя Ма Юаня стало нарицательным, о чем свидетельствует чэнъюй *Ма Юань цзю ань* 马援据鞍 (букв. *Ма Юань сидит в седле*) ‘о старике, подражающем полководцу Ма Юаню’ [1, с. 530].

Фразеологизм *ма гэ гуо ши* 马革裹尸 активно употребляется в художественных и публицистических текстах, так или иначе связанных с военными действиями для выражения решимости жертвовать собой во имя защиты Родины. Например: 军情紧急，南京之决战即将开始，弟已抱 **马革裹尸** 之决心.= *Военная обстановка критическая, решающая битва за Нанкин вот-*

вот начнется, я уже принял решение ***быть завернутым в конскую шкуру*** [3]. В других случаях данное устойчивое словосочетание используется как вполне осознанная героическая альтернатива непротивлению врагам. Сравн.: 我们都有抗日报国之心. **马革裹尸**, 宁可壮烈死, 不愿苟且生.= *У всех нас есть желание сопротивляться Японии и служить Родине. Лучше* ***погибнуть****, как герой,* ***обернувшись в шкуру лошади****, чем жить в унижении* [3]; 即便是 **马革裹尸**, 也比临深履薄地混日子来得痛快! = *Даже если* ***умру*** *на поле боя****, завернутый в шкуру коня****, это будет куда приятнее, чем прозябать в постоянном страхе и неопределенности!* [3].

Можно предположить, что древнекитайский обычай погребения погибшего воина в шкуре его боевого коня может быть каким-то образом связан с представлениями о том, что заворачивание в шкуру животного способствует «перемещению» героя в высшие (небесные) сферы. Основанием для такого предположения могут служить мотивы использования некоторыми мифическими персонажами шкуры животных. Наиболее известным сюжетом в этом отношении является китайская легенда о Пастухе и Ткачихе, в которой *Ню-лан* 牛郎 (Пастух, Волопас) с помощью воловьей шкуры отправляется в небесный дворец к своей супруге *Чжи-нюй* 织女 (Ткачихе): «Вол перед смертью велел Ню-лану снять с него шкуру и завернуться в нее вместе с детьми, и шкура отнесла их на небо» [4, с. 539]. Второй миф связан с поверьями о происхождении шелкопряда: «В давние времена какой-то человек надолго отлучился от дома, оставив там только дочь да коня. Соскучившись по отцу, девочка в шутку сказала коню, что станет его женой, если он привезет домой отца. Конь тут же сорвался с привязи и ускакал. Увидев коня, отец подумал, что с дочерью что-то случилось, и поспешил домой. Дочь с тревогой рассказала отцу о своей клятве. Тогда он убил животное и, сняв с него шкуру, расстелил ее сушиться во дворе. Однажды девочка, играя с подругами во дворе, пнула ногой шкуру, сказав: “Ах ты, скотина, все еще думаешь, что я стану твоей женой?” Не успела она выговорить эти слова, как шкура обернулась вокруг нее и умчала в степь. Долго искал отец свою дочь и наконец среди ветвей увидел большого червя с лошадиной головой, завернутого в конскую шкуру. Червь выплевывал тонкую шелковую нить, и люди назвали его шелкопрядом» [5, с. 379]. В китайских народных поверьях о богине шелководства *Цань-шэнь* 蚕神 «изображалась одетой в конскую шкуру, нередко с конской головой, иногда – верхом на белом коне» [6, с. 678].

Устойчивое словосочетание *ли-ма* 立马 (букв. *сесть на коня*) фиксируется в «Большом китайско-русском словаре» со значением ‘выставить знак победы в состязании, отметить победу, выигрыш знаком коня’ [1, с. 528]. Происхождение этого фразеологизма связано с традиционной китайской игрой *тоу-ху* 投壶 (букв. *метание [стрел в] кувшин*), участники которой соревновались в меткости попадания стрел в стоящий на полу кувшин с узким горлом. Свидетельством победы при этом служил специальный знак, вырезанный в форме лошади: «Выигрыш партии отмечался выставлением на соответствующей стороне знака победы *ма* 马, который приравнивался к начислению одного очка». В древнем трактате «Ли Цзы» 礼记 («Книга ритуалов»), содержащем описание *тоу-ху*, отмечалось, что метание стрел в кувшин являлось разновидностью *шэ-цзянь* 射箭 (стрельбы из лука) – боевого искусства, и в этом смысле использование знака в виде лошади воспринималось как вполне уместное: «*Тоу-ху* и *шэ-цзянь* – занятия одного порядка: и то, и другое способствует выработке меткости и сноровки, которые могут пригодиться в военном деле. Лошадь предназначена для использования на войне командирами, она символизирует грозную мощь победителя. Именно поэтому в *тоуху* и используется атрибут *ма*» [7, с. 115].

Очевидно, что словосочетание *ли-ма* 立马 в контексте игры *тоу-ху* воспринималось как образное выражение, свидетельствующее о лидерстве и преимуществе над соперником. В дальнейшем данный фразеологизм стал употребляться в «безóбразном» значении, связанном с представлением о всаднике. Сравн.: 齐主纬立马桥上, 遥呼俨名, 俨尚趦趄不进 = *Гао Вэй, император Ци,* ***сидя на коне*** *на мосту, издалека окликнул Яня по имени, но Янь всё ещё нерешительно медлил и не подходил* [3]. В то же время само действие – посадка всадника на коня, происходившая в очень короткий промежуток времени, – неизбежно ассоциировалось с быст-

ротой, что способствовало возникновению соответствующих новых значений словосочетания *ли-ма* 立马: ‘сразу’, ‘немедленно’, ‘тут же’, ‘моментально’. Сравн.: 张宗琪说得也非常的明了, 十二万一到手, 他 **立马** 走人.= *Чжан Цзунци сказал очень ясно: как только получит сто двадцать тысяч, он* ***тут же*** *уйдет* [3]; 或许这是个巧妙设计的骗局?一开始考虑这样的可能性, 天吾**立马**不安起来.= *Возможно, это хитроумно спланированная афера? Как только появилась такая мысль, Тэнго* ***сразу же*** *забеспокоился* [3].

Слово-компонент ***ма*** 马 может входить в состав китайских прецедентных имен собственных, обозначающих мифических персонажей, так или иначе связанных с представлениями о лошадях. К их числу прежде всего следует отнести номинацию *Ма-ван* 马王 ‘князь лошадей’, оказывавший покровительство этим животным: «Ма-ван считался воплощением созвездия Фан в “восточном дворце” небосвода, которое, согласно астрологическим воззрениям, вершит судьбы конрей». Ма-ван, культ которого возник в глубокой древности, преобладал в Северном Китае и был паспространен прежде всего среди всадников и хозяев, державших лошадей [8, с. 521]. Мифоним *Ма-ван* употребляется в следующем контексте как название победителя в конных скачках: 个项目, 参赛的马匹均为中国的良驹, 夺速度赛的冠军可荣获 “中国**马王**” 称号.= *Все лошади, участвующие в этом соревновании, – это высококлассные китайские скакуны. Победитель скоростной гонки будет удостоен титула «Китайский* ***князь лошадей***» [3].

Менее употребительным, но также значимым для традиционной китайской культуры является мифический персонаж *Маши Хуан* 马師皇, который в «Большом китайско-русском словаре» определяется следующим образом: ‘конский лекарь при дворе Хуанди, лечивший даже дракона, на котором и улетел’ [1, с. 529]. Считают, что *Маши Хуан* во времена правления Желтого императора был ветеринаром, специализировавшимся на лошадях. Сохранилась легенда, повествующая об излечении им дракона: «Однажды к нему подлетел дракон с опущенными ушами и разинутой пастью. Хуан сказал себе: “Этот дракон болен и знает, что я могу его вылечить”. Тогда он сделал ему иглоукалывание в области рта, чуть ниже верхней губы, и дал ему отвар из сладких трав, после чего дракон выздоровел. После этого, когда дракон заболевал, он выходил из своего водного логова и просил о помощи. Однажды утром дракон посадил Хуана себе на спину и унёс его» [9].

Отдельного рассмотрения заслуживает устойчивое словосочетание *Ма-бу* 马步 ‘злое божество, насылающее порчу на коней’ [1, с. 530]. Обращение к доступным интернет-источникам позволяет утверждать, что указанная семантика является либо вторичной, либо устаревшей, поскольку в современном китайском языке это выражение употребляется только в значении ‘стойка лошади – базовое упражнение в практике ушу’. *Ма-бу* – стойка на широко расставленных, согнутых в коленях ногах, внешне напоминающая всадника на лошади (отсюда ее второе название – *стойка всадника*), – характеризуется как «краеугольный камень обучения боевым искусствам, необходимый для развития силы, устойчивости и выносливости», поскольку она «символизирует заземление и связь с землей, которые жизненно важны для выработки силы в движениях боевых искусств» [10]. Именно с этим – исходным – значением устойчивое терминологическое словосочетание *ма-бу* 马步 употребляется в текстах разного типа: 关羽教龙天扬从最基本的**马步**出拳踢腿. = *Гуань Юй обучал Лун Таньяна, начиная с самых базовых приемов, таких как* ***стойка лошади****, и заканчивая ударами руками и ногами* [3]; 择定午后统一教习提气聚劲的法门及蹲身马步举石立腿的外功初步. = *Было решено во второй половине дня провести единое обучение методам накопления ци и концентрации силы, а также начальные упражнения внешней силы, такие как приседание в* ***стойку всадника*** *и подъем камня с опорой на одну ногу* [3].

Можно предположить, что зафиксированный в «Большом китайско-русском словаре» фразеологизм *ма-бу* 马步 ‘злое божество, насылающее порчу на коней’, является табуированным словосочетанием, возникшим в результате намеренного «сокращения» словосочетаний *ма-бу шэнь* 马步神 ‘божество Ма-бу’ и *ма-бу гуй* 马步鬼 ‘злой дух Ма-бу’. Известно вместе с тем, что в древности китайцы зимой совершали жертвоприношения «Ма-бу, духу конских болезней» [8, с. 521]. Подвергшись онимизации (*ма-бу* → *Мабу*), рассматриваемое словосочета-

ние постепенно стало использоваться «для обозначения злого духа, который причиняет вред лошадям, вызывая их болезни, пропажу и преждевременную смерть». При этом мифоним *Ма-бу* 马步 имеет ограниченную сферу использования: «Это не общеупотребительное значение в стандартном китайском языке, а исключительно народно-специфическое, которое крайне редко встречается в китайских письменных памятниках и современном литературном языке» [11].

Приведенный материал, таким образом, свидетельствует о перспективности исследования устойчивых словосочетаний, содержащих в своем составе культурно-значимый компонент-зооним, как в синхронном, так и в диахронном аспектах.

Литература

1. Большой китайско-русский словарь : в 4 т. / Под ред. проф. И. М. Ошанина. – М. : Наука, 1984. – Т. 3. – 1106 с.

2. 范晔. 后汉书 = Фань, Е. История поздней Хань / Е. Фань. – Пекин : Изд-во «Чжунхуа Шуцзюй», 1965. – Т. 24. – 841 с.

3. 北京语言大学语料库中心 = Центр корпусов Пекинского университета языка и культуры (BCC). – URL: http://bcc.blcu.edu.cn/ (дата обращения: 20.02.2026).

4. Рифтин, Б. Л. Ню-лан / Б. Л. Рифтин // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко ; Ин-т Дальне го Востока. – М. : «Восточная литература», 2007. – Т. 2 : Мифология. Религия / ред. М. Л. Титаренко [и др.]. – С. 539.

5. Гуляка и волшебник. Танские повести (VII–IX вв.) ; пер. с кит. И. Соколовой, О. Фишман. – М. : Худ. лит., 1970. – 383 с.

6. Рифтин, Б. Л. Цань-шэн / Б. Л. Рифтин // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. – М. : «Восточная литература», 2007. – Т. 2 : Мифология. Религия / ред. М. Л. Титаренко [и др.]. – С. 678.

7. Кейдун, И. Б. Тоуху : содержание, атрибутика, основные этапы истории (в контексте изучения содержания конфуцианского трактата «Ли Цзи») / И. Б. Кейдун // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2015. – Сер. 13, вып. 2. – С. 113–120.

8. Рифтин, Б. Л. Ма-ван / Б. Л. Рифтин // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. – М. : «Восточная литература», 2007. – Т. 2 : Мифология. Религия / ред. М. Л. Титаренко [и др.]. – С. 521.

9. Лиэсянь Чжуань. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Liexian_Zhuan (дата обращения: 20.02.2026).

10. Стойка лошади (Ма Бу) в шаолиньском кунг-фу: фундамент силы и стабильности. – URL: https://shaolin-kungfu.com/ru/стойка-лошади-ма-бу/ (дата обращения: 20.02.2026).

11. 《周礼》仪式: 探寻古代牧马的四季智慧 = Ритуал жертвоприношения коня в эпоху династии Чжоу : исследование мудрости древнего коневодства во все времена года. – URL: https://m.theaper.cn/newsDetail_forward_30398167 (дата обращения: 20.02.2026).

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 21.02.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (157), 2026

УДК 811.161.1'373.237:659.126+811.161.3'373.237:659.126 EDN: RKOUIS

Лингвистический анализ неймов в сфере коммерческой деятельности (на материале русского, белорусского и французского языков)

О.А. Козлова

В статье рассматривается классификация языковых моделей нейминга. На материале выборки наименований, по большей части, коммерческих организаций, а также их продукции, проанализирована степень продуктивности исследуемых моделей в процессе разработки фирменного / марочного / коммерческого названия; выделены наиболее частотные языковые средства их репрезентации. Проведен сопоставительный анализ механизмов русского, белорусского и французского неймообразования. Подчеркивается значимость сформированной лингвистической компетентности для специалистов в области маркетинга, брендинга и бизнес-рекламы, занимающихся разработкой неймов.
Ключевые слова: имя, марка (бренд), нейминг, модель, группа, средства, репрезентация.

The article considers the classification of naming language models. Based on the list of selected companies' names, mostly commercial ones, as well as their products' names, the degree of the studied models productivity in the process of developing a corporate / brand / trade name was analyzed. The most frequent language means of their representation were identified. A comparative analysis of Russian, Belarusian and French naming mechanisms was carried out. The importance of the formed linguistic competence for specialists who work in the field of marketing, branding, business advertising and deal with naming is emphasized.
Keywords: name, brand, naming, model, group, means, representation.

В области маркетинга, брендинга и бизнес-рекламы последних лет большое значение приобретает нейминг – разработка фирменного наименования организации (бизнеса), а также марочного имени товара или услуги, определяющего его / ее будущий коммерческий успех. Функцией нейминга является обеспечение индивидуальности компании (ее продукции) и взаимодействия между производителем и потребителем. Выбор имени чрезвычайно важен, поскольку оно должно быть впечатляющим, легко запоминающимся, благозвучным и вызывающим положительные эмоции. Признанное широким кругом потребителей марочное имя становится брендом [1, с. 20–23].

В научных трудах лингвистов наряду с *неймингом* встречаются термины *имяобразование, неймообразование, коммерческая номинация.* В значении *«нейм»* функционируют такие понятия, как *фирменное наименование, коммерческое название (обозначение), рекламное имя, марка, бренд* и др. [2, с. 395]. При этом в большинстве работ, и в нашей в том числе, разграничение данных терминов с юридической точки зрения остается вне рассмотрения.

Отметим, что процесс неймообразования невозможен без учета аспектов языка, а именно фонетических, лексико-грамматических, семантических и прочих. Именно поэтому анализ неймов с лингвистической точки зрения находится сегодня в фокусе внимания исследователей-языковедов. Так, в статье Е.Ю. Поздняковой подробно рассмотрены принципы и способы номинации российских городских коммерческих объектов [3]. В исследовании В.Ю. Кожановой приведена классификация имен брендов (описательные названия, обычные имена, географические имена, ассоциативные имена, безэквивалентные имена и неологизмы), а также определены методики создания лингвистического имени бренда (нейро-лингвистическое программирование, лингвистические рекламные технологии нейро-лингвистического программирования, речевые пресуппозиции, создание комплексных эквивалентов) [4].

Несмотря на живой интерес лингвистов к рассматриваемой проблеме и наличие ряда работ в данной области, особенности неймингового пространства Беларуси и России далеки от достаточной степени изученности и разработанности. Тем более если речь идет о сопоставлении механизмов русскоязычного и белорусскоязычного нейминга с западными моделями.

Основной целью нашей работы явилось изучение лингвистической составляющей имяобразования компании или ее продукта на материале русского, белорусского и французского

языков. В задачи исследования входило выделение языковых моделей и групп нейминга, определение инвентаря языковых средств их репрезентации, а также сравнение русско-/ белорусскоязычных моделей с механизмами коммерческой номинации во французском языке.

Фактологическим материалом послужила сплошная и дифференцированная выборка примерно 100 наименований компаний России, Беларуси и выпускаемой ими продукции, а также 50 французских брендов из разных сфер бизнеса (пищевая индустрия, сфера общественного питания, розничная торговля, сфера услуг, индустрия моды и др.), так или иначе связанных с осуществлением коммерческой деятельности. Источниками подбора материала явились статьи других исследователей, прямое наблюдение в условиях городской среды и представленные ниже интернет-ресурсы:

– https://brandcatalog.ru/country/franciya/produkty-napitki?;
– https://tagvault.org/blog/french-boutique-names/;
– https://www.lilycherie.com/blog/french-fashion-brands;
– https://brand.eamarketdata.com/silneyshiye-brendy-respubliki-belarus-2022-top-100-belorusskikh-brendov/;
– https://journal.citilink.ru/articles/rossijskie-i-belorusskie-brendy-tehniki-kotorym-mozhno-doveryat/;
– https://www.forbes.ru/biznes-photogallery/373339-45-luchshih-brendov-v-rossii?image=283771.

В ходе исследования применялись методы таксономического описания, структурного, компонентного и сопоставительного анализов.

Результатом исследования явилась классификация моделей нейминга, представленная в таблице 1. В рамках данной классификации нами выделены следующие языковые модели: грамматическая (морфологическая), лексико-грамматическая, лексико-семантическая, фонетическая, фонетико-семантическая, гибридная. Полученные результаты еще раз подтверждают слова известных лингвистов о том, что «каждый уровень строения языка, каждая его подсистема вносят свой вклад в образование новых наименований» [5, с. 222].

Таблица 1 – Классификация языковых моделей нейминга

модель	Грамматическая (морфологическая)		Лексико-грамматическая	Лексико-семантическая		Фонетическая	Фонетико-семантическая	Гибридная
группа	*Именительная (назывная)*	*Косвенно-падежная*	*Слово-образовательная*	*Стилистический аспект*	*Прагматический аспект*	*Звуко-графическая*	*Звуко-смысловая*	
средства	– имена, фамилии, отчества (*в рус. и бел. языках*) основателей; – *имя / фамилия* + титул / звание / должность / профессия; – имена, фамилии, отчества (*в рус. и бел. языках*) исторических, мифологических, литературных персонажей; – топонимы	– предлог + имя собственное	– словосложение; – аббревиация; – аффиксация; – неологизация (посредством телескопии)	– аллюзия; – метафора; – метонимия; – оксюморон;	– амфиболия; – ассоциации;	– аллитерация; – транслитерация; – ономатопея; – рифмование; – палиндромы	– разбиение слова; – слияние нескольких слов в одно; – игра слов (игровая омофония)	– сочетание лексических элементов разных языков; – интеграция элементов одного языка в другой; – сочетание разных способов словообразования; – комбинация разных моделей

Проанализируем каждую из языковых моделей неймообразования в русском и белорусском языках.

Популярной разновидностью **грамматической модели** оказывается модель **морфологическая**, в составе которой вычленяем **именительную (назывную) группу**, представленную именами собственными, а именно:

– *личными именами* (часто используется имя основателя): сеть магазинов «Мила» в различных городах Беларуси;

– *фамилиями*: российские компании «Коркунов», «Шустов», «Елисеевский», «Дымов»;

– *отчествами (патронимами)*: магазин для садоводов «Семеновна» (г. Севастополь), ресторан «Иваныч» (г. Адлер), магазин стройматериалов «Петрович» (г. Москва).

Наряду с именем учредителя, среди имен собственных велика доля литературных, мифологических персонажей, а также исторических личностей. Так, на постсоветском про-

странстве хорошо известна кухонная техника белорусско-российского совместного предприятия «Гефест[1]». Варианты российских коммерческих наименований подобного рода: торт «Наполеон», ресторан «Кутузов», чай «Чайковский», магазин «Ньютон», товары для туризма «Чингисхан». Среди белорусских неймов отметим кафе «Агінскі»[2] в Минске, кондитерскую фабрику «Спартак»[3] в Гомеле.

К именам собственным могут добавляться титулы, звания, должности, профессии. Так, в Челябинске находим «Мастерскую Феи Светы»; в Новосибирске – частную клинику пластической хирургии «Клиника доктора Панова», занимающуюся оказанием платных услуг; в Гродно – кафе «У Пана Тадэвуша»;

– *географическими названиями (топонимами)*: кафе «Эверест» (в Подольске, Саратове, Хабаровске и других российских городах), торговый дом «Палессе» (г. Минск), гостиница «Гарадзейскі фальварак[4]», кафе «Лошыцкі Фальварак[5]» [6, с. 396].

Морфологическая модель также представлена **косвенно-падежной группой**, примерами которой выступают следующие названия: мини-отель и ресторан «Ля Менска», кафе «У Янкі», «У сяброў», «У гаспадыні» (г. Минск), автосервис «У Сергеича» (г. Иркутск), марка плодового вина «Над Сожем» (г. Гомель).

Довольно богаты средства репрезентации л**ексико-грамматической модели,** в рамках которой нами выделена **словообразовательная группа с набором таких средств, как:**

– *словосложение:* мебельный магазин «Мебельград» (г. Москва, г. Гомель);

– *аббревиация:* белорусский акционерный коммерческий банк «Белагропромбанк», компания «Белювелирторг» в составе ювелирного холдинга РБ;

– *аффиксация,* чаще всего реализуемая в виде уменьшительно-ласкательных суффиксов: названия сырков «Зайка» и «Моя Аленка» от концерна «Савушкин» (филиал в г. Береза), марка фруктово-ягодного вина «Полянка» (Гомельский винодельческий завод);

– *неологизация* посредством *телескопии* (аббревиации и основосложения одновременно): предприятие по производству автомобильных шин «Белшина» /белорусский + шина/ (г. Бобруйск); компания по производству мебели «Гомельдрев» /Гомель + древесина/ (г. Гомель); сеть продуктовых магазинов «Доброном» по всей Беларуси /добрый + гастроном/; белорусская марка модной одежды, а также сеть фирменных магазинов и секций на территории РБ «Элема» /элегантнае + моднае + адзенне/.

Надо признать, что в области нейминга последних лет телескопическая модель применяется довольно часто, при этом нередко используются элементы английских лексических единиц: например, «Oxiology» /oxygen + cosmetology/ (серия кислородной косметики от российской компании Faberlic); «Mir Mosshion» /Moscow + fashion/ (компания по производству одежды в Московской области, г. Электросталь).

Еще одна модель, четко прослеживающаяся в материале исследования, – л**ексико-семантическая**. В рамках данной модели нами рассмотрен стилистический и прагматический аспекты. Первый аспект представлен такими языковыми средствами, как:

– *аллюзия* (отсылка к известным произведениям литературы, искусства и пр.), которая может быть явной и скрытой, а иногда и иронической. Примеры: магазин мебели «12 стульев» (г. Новозыбков, Брянская область), майонез «Ряба» Нижегородского масло-жирового комбината, торговая сеть «Седьмой континент» (г. Москва и др.), автосервис «Ангар 17» (г. Москва), молочные продукты «Простоквашино» российского и белорусского производства; творог «Нестерка» от ЧУП «Мозырские молочные продукты» (отсылка к персонажу белорусских народных сказок Нестерке, находчивому крестьянину-бедняку, а также к одноименной пьесе В. Вольского), ресторан «Грунвальд» в Лиде (напоминание о Грюнвальдской битве 1410 г.), конфеты и шоколад «Белочка» (отсылка к сказке А.С. Пушкина «Сказка о ца-

[1] Бог огня и кузнечного ремесла.

[2] М. Огинский – известный государственный деятель Речи Посполитой, композитор, поэт и меценат XVIII в., представитель литовско-польского княжеского рода Огинских.

[3] Спартак – руководитель восстания рабов и гладиаторов в Италии в 73–71 гг. до н. э.

[4] От названия городского поселка Городея в Несвижском районе Минской области. Находится там же.

[5] От названия жилого микрорайона г. Минска Лошица. Находится там же.

ре Салтане»), бальзам «Черная королева» от Гомельского производителя (отсылка к главной антагонистке сказки Л. Кэрролла «Алиса в Зазеркалье»), бальзам «Черный рыцарь» от Витебского ликеро-водочного завода (ассоциация с героем вселенной Marvel), продуктовый дискаунтер «Два гуся» в Гомеле (ссылка на персонажей народной песни «Жили у бабуси …»);

– *метафора* (переносное значение, в основе которого лежит сравнение): частный медицинский центр в Минске «Маяк Здоровья»; марки фруктово-ягодных вин «Янтарная капля» и «Райский сад», а также плодового вина «Гостинец лета», винных напитков «Мираж» и «Фортуна» от Гомельского винодельческого завода;

– *метонимия* (замещение частью целого или наоборот, а также замещение характеристики самим предметом или наоборот): сеть российских ресторанов «Планета Суши» или магазинов «Империя детства»;

– *оксюморон* (соединение несовместимых понятий): магазин детской одежды «Маленький взрослый» (г. Хабаровск), шоколадный батончик «Обыкновенное чудо» от российской фабрики «Славянка».

Прагматический аспект анализируемой модели, предполагающий формирование личностно-значимого смысла, реализуется следующими средствами:

– *амфиболия,* т. е. двусмысленность, получающаяся от расположения слов или от употребления их в различных смыслах; своего рода смешение понятий. Последнее позволяет потребителю выстроить собственный смысл с опорой на личный опыт или предпочтения. Так, название ресторана «Фасоль» (г. Гомель) может иметь отсылку к нотам, равно как и к овощной культуре; студия красоты «Костя-Ника» (г. Екатеринбург) может восприниматься как парикмахерская, обслуживающая мужчин и женщин, или же просто ассоциироваться с летом, порой ягод и тепла;

– *ассоциации* как связь нейма, возникающая в сознании потребителя, прежде всего, с надежностью и долговечностью (например, белорусские аккумуляторы «Зубр», инструменты «Волат», бытовая техника «Атлант»; российский супермаркет «Верный» в С.-Петербурге), а также с чем-то близким и родным (заведения ресторанного типа «Бацькі», «Сябры» в Гомеле, сеть продуктовых магазинов «Соседи», «Друзья» во многих городах Беларуси и России, более 60 позиций пищевой продукции под белорусской маркой «Сваё»).

Фонетическая модель в сфере нейминга чаще представлена **звукографической группой**, также имеющей определенный инвентарь языковых средств:

– *аллитерация* (повторение одинаковых или похожих звуков, слогов), придающая названию особую звуковую выразительность: пельмени «Сам Самыч» от российской компании «Талосто», марка российской молочной продукции «Милая Мила»;

– *транслитерация* (запись русских / белорусских слов латиницей и иностранных слов – кириллицей): цветочный магазин «Vetka-kvetka» и ресторан «Фальварак Kupala» в Минске, предприятие по производству женского нижнего белья «Milavitsa» (от бел. «Мілавіца» – планета Венера, а также имя богини красоты и любви в славянской мифологии), марка минеральной воды «Фрост» (от англ. «frost» – мороз);

– *ономатопея* (слова или комбинация слов, образованных с целью имитирования природных звуков, а также звуков, порождаемых детьми, животными). Ономатопические единицы нейминга, как правило, строятся посредством аффиксации: название детского питания «Агуша» Лианозовского молочного комбината (от младенческого гуления «агу-агу»), конфет «Нямик» кондитерской фабрики «Акконд» (г. Чебоксары), кукурузных палочек «ХрумСтик» от белорусского производителя «Лидапищеконцентраты» (г. Лида);

– *рифмование* (созвучие в окончании двух или нескольких слов): швейное ателье «Стежки-Застежки» в Томске и Красноярске; кондитерский магазин «Лелик и Болик» в Минске, а также магазин детской одежды с аналогичным названием в Уфе; мясной ларек «Классный колбасный» в Гомеле;

– *палиндромы* (слова или словосочетания, одинаково читающиеся с начала и с конца [6]): швейное предприятие «Дом мод» (г. Минск).

Очевидной оригинальностью обладает **гибридная модель**, возникающая на стыке языковых элементов или языковых средств. Исследуемый материал позволил выделить следующие варианты указанной модели:

– *сочетание лексических элементов разных языков, а также интеграция элементов одного языка в другой с частичной или полной ассимиляцией:* гастрономический фестиваль в Минске «Гастрофест» (от англ. «fest» – празднество), печенье «Шахматный слодыч» (белорусское слово «слодыч» интегрировано в русский язык, в котором оно начало функционировать как существительное мужского рода) и «Сметанковый слодыч» (интеграция двух белорусских слов в русский с их последующей ассимиляцией) [7, с. 93];

– *сочетание разных способов словообразования*: кофейный бар «Чайkoff» в Брянске (словосложение с использованием транслитерации и сокращения);

– *комбинация разных моделей*: так, в названии бара разливного пива «Нестор Петрович» (г. Москва) объединены элементы именительной группы (морфологическая модель) с аллюзией (стилистический аспект лексико-семантической модели), которая отсылает нас к главному герою кинофильма «Большая перемена».

Следует отметить, что описанные выше модели нейминга обнаруживаются и во франкоязычном материале (за исключением использования патронимов в именительной группе грамматической модели). Однако проведение сопоставительного анализа процесса моделирования русских и белорусских неймов с механизмами имяобразования во французском языке позволило выделить особую группу, основанную на игре слов, – **звукосмысловую**. Данная группа довольно частотна во франкоязычном материале и является составляющей модели, которая располагается в межуровневом языковом пространстве, на пересечении фонетики и семантики. При этом в большинстве случаев базой для игры слов служит омофония, реже – распад полисемантичных слов. Заметим, что результатом генерации коммерческих наименований в соответствии со звукосмысловой моделью является двуплановая языковая единица, обладающая новой семантикой и внешней игровой формой, рассчитанной на юмористический эффект восприятия. Бесспорно, подобные лингвистические конструкты способны успешно выполнять основную функцию нейминга – подчеркивать индивидуальность и обеспечивать надежное запоминание, поскольку воздействуют как на ментальную, так и на эмоциональную сферу потребителя. Примеры подобных номинаций: название ресторана «L'effet mer» /эффект моря/ в приморском городе Этрета созвучно со словом l'éphémère /преходящее/; название бара «Chai Antoine», включающее слово chai /винный погребок/ и личное имя Antoine, может быть воспринято как «Chez Antoine» /у Антуана/; название салона-парикмахерской «Coiff' émoi» содержит корень глагола coiffer /причесывать/ и существительное émoi /смятение, волнение/ и может быть прочитано как «Coiffez-moi» /причешите меня/ [8, с. 103–104]; название бренда ликеров, десертных соусов и топингов «Vedrenne» есть не что иное как «Voeu de reine» /желание королевы/ (https://brandcatalog.ru/country/franciya/produkty-napitki?).

В русскоязычном материале также обнаружены образцы звукосмысловой группы, к которой можно отнести следующие механизмы неймообразования:

– *разбиение слова* на две смысловые составляющие: кофейня «Про-Кофий» (г. Очер), бар «Конь-Як» (г. Москва), магазин вина «Вино-Град» (в Набережных Челнах и в Альметьевске);

– *слияние нескольких слов в одно:* магазин детских товаров «Вотоня» («ВотОнЯ»), представленный торговыми объектами практически во всех районах Санкт-Петербурга.

В отношении франкоязычного материала очевидным является и факт гибридизации нейминга. Так, название парикмахерской «L’hair de Paris» [9, с. 156], в составе которого содержится английское слово hair /волосы/, произносится как «l’air de Paris» /дух или воздух Парижа/ и представляет собой гибридную модель, основанную на игровой омофонии с участием иноязычных элементов. А в названии магазина модной одежды «Chic et Choc» представлена комбинация звукографической и звукосмысловой групп с акцентом на игре слов (https://tagvault.org/blog/french-boutique-names/).

В целом, выборка французских неймов, задействованных в исследовании, позволила установить такой характерный признак, как превалирование лексических единиц с положительной коннотацией: Le Bonheur en Rose /счастье в розовом/; La Belle Journée /прекрасный день/; Le Charme Parisien /Парижский шарм/; La Belle Vie /хорошая или прекрасная жизнь/, La Mode Douce /милая мода/ и др. (https://tagvault.org/blog/french-boutique-names/). Также не-

редки случаи применения лексем разговорной речи, как например, в названии бренда варенья, повидла, протертых ягод, печенья, пряников, вафель «Bonne Maman» /бабуля/; или в названии бренда одежды премиум-класса «Sandro» /сокращенный вариант имени Alessandro/ (https://www.lilycherie.com/blog/french-fashion-brands).

В заключение отметим, что список представленных моделей и групп не может считаться полным, поскольку условия конкуренции современного бизнеса требуют создания все более ярких, уникальных и внушающих доверие фирменных / марочных / коммерческих имен, что, в свою очередь, стимулирует креативность их разработчиков. Погоня за успехом неизбежно приводит к появлению новых стратегий и моделей нейминга. Однако реализация столь сложной задачи невозможна без компетентного использования определенного набора языковых средств. В работах ряда исследователей, в том числе Е.Н. Ремчуковой, коммерческое название (как разновидность нейма) считается результатом не просто креативной, а лингвокреативной деятельности [10, с. 34]. В связи с этим, по нашему мнению, в сфере маркетинга, брендинга и бизнес-рекламы должны работать специалисты, обладающие сформированной лингвистической компетентностью.

Литература

1. Торговые марки и брендинг белорусских производителей потребительских товаров и услуг / Л. Л. Соловьева, О. В. Лапицкая, А. В. Домород. – Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2018. – 239 с.

2. Стаселько, А. И. Белорусскоязычный нейминг в ресторанном бизнесе г. Минска : лингвистический аспект / А. И. Стаселько, Е. С. Дедова // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сб. науч. ст. – Витебск : Витебский гос. ун-т им. П.М. Машерова, 2022. – С. 394–397.

3. Позднякова, Е. Ю. Принципы и способы номинации коммерческих объектов городского пространства / Е. Ю. Позднякова // Коммуникативные исследования. – 2020. – Т. 7, № 1. – С. 77–98.

4. Кожанова, В. Ю. Лингвистические основы наименований брендов: на примере английского и русского языков : дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / Кожанова Валерия Юрьевна ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2007. – 184 л.

5. Кубрякова, Е. С. Теория номинации и словообразование / Е. С. Кубрякова // Языковая номинация. Виды наименований. – М. : Изд-во «Наука», 1977. – С. 222–303.

6. Словарь русского языка : в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999. – URL: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/16/ma301331.htm?cmd=0&istext=1 (дата обращения : 01.12.2025).

7. Занковец, А. А. Белорусский нейминг как отражение функционирования русского языка в Беларуси / А. А. Занковец // Мова і літаратура ў XXI стагоддзі : актуальныя аспекты даследавання : матэрыялы IV Рэсп. навук.-практ. канф. маладых вучоных, Мінск, 17 сак. 2017 г. / рэдкал.: П. І. Навойчык(адк. рэд.) [і інш.] ; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск : БДУ, 2017. – С. 90–93.

8. Серова, Л. Ф. Игра слов в коммерческих эргонимах (на материале французского языка) / Л. Ф. Серова // Вестник Кемеровского гос. ун-та. – 2015. – Т. 1, № 2 (62). – С. 103–106.

9. Русанова, И. Ю. Способы номинации эргонимов во французском языке (на примере парикмахерских) / И. Ю. Русанова // Известия ВГПУ. Филологические науки. – 2021. – № 7 (160). – С. 153–157.

10. Ремчукова, Е. Н. «Свое» и «чужое» в коммуникативном пространстве российского города / Е. Н. Ремчукова, Т. П. Соколова // Коммуникативные исследования. – 2019. – Т. 6, № 1. – С. 31–50.

Гомельский государственный технический
университет имени П.О. Сухого

Поступила в редакцию 08.12.2025

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (157), 2026

УДК 811.581 EDN: RPNWHQ

Памятник «Чжуанцзы»: расчитывание синтаксической структуры предложений и прояснение ролевой структуры события

Н.И. Крицук-Тарасов

Статья посвящена синтаксическому анализу предложений древнекитайского языка (на примере текста «Чжуанцзы») с опорой на модель мира и семантику. В статье определяются способы восстановления свернутых элементов и имплицированных ролей в условиях недостатка экстралингвистического контекста, свойственного древним текстам.
Ключевые слова: древнекитайский язык, синтаксический анализ, модель мира, семантика, эксплицитность, имплицитность, поверхностный синтаксис, виртуальная цепь, языковая картина мира.

The article examines the syntactic analysis of Ancient Chinese sentences (using the «Zhuangzi» text as an example) based on a model of the world and semantics. It identifies methods for reconstructing convoluted elements and implied roles in the absence of extralinguistic context, which is inherent in ancient texts.
Keywords: ancient Chinese language, syntactic analysis, a model of the world, semantics, explicitness, implicitness, surface syntax, virtual chain, linguistic picture of the world.

Человек как биосоциальное существо способен устойчиво существовать только в «специализации» и «кооперации» [1, с. 21] с другими людьми. Для этого необходимо упорядочение человеческой интеллектуальной деятельности, которое позволит достичь оптимальности противоположных стратегий: когнитивных – полнота описания «модели мира (скрытого знания)» [2, с. 226–228] и скорость оперирования ею, – а также коммуникативных – свёртка высказывания для «экономии времени и мускульной энергии» (принцип экономии А. Мартине) [3] и развёртка высказывания или «избыточность как “встроенная гарантия”, которая позволяет получить правильное сообщение, даже если какая-то его часть потеряна или искажена» [4] («принцип запаса прочности» [5, с. 27]).

В предыдущих исследованиях по эксплицитности и имплицитности языковых категорий мы выдвигали гипотезу «общечеловеческого базиса» [6, с. 19]. Она предполагает единообразие *внутреннего кодирования* как инструмента, но это не обязательно ведет к единообразию как *языковых картин мира (открытого знания)*, так и выделения *стереотипов* в *копии мира* и построению на их основе *моделей мира*, для декодирования которых служат *языки*, реализуемые в *речи*, при условии понимания терминов по А.Н. Гордею [2, с. 226–227].

Следовательно, основная цель наших исследований – получение комплексного метода, который позволит определять 1) внутреннюю структуру языковых конструкций на основе их реализации в речи, реконструируя свёрнутые элементы; 2) ролевую структуру события через соотнесение языковых конструкций с моделью мира, проясняя имплицированные роли (основные задачи).

Как известно, «металингвистическая операция или предикация» – это «установление одно-однозначного соответствия между синтаксисом и семантикой, при котором каждая роль частей языка в предложении отображается в каждую роль индивида в выделенном фрагменте модели мира» [7, с. 13]. В данном ракурсе самым очевидным видится определение членов предложения и соотнесение их с ролями индивидов через модель мира (скрытое знание).

Однако по отношению к текстам древнекитайского языка (включая памятник «Чжуанцзы») мы сталкиваемся с объективными сложностями в определении подобного «одно-однозначного соответствия», очевидного для создателей текста: это тексты с неустановленной для современных исследователей «внеязыковой действительностью» [8, с. 160] или «экстралингвистической ситуацией» [8, с. 177], которую более точно в нашем случае будет назвать «экстралингвистическим контекстом». Следовательно, такие тексты могли создаваться в условиях, существенно и принципиально отличающихся от наших. А значит, устранение

синтаксической неполноты предложения будет в определенной степени допущением. Тем не менее, исходя из имеющихся у нас культурно-исторических данных и с опорой на общечеловеческую универсальность, мы все-таки имеем возможность решить основные задачи исследования по отношению к таковым текстам.

Учитывая вышесказанное, мы должны выработать непротиворечивую схему устранения синтаксической неполноты предложений памятника. Для более точного описания исследовательского процесса обозначим: синтаксис как «упорядоченность языковых структур и техника (алфавит и правила) их построения и преобразования» может быть представлен тем, что выражено в речи – поверхностной синтаксической структурой – и тем, что подразумевается в языке – *виртуальной цепью* [5].

Как известно, в синтаксисе «отношения между словами должны быть эксплицитными или эксплицируемыми путем преобразований» [9, с. 15]. А к примеру, на уровне словообразования «двухкомпонентность … всегда присутствует: в явном (*большая дорога*), свернутом (*большак*), в скрытом (*тракт*) виде» [9, с. 133]. Развивая понятия эксплицитности и имплицитности и систематизируя их в области семантического синтаксиса и комбина́торной семантики, мы отмечаем, что роли индивидов могут быть частично или полностью эксплицитными или имплицитными. Под экспликацией мы будем понимать прямое выражение ролей индивидов в членах предложения на уровне поверхностной синтаксической структуры, то есть выражение субъекта в подлежащем, акции – в сказуемом, а объекта – в прямом дополнении. Пример полной экспликации ролей индивидов – предложение современного китайского языка 我有书 wǒ yǒu shū *у меня есть книга* (‘я имею книгу’), где субъект ‘я’ выражается в подлежащем 我 wǒ, акция ‘иметь’ – в сказуемом 有 yǒu, а объект ‘книга’ – в прямом дополнении 书 shū.

Под «частичной экспликацией», «частичной импликацией» и «(полной) импликацией» мы будем подразумевать меньшую степень выраженности ролей индивидов в поверхностной синтаксической структуре и виртуальной цепи: импликация – полное отсутствие выражения ролей индивидов, частичная импликация – непрямое выражение ролей индивидов в поверхностной синтаксической структуре, а частичная экспликация – прямое выражение ролей индивидов в виртуальной цепи при их сворачивании в поверхностно синтаксической структуре. В качестве примера рассмотрим отрывок из «Чжуанцзы» 其名為鯤 qí míng wéi Kūn *её [рыбу] зовут Кунь* (‘ее [рыбы] имя есть Кунь’). Поскольку исследователями не была установлена важность имени в Древнем Китае, сопоставимая с таковой в Древнем Египте [10], вероятнее всего 名 míng ‘имя’ не воспринималось в древнекитайских текстах как субъект. Таким образом, фрагмент модели мира, закодированный в данном отрывке, может расшифровываться как «Люди (субъект) [именем] “Кунь” (инструмент) именуют (акция) его (объект)». ‘Люди’ (субъект) полностью имплицирован. ‘Она [рыба]’ (объект), ‘именуют’ (акция) и ‘[имя] Кунь’ (как инструмент) частично имплицированы, поскольку в структуре предложения 其 qí ‘ее’ является определением к подлежащему, а не подлежащим; 名 míng ‘имя’ – подлежащим, а не сказуемым; 鯤 Kūn ‘[имя] Кунь’ – прямым дополнением, а не «инструментом блока сказуемого» [6, с. 8, 46] (разновидность косвенного дополнения).

1. Синтаксический анализ с опорой на модель мира, стандартное и эталонное предложения.

Для упрощения описания «синтаксический анализ с опорой на модель мира» ниже будем называть «синтаксический анализ».

Синтаксическая структура предложений устанавливается через виртуальную цепь древнекитайского языка [6, с. 116], которая периодически уточняется по мере накопления эмпирического материала. Для точного определения синтаксической структуры нам необходимо рассматривать такие предложения, в которых она представлена в наиболее явном виде. Поскольку, «трансформацией в комбина́торной семантике называется любое изменение синтаксиса предложения с сохранением исходного набора корневых морфем» [5, с. 28], следовательно, нам требуется определение «исходного предложения». «Исходным считается повествовательное утвердительное положительное и нейтральное предложение, к которому последовательно сводятся все трансформы предложений» [5, с. 29]. Что касается «метатрансформаций»

[5, с. 29], то «реверсивная, парадигматическая, инверсивная и темпоральная трансформации относятся к верхнему уровню универсальных лингвистических преобразований» [5, с. 29–30]. Таким образом, в качестве **стандартных предложений** мы рассматриваем «исходные предложения» с трансформациями «верхнего уровня универсальных лингвистических преобразований».

Важно отметить: «В силу того что в ядре языковой системы лежат семантические примитивы, следует добиваться минимальной глубины рекурсивной реконструкции, соблюдая строгие требования очерёдности, наглядности и простоты, когда пропущенные члены предложения восстанавливаются на первом или, максимум, на втором вхождении, потому что чем глубже рекурсия и сложнее реконструкция, тем большая вероятность ошибки» [5, с. 34]. Это означает, что **эталонными предложениями** для проведения синтаксического анализа являются предложения, представленные в тексте в стандартном виде и не требующие применения процедур реконструкции и рекурсии (в статье используются сокращения и условные обозначения, применявшиеся в исследованиях ранее [6, с. 7–12, 57–58]):

今子有大樹 jīn zǐ yǒu dàshù *Сегодня у Вас есть большое дерево.*

今+子+有+[大+樹] jīn + zǐ + yǒu + [dà + shù]

ОВ + **П** + **Ск** + Оп + **ПД**

Сегодня + **почтенный** <т. е. Вы> + **имеет** + [большое + **дерево**].

今子有五石之瓠 jīn zǐ yǒu wǔ dàn zhī hù

Сегодня у Вас есть тыква |объемом в| пять камней.

今+子+有+[[五+石]+之+瓠] jīn + zǐ + yǒu + [[wǔ + dàn] + zhī + hù]

ОВ + **П** + **Ск** + [之[>[Оп]<]$^{701.a}$ + ЗАС$^{701.a}$之 + **ПД**]

Сегодня + **почтенный** <т. е. Вы> + **имеет** + [之[>[Оп]<]$^{701.a}$ + ЗАС$^{701.a}$之 + **тыкву**].

[Оп]: Оп$_{0.1}$ + **ПД$_{0.1}$**

|Тыквы объем есть| пять + **камней** <«дань» или «ши», дословно ‘камень’, мера объема>

Однако эталонные предложения составляют меньшую часть от всех предложений в «Чжуанцзы», даже без учета синтагм. Отсюда возникает необходимость вырабатывания схемы, позволяющей определять синтаксическую структуру не только эталонных, но и прочих предложений. Исходя из определения, эталонное предложение представлено в стандартном виде и не требует процедур реконструкции и рекурсии. Следовательно, для правильности анализа нам необходимо преобразовать имеющееся предложение в стандартное с рекурсивным реконструированием опущенных элементов.

При применении «процедур реконструкции и рекурсии» [5, с. 34], а также «трансформационного и проспективного методов» [5, с. 34, 36] мы не можем исключать вероятную неоднозначность синтаксического анализа, что обусловлено неустановленностью экстралингвистического контекста у «Чжуанцзы», а как известно, «не система естественного языка интерпретирует мир, а модель мира интерпретирует естественный язык» [11, с. 5].

К примеру, предложение 北冥有魚 Běimíng yǒu yú *в северном океане есть рыба* представлено в стандартном виде, а 北冥 Běimíng ‘северный океан’ является наименованием какого-то места. Скорее всего, данная номинативная единица обозначает локус, выраженный обстоятельством места, а 天 Tiān ‘Небо’ или 道 Dào ‘Дао’, выводимые рекурсивно, – частично эксплицированный субъект, выраженный подлежащим. Сравните в современном китайском: 桌子上[某人]有书. Zhuōzi shang [mǒu rén] yǒu shū. *На столе [у кого-то] есть книга* (‘на столе [некие люди] имеют книгу’). Ниже в случае неоднозначности установления субъекта мы будем писать «некий субъект».

Однако мы не можем исключать вероятность того, что 北冥 Běimíng ‘северный океан’ обозначает выраженного в подлежащем субъекта. Как и, вероятно, исследуемому тексту, художественной литературе в отдельных случаях свойственен антропоморфизм: определенные явления могут восприниматься и как локус, и как субъект. Один из ярких примеров представлен в отечественной литературе: в сказке «Крыніца» Якуба Коласа гора (локус) для родника воспринимается как мать, давшая жизнь (субъект) [12, с. 500]. Примером же фактического совпадения субъекта и локуса является мать для своего ребенка до его рождения.

Таким образом, номинативная единица 北冥 Běimíng, скорее всего, выполняет роль обстоятельства места. Но не обладая полнотой сведений о древнекитайской картине мира, мы

не можем исключать вероятности того, что она выполняет роль подлежащего, отображаемого в субъект и локус одновременно. Таким образом, мы имеем два варианта разбора предложения, при первом из которых подлежащее выводится рекурсивно (следует понимать, что для носителя древнекитайской модели мира вариант разбора был один и он был очевиден):

［北+冥］+有+魚 [Běi + míng] + yǒu + yú

1) [Оп + ОМ] + |**П**| + **Ск** + **ПД**

<В> [северном + океане] + |**некий субъект**| **+ имеет + рыбу**.

2) [Оп + **П**] **+ Ск + ПД**

[Северный + **океан**] **+ имеет + рыбу**.

Мы полагаем, что подобные возможные варианты также требуется учитывать. Иначе существует вероятность «домысливания» синтаксической структуры предложений на основе современного экстралингвистического контекста. Один из вариантов может быть в большей или меньшей степени вероятен, что подтверждается комбинáторными статистическими данными. К примеру, в вышеприведенной ситуации мы склоняемся к тому, что 北冥 с большей долей вероятности является обстоятельством места, а не подлежащим:

楚之南有冥靈者 Chǔ zhī nán yǒu mínglíng zhě

На юге ¿княжества? *Чу есть Минлин* <дословный перевод уточняется>.

Здесь 者 используется как ЗАС$^{702.в}$ 者, то есть ЗАС, оформляющий подлежащее или определение к подлежащему при опущенном подлежащем [6, с. 58], поскольку в оригинальном тексте 冥靈 mínglíng не только прямое дополнение к предложению выше, но и подлежащее к предложению, следующему за ним.

[楚+之+南]+有+者[>冥+靈<]$^{702.в}$ + 者 [Chǔ + zhī + nán] + yǒu + zhě[> míng + líng <]$^{702.в}$ + zhě

[Оп + ЗАС$^{701.а}$ 之 + ОМ] + |**П**| + **Ск** + 者[>[Оп + **ПД**]<]$^{702.в}$ + ЗАС$^{702.в}$ 者.

<На> [Чу<ского ¿княжеств-?> + <-а> + юге] + |**некий субъект**| **+ имеет +** [Мин + **лин-**] + -овую <сущность>.

В данном случае 南 ‘юг’ не рассматривается нами как субъект, выраженный в подлежащем, поскольку здесь речь, скорее всего, идет о южной части или княжества Чу или иного региона с подобным названием. Тем не менее, рассмотрение в данном предложении [楚+之+南] [Chǔ + zhī + nán] как обстоятельства места с определением к нему не свидетельствует о том, что во всех схожих ситуациях соответствующий член предложения перед сказуемым непременно является подлежащим.

2. Синтаксический анализ предложения с опорой на семантику, степень приоритета вариантов разбора.

Для упрощения описания «синтаксический анализ с опорой на семантику» ниже будем называть «семантический анализ».

Семантический анализ (прояснение ролевой структуры события) однозначно является более сложной задачей: опора на современную модель мира, обоснованная гипотезой общечеловеческой универсальности, при осуществлении анализа может приводить к ошибкам. Следовательно, необходимо выработать комплексный метод, способный минимизировать ошибочность разбора.

«Чжуанцзы» является древним текстом, сформированным на ранних этапах существования китайской письменности и китайского языка. Поэтому мы полагаем, что тексту «Чжуанцзы» куда в меньшей степени, чем текстам, написанным на современном этапе развития языка, свойственно наличие «пустых» синтаксических конструкций. А именно синтаксических конструкций, тяготеющих к имплицитности, вызванной изменением модели мира носителей определенного языка при сохранении изначальных языковых и речевых паттернов. К примеру, грамматическая категория рода в индоевропейских языках, согласно одной из версий, «в реконструированном праиндоевропейском – это морфологическое выражение приписываемого денотатам пола. С диахронической точки зрения роды исторических индоевропейских языков являются десемантизированными именными классами» [13, с. 92]. А «осно-

ванием для выделения именных классов является наличие семантической мотивации в принадлежности существительных к тому или иному типу склонения» [13, с. 92].

Исходя из этого, мы предлагаем два подхода семантического анализа. Первый – с опорой на «базовую» модель мира с учетом иных источников периода создания памятника (исторических, литературных и т. д.). Второй – с опорой на языковую картину мира.

Первый подход требует приведения предложения в стандартный вид. Прояснение ролевой структуры события происходит с опорой на обобщенную современную модель мира с учетом внеязыковых данных: многие несовпадения современной и древнекитайской моделей мира могут быть обусловлены объективными причинами, в том числе различиями в знаниях о копии мира [2, с. 226] и их спецификой.

今子有大樹 jīn zǐ yǒu dàshù *Сегодня у Вас есть большое дерево.*

Ct + **S** + **A** + [‹SAO›$_{O}$ + **O**]

Сегодня + **Вы** + **имеете** + [большое + **дерево**].

Субъект, акция, объект и локус полностью эксплицированы.

北冥有魚 Běimíng yǒu yú *В северном океане есть рыба.*

[‹SAO›$_{Ls}$ + Ls] + Ø {семантически акция не выражена в сказуемом} **+ O~S**

[В Северном {‹SAO›$_{Ls}$} + океане {Ls}] **рыба {S} размещает {A} себя {O}**

Субъект частично имплицирован, акция имплицирована, объект и локус полностью эксплицированы.

Подобные предложения корректно рассматривать как «взаимодействие частей внутри индивида … взаимодействие отдельных индивидов на микроуровне» [7, с. 13]. Именно такой вариант актуален для аналогичных предложений в современном китайском языке: 屋子里有人 wūzi li yǒu rén *в комнате есть люди* (‘в комнате имеются люди’). Для носителя современного китайского языка очевидно, что в подобных предложениях ‘люди’ (субъект) выражается в прямом дополнении 人 rén, а не в опущенном подлежащем, а 屋子 wūzi является статическим обстоятельством места (дополнительно подтверждается наличием послелога).

Тем не менее, в связи с неустановленностью экстралингвистического контекста данный подход не может претендовать на абсолютную точность. Поэтому мы предлагаем параллельно проводить семантический анализ с опорой на языковую картину мира или на прямую интерпретацию синтаксических конструкций, корректируемую эмпирическими данными, полученными в ходе исследования. Как и при первом подходе, нам прежде всего требуется привести имеющееся предложение в «стандартный вид», с учетом различных возможных вариантов рекурсивно реконструируемых элементов.

北冥有魚 Běimíng yǒu yú *В северном океане есть рыба.*

Как уже отмечалось нами ранее, возможны два варианта синтаксического разбора данного предложения (см. выше). Следовательно, при семантическом разборе с опорой на языковую картину мира мы имеем, как минимум, два возможных варианта:

1) [‹SAO›$_{Ls}$ + Ls] + **|S| + A + O**

[В Северном {‹SAO›$_{Ls}$} + океане {Ls}] **некий субъект {S} размещает {A} рыбу {O}**

Все указанные роли индивидов полностью эксплицированы, кроме субъекта (частично эксплицирован). Подобный вариант семантического разбора является непротиворечивым и для иных подобных предложений «Чжуанцзы».

2) [‹SAO›$_{S\sim Ls}$ + **S~Ls**] + **A + O**

[Северный {‹SAO›$_{S}$} + **океан {S}**] в себе {Ls} ***размещает*** **{A} рыбу {O}**

Во втором варианте ‘океан’ рассматривается не только как локус, но и как обладатель силы данного локуса, его хозяин, сравните: лес – леший. Но если «леший» не может восприниматься как локус, то «океан» или «лес», как и «гора» в рассказе «Крыніца», упомянутом нами ранее, может восприниматься и как локус, и как субъект. Таким образом, мы можем предположить, что во времена формирования «Чжуанцзы» в модели мира возможно антропоморфное описание события, при котором происходит совпадение субъекта («хозяин» локуса) и локуса.

Тем не менее, подобный подход требуется применять с осторожностью, поскольку опора исключительно на языковую картину мира может приводить к домыслам, что лучше

продемонстрировать наглядно. При синтаксическом разборе предложения 楚之南有冥靈者 Chǔ zhī nán yǒu mínglíng zhě *На юге ¿княжества*? *Чу есть Минлин* мы рассматривали [楚+之+南] [Chǔ + zhī + nán] как [Оп + ЗАС$^{701.a}$之 + ОМ], отмечая, что 南 ‘юг’ не рассматривается нами как субъект. Предположение о том, что 楚之南 Chǔ zhī nán может обозначать субъекта, представляется совершенно необоснованным. При этом как в предыдущем, так и в этом предложениях ключевых различий в синтаксических конструкциях не наблюдается. Видимых же причин, чтобы с точки зрения языковой картины мира воспринимать 北冥 Běimíng и 楚之南 Chǔ zhī nán как различные члены предложения, нет.

Помимо этого, при подобном подходе требуется комбина́торная статистическая корректировка. Для вышеприведенных предложений такая корректировка указывает на вероятность взаимодействия отдельных индивидов на микроуровне:

藐姑射之山，有神人居焉 Miǎogūyè zhī shān, yǒu shén rén jū yān

На горе Мяогуе [14] *проживают святые.*

[[藐 + 姑 + 射] + 之 + 山] + 有 + [神 + 人] + 居+焉

[[Miǎo + gū + yè] + zhī + shān] + yǒu + [shén + rén] + jū + yān

1) [Оп + ЗАС$^{701.a}$ 之 + ОМ$_1$] + |**П$_1$**| + **Ск$_1$** + [Оп + **ПД$_1$~П$_2$**] + **Ск$_2$** + КЧ$^{704.a}$ 焉

2) [Оп + ЗАС$^{701.a}$ 之 + П$_1$] + **Ск$_1$** + [Оп + **ПД$_1$~П$_2$**] + **Ск$_2$** + КЧ$^{704.a}$ 焉

Независимо от вариантов синтаксического разбора, наличие Ск$_2$ ‘проживать’ указывает на следующий возможный вариант семантического разбора:

[‹SAO›$_{Ls}$ + ЗАС + Ls] + Ø {связь S и Ls} + ‹SAO›$_{S\sim O}$ + **S~O** + **A** + ЗАС {отсылка к Ls}

[На Мяогуе {‹SAO›$_{Ls}$} + горе {Ls}] [святые {‹SAO›$_{S\sim O}$} **люди {S}] размещают {A} себя {O}**

В результате у нас возникает несколько потенциальных вариантов семантического анализа предложения: 1) взаимодействие отдельных индивидов на микроуровне (возможно согласно обоим подходам), 2) рекурсивно реконструируемый субъект (возможен согласно анализу через языковую картину мира) и 3) совпадение субъекта и локуса (возможен согласно анализу через языковую картину мира в отдельных случаях). Приоритетным вариантом семантического разбора является первый, поскольку он возможен и не противоречив при обоих подходах. Также не исключено сочетание 1-го варианта со 2-м или 3-м: непосредственно субъект выражен во всех случаях прямым дополнением (в последнем предложении – ПД$_1$~П$_2$), а опущенное подлежащее (при 2-м варианте) отображается в «метасубъект» (‘Небо’, ‘Дао’) или возможно (при 3-м варианте), но не для предложения *На юге ¿княжества*? *Чу есть Минлин*, подлежащее одновременно отображается в субъект («господин» локуса) и локус.

Благодаря семантическому разбору с применением двух вышеуказанных подходов мы получаем несколько потенциально возможных вариантов разбора предложения. Сравнивая результаты обоих подходов, мы выстраиваем их в порядке от вариантов с наибольшим приоритетом к наименьшему. Это не дает нам одного однозначного варианта семантического разбора, но не владея сведениями об экстралингвистическом контексте «Чжуанцзы», как и иных подобных текстов, мы не имеем возможности однозначно констатировать достоверность синтаксического, а тем более семантического разбора. Поэтому нам и требуется такая схема анализа при семантическом разборе, которая позволит перечислить все возможные варианты в порядке **приоритетности**.

Таким образом, памятник «Чжуанцзы» является текстом с неизвестным нам экстралингвистическим контекстом, что требует учета всех возможных интерпретаций при синтаксическом анализе. Роли индивидов могут быть полностью или частично эксплицированы или имплицированы. При проведении синтаксического анализа с опорой на модель мира требуется перевод имеющегося предложения в стандартное с рекурсивной реконструкцией опущенных элементов при обязательном учете всех возможных вариантов рекурсивных реконструкций. Эталонные предложения являются основным источником эмпирического материала для верификации виртуальной цепи древнекитайского языка. При проведении синтаксического анализа с опорой на семантику возможно применение двух подходов – с опорой на «базовую» модель мира с учетом внеязыковых источников, а также с опорой на древнеки-

тайскую языковую картину мира (прямую интерпретацию синтаксических конструкций) с учетом комбина́торных статистических данных. Все полученные варианты разбора считаются возможными, но им присваивается различная степень приоритета.

Литература

1. Рослов, В. И. Основы экономики : учебник / В. И. Рослов. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2016. – 322 с.

2. Гордей, А. Н. Лингвистическая пропедевтика / А. Н. Гордей // Беларусь в современном мире : материалы IV Респ. науч. конф., Минск, 28 сентября 2005 г. / РИВШ ; редкол.: А. В. Шарапо [и др.]. – Минск, 2005. – С. 226–229.

3. Мартине, А. Основы общей лингвистики / А. Мартине // Новое в лингвистике. – М., 1963. – Вып. III – С. 366–566.

4. Shannon, C. E. A Mathematical theory of communication / C. E. Shannon // Bell System Technical Journal. – 1948. – Vol. 27 – P. 379–423, 623–656.

5. Гордей, А. Н. Новая редакция виртуальной цепи китайского синтаксиса / А. Н. Гордей // Пути Поднебесной : сб. науч. тр. : в 2 ч. / МГЛУ ; редкол.: А. Н. Гордей (отв. ред.), Н. В. Михалькова (зам. отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2025. – Вып. XII., ч. 1. – С. 25–37.

6. Крыцук-Тарасаў, М. І. Даследаванне экспліцытнасці і імпліцытнасці моўных катэгорый у старажытнакітайскай мове (на прыкладзе тэксту 莊子 «Джуандзы») : дыс. ... маг. усх. : 1-23 80 10 / Крыцук-Тарасаў Мікіта Іванавіч ; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2022. – 116 с.

7. Гордей, А. Н. Лингвистическая и металингвистическая операции / А. Н. Гордей // Чтения, посвященные памяти профессора В. А. Карпова, Минск, 17 марта 2007 г. / Изд. центр БГУ ; редкол.: А. И. Головня (отв. ред.) [и другие]. – Минск, 2007. – С. 12–18.

8. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика : синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М. : Наука, 1974. – 350 с.

9. Мартынов, В. В. Категории языка. Семиологический аспект / В. В. Мартынов. – М. : Наука, 1982. – 190 с.

10. Зубов, А. Б. Новый курс лекций по истории религий. Модуль 1. Древний Египет. Лекция 22 «Категория Имени» / А. Б. Зубов // Андрей Зубов. – URL: Лекция 22. Категория Имени (дата обращения: 03.12.2025).

11. Мартынов, В. В. О книге А.Н. Гордея «Дедуктивная теория языка» / В. В. Мартынов // Дедуктивная теория языка / А. Н. Гордей. – Минск, 1998. – С. 3–5.

12. Колас, Я. Крыніца / Я. Колас // Збор твораў : у 14 т. / Я. Колас. – Мінск, 1973. – Т. 5 : Апавяданні 1918–1956 гг. і «Казкі жыцця». – С. 500–504.

13. Маньков, А. Е. Происхождение категории рода в индоевропейских языках / А. Е. Маньков // Вопросы Языкознания. – 2004. – № 5. – С. 79–92.

14. 漢典. – URL: https://www.zdic.net/ (дата обращения: 25.10.2025).

Белорусский государственный университет

Поступила в редакцию 19.12.2025

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (157), 2026

УДК 821.161.3 EDN: VHKUOD

Белетрыстычная паэтыка ў сюжэтах беларускага савецкага апавядання 1920-х – 1930-х гг.

Э.А. Мурзіч

У артыкуле разглядаюцца беларускія апавяданні 1920–1930-х гг. з выражаным белетрыстычным кампанентам. Аналізуюцца канкрэтныя белетрыстычныя прыёмы ў творах (драматычная і меладраматычная інтрыга, мастацкая дэталь і інш.), якія вызначаюць стыль асобных аўтараў, а таксама фарміруюць белетрыстычны дыскурс свайго часу. У якасці параўнальнай базы прыводзяцца апавяданні Міхася Зарэцкага – майстра белетрыстычнай прозы. Раскрываецца ўплыў, які аказалі творы з белетрыстычнай паэтыкай на развіццё беларускай прозы.
Ключавыя словы: беларуская савецкая проза, белетрыстычны прыём, мастацкая дэталь, эфект «пазнавання рэальнасці», прыём кантрасту.

The article examines Belarusian short stories of the 1920s and 1930s with a pronounced fictional component. The article analyzes specific fictional techniques in the works (dramatic and melodramatic intrigue, artistic detail, etc.) that determine the style of individual authors, as well as form the fictional discourse of their time. The stories of Mikhail Zaretsky, a master of fiction, are given as a comparative basis. The influence of works with fictional poetics on the development of Belarusian prose is revealed.
Keywords: Belarusian Soviet prose, fiction technique, artistic detail, the effect of «recognizing reality», contrast technique.

У 1920–1930-я гг. у беларускай літаратуры пачынаецца этап бурлівага развіцця. Неабходнасць хутка рэагаваць на грамадскія змены пасля вайны і рэвалюцый, усталяванне новага, савецкага ладу жыцця прывяла да актыўнага развіцця жанру апавядання. Пры гэтым большасць твораў маладых пісьменнікаў у часы станаўлення беларускіх літаратурных аб'яднанняў 1920-х гг. не была вельмі дасканалай па сваім мастацкім узроўні, што звязана з некалькімі прычынамі.

Па-першае, адсутнасць вопыту і адштурхоўванне ад былой празаічнай традыцыі прывялі да аднатыпнасці ў аўтарскіх мастацкіх прыёмах. Так, пісьменнікі звярталіся да літаральнай перадачы рэчаіснасці, спрашчаючы тым самым твор. Па-другое, даволі вузкае тэматычнае кола (рэвалюцыйныя падзеі і паслярэвалюцыйная рэчаіснасць) нязменна прыводзіла да аднолькавых сюжэтаў, рэалізацыя якіх хаця і адрознівалася ў залежнасці ад майстэрства пісьменніка, усё роўна прыпадабняла творы адзін да аднаго. Па-трэцяе, аўтары імкнуліся да завостраных канфліктаў, драматызацыі сюжэту, а не да псіхалагічнай абмалёўкі вобразаў, што таксама спрашчала творы. «Апавяданне ранняга перыяду беларускай савецкай літаратуры часта набывала формы імпрэсіі або контуры прыгодніцкага твора з напружанай фабулай, вострым і дынамічным сюжэтам, тыя формы, у якіх, на думку пісьменнікаў, лепш за ўсё было выявіць накал высокіх пачуццяў, масавы гераізм эпохі» [1, с. 13]. Акрамя таго, час патрабаваў адлюстравання герояў нядаўна мінулых падзей, якія ў абмалёўцы пісьменнікаў былі ідэальнымі і таксама аднатыпнымі.

На пазначанай глебе ў 1920-я гг. у беларускай прозе і пачала актыўна развівацца такая разнавіднасць літаратуры, як белетрыстыка. Белетрыстыка – гэта сярэдзіннае звяно літаратуры, тыя творы, што арыентаваны на забеспячэнне забаўляльнай функцыі. Такая літаратура нярэдка пераймае метады і прыёмы літаратуры высокай, і дзякуючы гэтаму, у адрозненне ад камерцыйна арыентаванай масавай літаратуры, мае пэўныя мастацкія вартасці. Для белетрыстычнай паэтыкі характэрны такія рысы, як эфект «пазнавання рэальнасці» (паглыбленне чытача ў тэкст і кантэкст), наўмыснае стварэнне інтрыгі (часта – выкарыстанне прыёма ключавой дэталі – знакамітага «чэхаўскага ружжа»), увага да псіхалогіі персанажаў для матывацыі іх учынкаў і эмацыянальнага ўздзеяння на чытача.

Ужыванне прыёмаў белетрыстыкі ў творах беларускай літаратуры 1920–1930-х гг. не заўсёды з'яўлялася мэтай іх аўтараў. Часта гэта звязвалася з праявамі так званага «рэвалюцыйнага рамантызму», або «неарамантызму», для якога былі характэрны «супрацьпастаўленне мары і рэальнасці, таго, што магчыма, і таго, што ёсць» [2, с. 84]. Адсюль вынікаюць прыёмы кантрасту і снабачання, характэрныя для белетрыстычнай паэтыкі, этызацыя і эстэтызацыя літаратуры (пытанні маралі, якія ўзнімалі на простым узроўні аўтары-белетрысты), а таксама праца з формай, якая абыгрывала змест, важнае месца тэмы кахання (меладраматычная інтрыга – аснова белетрыстыкі).

У якасці базы для аналізу намі былі выбраны 44 творы, што належаць 14 пісьменнікам, сярод якіх і вопытныя аўтары (Якуб Колас, Змітрок Бядуля, Цішка Гартны), і «маладнякоўцы» (Міхась Чарот, Мікола Нікановіч, Кузьма Чорны, Платон Галавач, Міхась Лынькоў, Васіль Каваль, Рыгор Мурашка, Янка Нёманскі, Сымон Баранавых, Хвядос Шынклер і Эдуард Самуйлёнак). Творы Міхася Зарэцкага будуць згадвацца для параўнання з імі разгледжаных апавяданняў, а таму ў іх колькасць не залічваюцца. Спадчына М. Зарэцкага як майстра найперш белетрызаванай прозы патрабуе асобнага вывучэння. Іншыя аўтары або не лічылі белетрыстычныя прыёмы надзвычай важнымі, або не падымаліся да па-мастацку якаснага белетрызаванага аповеду.

Выбраныя намі творы былі падзелены на 10 *тэматычных* груп: апавяданні пра вайну з польскімі атрадамі і жыццё пад польскай акупацыяй, творы на тэму дэзерцірства, апавяданні пра нечаканыя сустрэчы праз доўгі час, бытавыя аповеды пра сялян, бытавыя аповеды пра людзей розных прафесій, творы пра трагедыі ў жыцці розных людзей, творы пра актыўных камуністычных дзеячаў, апавяданні на тэму жанчын пры савецкай уладзе, творы пра людзей іншых нацыянальнасцей пры новай уладзе, апавяданні пра каханне. Разгледзім, якія белетрыстычныя сродкі выкарыстоўваюць аўтары для раскрыцця адных і тых жа тэм.

Тэма вайны з «панскай Польшчай» была адной з самых актуальных для 1920-х гг. Падзеі белапольскай акупацыі адбываліся побач, а многія пісьменнікі непасрэдна ў іх удзельнічалі. Мы вылучылі наступныя апавяданні ў названую групу: «Панскі дух» (1922), «На балоце» (1923), «Шрам» (1933) Змітрака Бядулі, «Маці» (1924) Янкі Нёманскага, «Ядвісін дуб» (1939) і «Крот» (1927) Міхася Лынькова.

Апавяданні ў дадзенай групе прайшлі пэўны шлях ад бытавых замалёвак («Панскі дух» Змітрака Бядулі) да больш складаных твораў, якія можна назваць якаснай белетрыстыкай («Маці» Янкі Нёманскага). Сярод прыкмет белетрыстычнай паэтыкі можна вылучыць просты сюжэт з падзелам персанажаў на «сваіх» і «чужых», матыў пакарання, эфект «пазнавання рэальнасці», агульную бытавізацыю. Так, эфект «пазнавання рэальнасці» ў апавяданні Я. Нёманскага праяўляецца, напрыклад, у шаблонных фразах, характэрных для савецкай эпохі:

«– Пара ўжо, – і ён хутка ўскочыў з пасцелі.

– Куды пара, Рыгор?

– Куды? Канчаць рэвалюцыю!» [3, с. 113].

Яшчэ адзін прыклад – абмалёўка З. Бядулем праз гукапіс пагрозлівай прасторы (балота) як «жывога» месца дзеяння: «*Шурхатала трава затоеным шэптам:*

«– Ш-ш-ш... с-с-с...

Хлюпала балота і гойдалася пад нагамі зыбка-зыбухай.

Хлю-ю-п, хлю-ю-п, хлю-ю-п!» [4, с. 214–215].

Да тэмы вайны з палякамі звяртаўся і Міхась Зарэцкі, хоць цэнтральнай рабіў яе нячаста. Так, можна вылучыць апавяданні «Адкупіўся» (1923), «Бацькаў сын» (1924) і «Ліпа» (1927). Сярод сродкаў белетрыстыкі ў названых творах Міхась Зарэцкі выкарыстоўваў псіхалагізм (што не было характэрным для ранняй навелы ў літаратурах свету).

Тэма дэзерцірства – таксама адна з асноўных у 1920-1930-х гг. Народзе з ідэалізаванымі героямі, якія займаліся ўладкаваннем новага свету, павінны былі дэманстравацца і персанажы адмоўныя, іх ідэйныя антаганісты. Згодна з часам, часта імі станавіліся тыя, хто не вытрымліваў цяжкасцяў ваеннага жыцця і дэзерціраваў з арміі. У дадзеную групу мы выдзелілі 5 апавяданняў: «Бегунец» (1920) Цішкі Гартнага, «Дэзерцір» (1923) Янкі Нёманскага, «Уцякач» (1927) Платона Галавача, «Начныя цені» (1928) Сымона Баранавых і «Сінія галіфэ» (1933) Міхася Лынькова.

Сярод сродкаў белетрыстыкі ў творах гэтай групы вылучаецца ўвага пісьменнікаў да матывацыі ўчынкаў персанажаў, іх думак і пачуццяў – для лепшага разумення чытачамі сюжэтнага руху, а таксама меладраматычныя лініі для кантрасту з рэаліямі ваеннага жыцця; сустракаюцца і тыпова белетрыстычныя прыёмы снабачання і пераапранання.

Увогуле архітэктоніка названых апавяданняў падобная: аўтар паказвае персанажа, які дэзерзіруе або толькі плануе збегчы, тлумачыць яго ўчынак пэўным перажытым на вайне вопытам, а пасля паказвае наступствы такога рашэння (пакаранне з боку «сваіх» або «чужых»). Найбольш удала рэалізуюць падобную сюжэтную схему Янка Нёманскі і Платон Галавач. Іх персанажы атрымоўваюць матывацыю, якая сапраўды прымушае задумацца над адмоўным, на першы погляд, учынкам. Напрыклад, цэнтральны персанаж «Уцекача» аказавацца сведкам наступнай жудаснай сцэны, якая значным чынам уплывае на яго рашэнне: «*У гэты момант пачуўся глухі стрэл уперадзе, за ім глухі выбух. На Голуба сыпанула пяском. Цэлая гара пяску і дыму ўзнялася недалёка ад акопаў, дзе былі двое, і захавала іх. Калі растаў дым, усе ўбачылі: старэйшы – скурчаны, з разарваным целам і ў лахманах ад падранай шрапнеллю вопраткі, ляжаў нерухомы. Малады падняўся, сеў і, пазіраючы шырока раскрытымі вачыма на таварышаў, пачаў запіхваць у жывот вываранаыя кішкі*» [5, с. 500–501].

Дэзерцір жа Янкі Нёманскага адрозніваецца тым, што пасля ўбачанага дома вяртаецца зноў на поле бою, сваім учынкам падкрэсліваючы неабходнасць барацьбы.

«Начныя цені» Сымона Баранавых вылучае белетрыстычны, нават тэатральны прыём пераапранання. Дасціпнасцю і аўтарскім майстэрствам прыцягвае ўвагу апавяданне Міхася Лынькова, які ўвесь сюжэт будуе вакол вобраза «сініх галіфэ» як трафея, за кошт чаго фарміруецца трагікамічная інтрыга і кантраст са змрочнасцю ваеннага жыцця.

У творчасці Міхася Зарэцкага таксама ёсць твор, прысвечаны тэме дэзерціства, – гэта апавяданне «У Саўках» (1922). Аднак напісана яно не па сюжэтнай схеме, пазначанай вышэй. У цэнтры апавядання знаходзіцца персанаж, які ўнутрана супраціўляецца свайму выбару стаць дэзерцірам. Аўтар падкрэслівае неаднолькавасць уцекачоў з фронту, а таксама магчымасць для іх стаць на шлях выпраўлення. У гэтым плане апавяданне «У Саўках» суадносіцца з творам «Дэзерцір» Янкі Нёманскага. У якасці сродкаў белетрыстыкі Міхась Зарэцкі ў сваім апавяданні выкарыстоўвае кантраст апісання прыроды і ўнутранага стану хлопцаў-дэзерціраў, а таксама гаворачыя прозвішчы.

Асобным пунктам мы вылучылі **тэму нечаканай сустрэчы**. Менавіта эмацыянальнае аб’яднанне людзей у творах з такім сюжэтам знаходзіцца ў цэнтры ўвагі. Апавяданняў на гэтую тэму няшмат, мы вылучылі тры: «На руінах» (1923) Цішкі Гартнага, «Дачка эскадрона» (1937) і «Апавяданне пра гуманізм» (1937) Эдуарда Самуйлёнка.

Для твораў гэтай групы з элементаў белетрыстыкі найбольш характэрныя прыёмы эмацыянальнага ўздзеяння на чытача. Асноўны сюжэтны ход – нечаканая сустрэча важных адзін аднаму людзей праз доўгі час. Так, у апавяданнях «На руінах» і «Дачка эскадрона» пасля вайны сустракаюцца родныя людзі – браты і сёстры.

«Апавяданне пра гуманізм» вылучаецца сярод астатніх. Тут нечаканая сустрэча адбываецца паміж людзьмі, якія ў мінулым моцна пасварыліся, аднак зараз ад аднаго з іх залежыць жыццё другога. Твор распавядае пра ўрача, якога просяць прыляцець за трыста кіламетраў, каб зрабіць тэрміновую аперацыю на сэрцы. Сама сітуацыя знаходжання пэўнага персанажа паміж жыццём і смерцю ўжо стварае інтрыгу і з’яўляецца характэрным элементам белетрыстычнай паэтыкі. Акрамя таго, напружанасці сітуацыі дадае тое, што сам урач мае сардэчную хваробу і можа не дасягнуць мэты. Дадзены момант прымушае чытача пранікнуцца трывогамі персанажа, бо той рызыкуе ўласным жыццём дзеля будучыні іншага чалавека. Па кантрасце з альтруістычным галоўным героем узнікае яго пацыент, па законах белетрыстыкі, знаёмы ўрачу. Той некалі не дазволіў даць коней, каб адвезці-ўратаваць хворае дзіця, і яно памерла. І сумленны ўрач паўстае паміж уласным прафесійным абавязкам і пачуццямі да хворага, які некалі дазволіў спраўдзіцца трагедыі. Напружанасць выбару перадаецца і чытачу, аднак «чэхаўскім ружжом» выстрэльвае назва: галоўны герой вылечвае чалавека.

У Міхася Зарэцкага апавяданні, дзе ў цэнтры знаходзілася б нечаканая сустрэча разлучаных герояў, адсутнічаюць; у яго прозе такі прыём выглядаў бы залішне надуманым.

Апісанне быту сялян пасля рэвалюцыі – адна з самых распаўсюджаных тэм у літаратуры 1920–1930-х гг. Пры гэтым творы дадзенай групы не насычаны элементамі белетрыстыкі, за выключэннем эфекту «пазнавання рэальнасці», якраз звязанага з бытапісаннем. У выніку значная частка апавяданняў на тэму быту сялян апынулася вельмі аднатыпнай па сюжэтах і адносіцца да спрошчанай масавай літаратуры, а не белетрыстыкі. Для аналізу мы вылучылі 9 твораў: «Калгаснік Трыхон Жаролца» (1931) Цішкі Гартнага, «Сон Габруся» (1921) Міхася Чарота, «Кнак» (1927) Платона Галавача, «У млыне» (1927) Сымона Баранавых, «Снег» (1927) Васіля Каваля, а таксама больш выбітныя «Тры крыжыкі» (1925) і «У глушы» (1928) Змітрака Бядулі, «Максімка» (1925) і «Мельнікі» (1925) Кузьмы Чорнага.

У рамках разгледжанай групы трэба адзначыць перавагу эфекту «пазнавання рэальнасці» як асноўнага белетрыстычнага сродку, што часта суправаджае апісанні падзей: праз зварот да гукаперайманняў, абмалёўку жыццёвых рэалій і абставін, у якіх адбываецца дзеянне. Самі творы не маюць нечаканых паваротаў сюжэту, а таму знаходзяцца на мяжы белетрыстыкі і масавай літаратуры.

Асабліва вылучаюцца сярод астатніх сваім высокім якасным узроўнем апавяданні маладога Кузьмы Чорнага, пра якія шмат пісалася даследчыкамі. Звернем таксама ўвагу на творы «Тры крыжыкі» Змітрака Бядулі і «Кнак» Платона Галавача.

«Тры крыжыкі» – твор, пабудаваны з выкарыстаннем нетыповых метафар і самога вобраза «крыжыкаў» – сімвала непісьменнасці народа. «*Шкада зрабілася Янку сваіх крыжыкаў... Ён так да іх прывык за ўсё жыццё...*

Так прывыкае чалавек да сцен турмы, у якой прыходзіцца яму сядзець часам доўгі час. Пры вызваленні з няволі ён пачынае сумаваць па сваёй каморцы з жалезнымі кратамі» [4, с. 235].

Апавяданне «Кнак» дэманструе ўвогуле вострасюжэтную сямейную калізію ў сатырычным тоне: бацька з дачкой не могуць падзяліць некалі захаваныя папяровыя грошы, якія, як выясняецца ў фінале, нічога ўжо не каштуюць. Па-белетрыстычнаму ўдала аўтар фарміруе бытавую інтрыгу і яе раскрывае.

Сярод апавяданняў Міхася Зарэцкага таксама сустракаюцца бытавыя замалёўкі пра сялянскае жыццё. Гэта творы «Цішка Бабыль» (1922), «Парася» (1931), «Пачатак шчасця» (1932), «З нашых дзён» (1923), «Як гэта часам трапляецца» (1922), «Ноччу» (1923), «Адкупіўся» (1923), «Петрык і Пятрусь» (1932). У названых апавяданнях сярод сродкаў белетрыстычнай паэтыкі таксама пераважае эфект «пазнавання рэальнасці». Пры гэтым, самі творы адрозніваюцца між сабой па мастацкім узроўні. Так, напрыклад, апавяданне «Цішка Бабыль» прадстаўляе масавую літаратуру свайго часу, а «Адкупіўся» – якасную белетрыстыку ў жанры навелы з псіхалагічна распрацаваным вобразам цэнтральнага персанажа.

Іншая частка бытавых замалёвак звязана з **жыццём людзей розных «гарадскіх» прафесій**. Сюжэты такіх твораў для 1920-х гг. адкрываюць больш новага чытачу, чым папярэдне разгледжаныя, за кошт адлюстравання новай праслойкі насельніцтва, якой раней не існавала. Мы вылучылі 3 такія творы з групы: «Яйцо і слівы» (1927) Рыгора Мурашкі, «Кларнет» (1928) Міхася Лынькова, «Цагліна каземата» (1932) Эдуарда Самуйлёнка.

Увогуле дадзеная група – адна з самых белетрыстычна насычаных і незвычайных па сюжэце. Сярод рыс белетрыстычнай паэтыкі аўтары пераважна выкарыстоўваюць ключавыя мастацкія дэталі, часта вынесеныя ў назву, і незвычайныя формы аповеду.

Найбольш ярка ўсе названыя рысы праяўляюцца ў апавяданні Эдуарда Самуйлёнка «Цагліна каземата». Так, твор мае незвычайную кампазіцыю – падзеі інтрыгоўна пачынаюцца з падзей мінулага ў лакацыі турмы, а пасля апавядальнік пераходзіць да сучаснасці, дзе тую самую турму разбіраюць па цаглінках. Паступова аўтар раскрывае інтрыгу. Яна пераходзіць у моцную сямейную драму (з падтэкстам аб трагедыі цэлага пакалення), што ўвасоблена ў вобразе-сімвале вынесеней у назву цагліны. Ключавыя для сюжэта дэталі з'яўляюцца ў рэтраспектыўных вяртаннях апавядальніка да невядомых спачатку вязняў турмы. Адзін з іх аказваецца сынам брыгадзіра каманды, што турму разбірае.

У творчасці Міхася Зарэцкага таксама прысутнічаюць апавяданні пра быт працоўных. Да іх можна аднесці «З нашых дзён» (1923) і «Пра майго прыяцеля» (1925). Для аўтара гэта радавыя творы, у якіх яго белетрыстычны талент праявіўся слаба.

У асобную групу намі былі вылучаны апавяданні, у цэнтры якіх – **трагедыі ў жыцці людзей**. Правамернасць іх выдзялення звязана з асаблівасцю пабудовы сюжэта, накіраванага менавіта на абуджэнне мінорных пачуццяў у чытачоў. Сярод прааналізаваных апавяданняў мы вылучылі творы «Трагедыя майго настаўніка» (1927) Кузьмы Чорнага, «Плямы» (1927) Сымона Баранавых, «Слёзы веснавыя» (1928) Міколы Нікановіча і «Стрэлачнік Мігай» (1928) Хвядоса Шынклера.

У рамках групы ёсць цікавыя аўтарскія эксперыменты з формай (напісанае лістамі апавяданне «Трагедыя майго настаўніка» або кампазіцыйна пабудаванае на канстрасце «Плямы»). Сярод сродкаў белетрыстыкі вылучаецца інтрыга і адпаведна выбудаваная псіхалагічная матывацыя, якія і вядуць чытача да суперажывання персанажу. Так, напрыклад, Сымон Баранавых (у апавяданні «Слёзы веснавыя») паказвае вачыма апавядальніка яго былога знаёмага, які знаходзіцца на сацыяльным дне праз алкагольную залежнасць. Аднак потым аўтар распавядае нам перадгісторыю персанажа (яго жонку ўкусіў воўк, з-за чаго яна ашалела і памерла), дазваляючы яго зразумець. Праз пералічаныя прыкметы названыя апавяданні, відавочна, знаходзяць месца сярод якаснай белетрыстыкі.

З апавяданняў Міхася Зарэцкага да пазначанай групы можна аднесці ўзоры яго лепшай белетрызаванай прозы: «Кветку пажоўклую» (1926), «Ракавыя жаронцы» (1928), «Бель» (1924), «Дзіўная» (1925), «Ой, ляцелі гусі…» (1929). Названыя апавяданні разам з уплывам на эмоцыі чытача раскрываюць сапраўды вострыя праблемы тагачаснага грамадства. Гэта гісторыі і пра так званых «былых» (людзей, якія не прыстасаваліся да новага жыцця), і пра пэўныя экстрэмальныя з'явы ў савецкім грамадстве («вольнае» каханне), і пра антысацыяльных асоб. Такім чынам, апавяданні Міхася Зарэцкага пры наяўнасці ў іх элементаў белетрыстыкі, відавочна, пераўзыхозяць яе межы.

Пачатак 1920-х гг. патрабаваў адлюстравання ў літаратуры працы тых людзей, якія пераконвалі асноўную частку насельніцтва ў неабходнасці змен. Мы аб'ядналі тэксты з гэтай тэмай пад назвай «**Творы пра актыўных камуністычных дзеячаў**». Усе апавяданні, занесеныя ў пазначаную групу, аб'ядноўвае ідэалізацыя галоўных персанажаў, наяўнасць ідэйнага апанента. Апавяданні, якія былі разгледжаны ў рамках групы, можна аднесці да белетрыстыкі паводле агульнага якаснага ўзроўню распрацоўкі сюжэта («ідэальны», а на самай справе негатыўны галоўны герой пераконвае астатніх у неабходнасці далучыцца да ідэй новага грамадства) і абмежаванай у часе актуальнасці. Сярод сродкаў белетрыстыкі вылучаецца эфект «пазнавання рэальнасці». Тут вылучаюцца тры тыповыя прыклады: «Больш за ўсіх» (1923) і «Трэскі на хвалях» (1923) Цішкі Гартнага, «Ліпы» (1927) Васіля Каваля. У рамках творчасці Міхася Зарэцкага да разгледжанай групы можна аднесці апавяданні «Ворагі» (1923) і «42 дакументы» (1925), у якіх настолькі яскрава перададзены ідэі і дух часу, што яны ўвайшлі ў лік хрэстаматыйных.

Адной з даволі распаўсюджаных у 1920–1930-я гг. была **тэма жанчын**, якія **пры савецкай уладзе** змаглі вырвацца з таго ўкладу жыцця, што быў для іх дагэтуль непарушным. Звычайна, усе творы такога зместу будуюцца па адной і той жа схеме: жанчына, якую ўсё жыццё прыгняталі (памёрлі бацькі, яна працавала на паноў, біў муж), вырываецца з апрыклага жыцця і становіцца паўнавартасным членам камуністычнай партыі і новага грамадства ўвогуле. Мы вылучылі 3 творы на падобную тэму: «Дэлегатка» (1925) Змітрака Бядулі, «Наўздагон за доляю» (1928) Васіля Каваля і «Арыніна перамога» (1931) Якуба Коласа.

Увогуле ж для разгледжанай групы характэрны эфект «пазнавання рэальнасці» і аднолькавая сюжэтная схема. Асабліва ўдала аўтары спраўляюцца з падкрэсліваннем ролі канкрэтнай гераіні, з якой сябе можа суаднесці любая жанчына. Так, напрыклад, твор Змітрака Бядулі «Дэлегатка» заканчваецца наступным радком: «*Шмат такіх Аўгінь бывала на з'ездах, і Аўгіня там бачыла сваю праўдзівую сям'ю*» [4, с. 228]. Аднак агульны ўзровень гэтых апавяданняў пакідае іх у рамках масавай літаратуры сацыяльнага заказу.

Сярод твораў Міхася Зарэцкага таксама сустракаюцца апавяданні пра жыццё жанчын пры савецкай уладзе. Пры гэтым, у аўтара такія творы можна падзяліць на дзве групы: тыя, што адпавядаюць сацыяльнаму заказу сваім пафасам («Гануля», 1924; «Як Настулька камсамолкай зрабілася», 1925), і тыя, што сумяшчаюць актуальную тэму з драматычным або трагічным фіналам, паказваючы пэўныя негатыўныя наступствы новых тэндэнцый («Дзіўная», 1925; «Кветка пажоўклая», 1926). Белетрыстычная паэтыка М. Зарэцкага значна багацейшая, чым у названых апавяданнях яго паплечнікаў-творцаў, і ўся яна па-майстэрску працуе на раскрыццё драмы жанчыны. Нібыта вызваленая ад усяго былога, яна хоча быць цалкам новай, але ўся яе істота супраціўляецца патрэбе занядбаць абавязкі маці, сястры, дачкі. Прыёмы белетрыстыкі (таямніцы і загадкі, якія закаханы мужчына мусіць разгадаць), па-майстэрску ўплецены ў наратыў, і заканамерна, што «Дзіўная» і «Кветка пажоўклая» з'яўляюцца класікай беларускай навелы.

Ва ўсе часы Рэспубліка Беларусь (паводле сучасных межаў) з'яўлялася краінай шматнацыянальнай. У савецкія часы меў месца курс на распаўсюджанне камуністычных ідэй сярод усіх народаў, таму праблема прыняцця і непрыняцця іншых нацыянальнасцей востра стаяла перад пісьменнікамі 1920–1930-х гг. Сярод твораў пазначанага перыяду мы вылучылі 3 апавяданні, якія раскрываюць **адносіны беларусаў да іншых нацыянальнасцей**. Гэта «Аднаго разу ў нядзелю» (1923) Змітрака Бядулі, дзе расказваецца, як аднавяскоўцы ратавалі свайго суседа-яўрэя; «Ілька» (1928) Васіля Каваля, з сюжэтам пра цыган і іх месца ў савецкім грамадстве; «Ічэ» (1931) Хвядоса Шынклера, у якім яўрэйскі хлопец Ічэ здзяйсняе сваю мару стаць чыгуначнікам.

Творы гэтай групы не змяшчаюць вялікай колькасці канкрэтных прыкмет белетрыстычнай паэтыкі, аднак спосаб пабудовы сюжэту і пасыл, які аўтары спрабуюць данесці чытачу, сведчаць якраз аб прыналежнасці апавяданняў да белетрыстыкі. Сярод белетрыстычных сродкаў вылучаецца зварот да маляўнічых, у нечым экзатычных этнічных асяродкаў і эфект «пазнавання рэальнасці». Напрыклад, у апавяданні «Ілька» Васіля Каваля некаторыя рабочыя ставяць крыжыкі замест подпісаў, што дэманструе не толькі хакрактэрную для часу непісьменнасць, але і новыя перспектывы з павагай да ўсіх рабочых: «*З гулкім сьвістам застанавіўся паравоз на станцыі, а рабочыя пайшлі атрымоўваць плату. Стаялі ля маленькага вакенца касіра, нецярпліва чакалі сваёй чаргі, старанна расьпісваліся ў графе супроць свайго прозьвішча грубымі пальцамі з зямлёю на руках, а некаторыя ставілі крыжыкі; потым пералічвалі грошы і клалі ў замусоленую кішэню порткаў*» [6, с. 4].

Сярод апавяданняў Міхася Зарэцкага тэме іншых нацыянальнасцей прысвечаны твор «Максімаліст» (1928). У ім праз прызму дзіцячага ўспрыняцця паказана састарэласць жыцця цыган, а таксама неабходнасць падтрымкі людзей без знявагі з-за іх нацыянальнага паходжання. Пісьменнік карыстаецца белетрыстычнымі сродкамі, выдатна апісваючы дзіцячую псіхалогію і «прыгоды» хлопчыка з піянерскага атрада, дзяўчынкі з табара, якіх не адразу зразумелі сябры і дарослыя. Важную ролю адыгывае ў творы эфект «пазнавання рэальнасці».

Тэма кахання ўвогуле характэрная для белетрыстыкі, у тым ліку і для прозы 1920-х гг. Аднак магістральнай меладраматычную лінію робіць у сваіх сюжэтах далёка не кожны пісьменнік. Звычайна, каханне толькі дадаецца да тэм працы актывістаў, сялянскага жыцця ці нават дэзерцірства. Тым не менш мы вылучылі пяць апавяданняў, цалкам пабудаваных на перыпетыях кахання. Гэтай тэме прысвечаны «Адукацыя» (1926) Якуба Коласа, «Спатканне» (1920) Цішкі Гартнага, «На мяжы загонаў» (1929) Міколы Нікановіча, «У вагоне» (1928) Міхася Лынькова, «Рамэа і Джульета на Беларусі» (1923) Янкі Нёманскага.

Сярод твораў Міхася Зарэцкага мы вылучылі аналагічную групу, у якую ўваходзяць наступныя апавяданні: «Мар'я» (1922), «На маладое» (1924), «На чыгунцы» (1926), «Навела пра каханне» (1935).

Сярод асноўных белетрыстычных сродкаў аўтары (у тым ліку Міхась Зарэцкі), адпаведна тэме групы, выкарыстоўваюць меладраматычную інтрыгу, часта пабудаваную на несупадзенні поглядаў маладых людзей або іх бацькоў. У такіх творах амаль адсутнічае эфект «пазнавання рэальнасці», бо ўвага накіравана на пачуцці персанажаў. У цэнтры

апавяданняў на тэму кахання знаходзіцца псіхалогія людзей, іх выбар у складаных бытавых сітуацыях. Некаторыя творы з'яўляюцца больш удалымі праз дадатковыя (або, насамрэч, асноўныя) канфлікты, важныя для эпохі (праблемы царквы, вераванняў у апавяданні «Рамэа і Джульета на Беларусі», вайна і яе наступствы ў творах «У вагоне» і «Спатканне», канфлікты людзей са старым поглядам і новай рэчаіснасцю ў апавяданнях «Адукацыя» і «На мяжы загонаў»). Акрамя таго, аўтары, дзякуючы адметнасці ўласных стыляў, выводзяць апавяданні на якасны мастацкі ўзровень (напрыклад, выкарыстанне іроніі ў апавяданнях «Адукацыя» Якуба Коласа і «Рамэа і Джульета на Беларусі» Янкі Нёманскага).

Такім чынам, разгляд беларускіх апавяданняў 1920–1930-х гг. засведчыў вялікую запатрабаванасць белетрыстычнай паэтыкі аўтарамі тых часоў. Белетрыстычнасць у беларускім апавяданні – важны паказчык развіцця і росту літаратуры першай трэці XX ст. У рамках белетрыстыкі ёсць прыклады менш якаснай літаратуры (асабліва напачатку 1920-х гг.), якая ўяўляе сабой бытавыя бессюжэтныя замалёўкі, пабудаваныя на літаральнай перадачы рэчаіснасці, што, тым не менш, цікавіць чытача праз эфект «пазнавання рэальнасці». Аднак у 1920–1930-х гг. з'явілася і вялікая колькасць якаснай белетрыстыкі, дзе аўтары паўнавартасна раскрываюць свой творчы патэнцыял. У такіх творах можна пабачыць незвычайную форму аповеду (перамяжэнне часоў, «аповед у аповедзе», твор у лістах і інш.), выкарыстанне інтрыгі і прыхаваных дэталяў для яе стварэння, а галоўнае, пераканаўчую матывацыю ўчынкаў персанажа з элементамі псіхалагічных характарыстык. Найбольш ярка выяўляецца белетрыстычны талент такіх пісьменнікаў, як Янка Нёманскі, Эдуард Самуйлёнак, Хвядос Шынклер, Сымон Баранавых і Мікола Нікановіч. У прозе Якуба Коласа, Змітрака Бядулі, Міхася Лынькова, Кузьмы Чорнага белетрыстычная паэтыка выходзіла на першы план толькі ў асобных выпадках, вядучае месца належыць іншым кампанентам індывідуальных стыляў гэтых пісьменнікаў.

Творчасць Міхася Зарэцкага вылучаецца на фоне белетрыстыкі і ўсёй літаратуры свайго часу. Яго апавяданні не толькі насычаны элементамі, якія ўплываюць на чытацкую зацікаўленасць. У іх раскрыты праблемы, характэрныя як для свайго часу, так і для будучыні. Менавіта гэта зрабіла творы Міхася Зарэцкага класічнымі і актуальнымі нават сёння.

Літаратура

1. Беларуская савецкая проза. Апавяданне і нарыс / рэд.: В. В. Барысенка, П. К. Дзюбайла. – Мінск : Навука і тэхніка, 1971. – 328 с.

2. Чыгрын, І. П. Проза «Маладняка» : Дарогамі сцвярджэння / І. П. Чыгрын. – Мінск : Навука і тэхніка, 1985. – 144 с.

3. Нёманскі, Я. Творы / Я. Нёманскі. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1984. – 598 с.

4. Бядуля, З. Збор твораў : у 5 т. / З. Бядуля. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1986. – Т. 2 : Вершы ў прозе. Лірычныя імпрэсіі. Апавяданні – 351 с.

5. Галавач, П. Уцякач / П. Галавач // Расстраляная літаратура : творы беларускіх пісьменнікаў / уклад. Л. Савік, М. Скоблы, К. Цвіркі. – Мінск : Кнігазбор, 2008. – С. 500–508.

6. Каваль, В. Ілька / В. Каваль // Маладняк. – 1929. – № 1. – С. 3–15.

Белорусский государственный университет Поступила в редакцию 05.12.2025

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (157), 2026

УДК 811.581'373.72:721.053+81:008(=581) EDN: SKUDUJ

Культурная семантика компонента 堂 ‘зал’ в архитектурном коде китайской лингвокультуры

Н.С. Протасеня

В статье изложены результаты лингвокультурологического анализа реализации архитектурного кода культуры в китайском языке. Материалом исследования послужили образные лексические единицы и фразеологизмы с компонентом 堂 ‘зал’. На основе актуальной семантики вторичных номинаций и фразеологизмов определены культурно значимые смыслы единицы 堂‘зал’. Предлагается классификация фразеологических единиц, в которой они сгруппированы на основании семантических признаков, восходящих к ключевым функционально-символическим характеристикам зала в традиционной китайской культуре.
Ключевые слова: код культуры, архитектурный код, лингвокультурологический подход, метафорическое значение, фразеологические единицы, зал.

This article presents the results of a linguacultural analysis of the implementation of the architectural cultural code in the Chinese language. The study focused on figurative lexical units and phraseological units containing the component 堂 'hall'. Based on the current semantics of secondary nominations and phraseological units, the culturally significant meanings of the unit 堂 'hall' are determined. A classification of phraseological units is proposed, grouping them based on semantic features that derive from the key functional and symbolic characteristics of the hall in traditional Chinese culture.
Keywords: cultural code, architectural code, linguacultural approach, metaphorical meaning, phraseological units, hall.

Введение. Код культуры относится к числу ключевых лингвокультурологических понятий, способствующих разработке проблемы воплощения культурной информации в языковом знаке. В ракурсе лингвокультурологических исследований данный термин трактуется как «система знаков (знаковых тел) материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов; в процессе освоения человеком мира они воплотили в себе культурные смыслы, которые “прочитываются” в этих знаках» [1, с. 9].

Одним из базовых, находящихся в центре любой национальной культуры, является архитектурный код. Разнообразные архитектурные объекты, их части и прилегающие территории характеризуются определенным назначением и наряду с практической функцией обладают значимыми для культуры смыслами, которые воплощаются в образном строе языка. В то же время архитектурный код относится к числу малоизученных разновидностей культурного кодирования. В белорусской и российской лингвистике анализ ключевых компонентов, соотносимых с архитектурным кодом, проводится в рамках лингвокультурологического подхода с особым вниманием к их символьной природе (О.А. Лещинская [2], В.Н. Телия [3] и др.). Работы китайских исследователей отражают другой ракурс видения объекта: в процессе лингвокультурологического комментирования авторы уделяют преимущественное внимание этимологическому анализу с опорой на произведения древней китайской литературы (ср., например, анализ ключевых фразеологизмов китайской лингвокультуры с архитектурными компонентами, представленный в разделе «成语与衣食住行» («Идиомы и пища, жилище, быт») коллективной монографии «成语与文化» («Идиомы и культура») [4, с. 13]). Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена как растущим вниманием лингвокультурологов к проблеме кодирования и декодирования культурной информации в языковом знаке, так и недостаточной изученностью архитектурного кода в китайской лингвистической традиции. Цель статьи – определить культурно значимые смыслы единицы 堂 ‘зал’ и охарактеризовать ее роль в образной интерпретации различных сторон жизни человека. Объектом исследования являются лексические и фразеологические единицы китайского языка с элементом 堂 ‘зал’, извлеченные из пяти словарей китайских идиоматических выражений ([5], [6], [7], [8], [9]).

Основная часть. Метафорические значения лексемы 堂 ‘зал’ зафиксированные в толковых словарях китайского языка. Китайское слово *堂* неоднозначно передается средствами русского языка: его можно транскрибировать и воспринимать как экзотизм (*тан*) или переводить наиболее близким по значению словом *зал* (в нашем исследовании используется второй вариант).

Анализ дефиниций, приведенных в словарной статье к иероглифу *堂* ‘зал’, позволил выявить переносное метонимическое значение ‘семья, ветвь рода или клан’ [10, с. 1273], в основе которого лежит ассоциация по смежности в пространстве (те, кто находится в зале). В традиционной китайской архитектуре главный зал дома был сакральным центром, где происходили важные семейные события и совершались жертвоприношения предкам. Слово *堂号* (букв. ‘название зала’) часто использовалось для обозначения конкретной семьи (клана) и указывало на принадлежность человека к определенному сословию: «Начиная с династии Тан получило широкое распространение присвоение залам имен или титулов с целью прославления своих предков. Так, род Чжоу именует свой зал «爱莲堂» (букв. ‘зал любви к лотосу’), отсылая к произведению Чжоу Дуньи (эпоха Сун) “О любви к лотосу” (лотос – символ нравственной чистоты и благородства); род Ван назвал свой зал «三槐堂» (букв. ‘зал трёх софор’), в котором три софоры метафорически обозначают трёх высших министров; название зала рода Чжан “百忍堂” (букв. ‘зал ста терпений’) восходит к изречению 百忍成金 (букв. ‘сто терпений превращаются в золото’)» [11, с. 78]. Каждое название родового зала отражало не только семейные ценности, но и служило нравственным ориентиром для последующий поколений.

Лингвокультурологическая специфика образного мышления китайцев находит отражение в системе терминов родства. Исторически сложившаяся традиция совместного проживания нескольких поколений в едином жилом пространстве и совершение ритуалов почитания предков в общем зале обусловили формирование особых номинаций для двоюродного родства по отцовской линии: *堂兄弟* ‘двоюродные братья’ (букв. ‘братья из [одного] зала’), *堂姐妹* ‘двоюродные сестры’ (букв. ‘сёстры из [одного] зала’). Рассмотрим подробнее лексему *堂房* (букв. ‘зал и пристройки’). Её первоначальное значение связано с архитектурной структурой традиционного дома, состоящей из зала (堂) и пристроек (房). Впоследствии это слово также стало употребляться для обозначения двоюродных родственников по отцовской линии. Данный семантический сдвиг основан на метафорическом переосмыслении пространства дома. Главный зал символизирует общность происхождения: все, кто почитает одних и тех же предков в одном зале, принадлежат к одному роду, ведущему начало от общего родоначальника по мужской линии. Пристройки ассоциируются с отдельными семейными ветвями, и соответствующие лексемы опосредованно обозначают двоюродных родственников.

В традиционной китайской архитектуре главный зал, расположенный на возвышении и занимающий центральное положение в доме, является местом проведения ритуалов почитания предков и символизирует иерархический порядок семьи. Эта пространственная структура ритуала нашла отражение в лексике: двухсложные слова *高堂* (букв. ‘высокий зал’) и *堂上* (букв. ‘наверху зала’) метонимически обозначают родителей, занимающих почётное место, и часто используются в качестве уважительного обращения.

В системе устоявшихся вежливых форм обращений, сложившихся ещё в древности и сохранивших свою актуальность в литературном стиле, встречается двухсложное слово *令堂* ‘уважительное обращение к матери собеседника’ (букв. ‘Ваш зал’), в котором иероглиф *令* ‘Ваш’ выражает уважение к адресату, а *堂* ‘зал’ восходит к древнему обозначению *北堂* ‘северный зал’, ассоциировавшемуся с местом проживания матери. Семантика подобной двусложной лексемы *萱堂* (*萱* ‘лилейник’; букв. ‘зал лилейника’) связана с преданием, согласно которому это травянистое растение помогает забыть о печалях и горестях: «Когда путники отправлялись в дальнюю дорогу, они нередко сажали это растение под лестницей, ведущей в северный зал, чтобы мать не тревожилась о своем путешественнике и могла утолить свои печали, по этой причине покои матери назывались *萱堂*» [12, с. 295].

Лексема *堂奥* (букв. ‘юго-западный угол зала’) обладает метафорическим значением ‘сокровенная истина или высшая ступень постижения’, которое обусловлено архитектурной оппозицией «внешнее – внутреннее», переосмысленной как «доступное – сокровенное»: если *堂* ‘зал’ обозначает открытое, общедоступное пространство, то *奥* ‘юго-западный угол’ указывает на закрытую зону дома, менее доступную посторонним и символизирующую сокровенное знание. Таким образом, архитектурная структура традиционного китайского дома проецируется на сферу интеллектуального и духовного развития – от поверхностного ознакомления к проникновению в суть учения и достижению высшего уровня понимания, что подтверждается данными словаря «Происхождение слов» («辞源»): «古时文人治学略有门径, 常自谦称未窥堂奥, 意谓刚入门, 尚未深入» ‘В древности учёные-литераторы, обладавшие некоторым пониманием науки, часто скромно говорили о себе, что ещё не заглянули в юго-западный угол зала, имея в виду, что они только вошли в дверь, но еще не углубились в предмет’ (иначе говоря, находятся на начальном этапе овладения знаниями [Н.П.]) [13, с. 848].

Лексема 堂 ‘зал’ во фразеологической подсистеме языка. В результате анализа 81 обнаруженной нами фразеологической единицы с компонентом *堂* ‘зал’ было выявлено шесть семантических объединений. Количественное распределение материала исследования по данным семантическим группам показано в таблице 1.

Таблица 1 – Фразеологическая активность единицы *堂* ‘зал’ в китайской лингвокультуре (в рамках семантических групп)

Название семантической группы	Количество единиц
Взаимоотношения и взаимодействия людей	23 (28,4 %)
Реалии и явления окружающего мира	20 (24,7 %)
Характеристики человека и его деятельность	12 (14,8 %)
Социальный статус и уровень благосостояния	11 (13,6 %)
Трудные ситуации и угрозы благополучию	9 (11,1 %)
Область духовной культуры и мировоззрения	6 (7,4 %)
Всего	81

В данной статье отражен лингвокультурологический анализ четырёх наиболее показательных в количественном отношении семантических групп.

Образная интерпретация реалий и явлений окружающего мира (натурфакты, артефакты, ситуации). Зал как центральное помещение в традиционном китайском жилище или административном здании может метонимически замещать всё строение в целом или государственные учреждения: *高堂广厦* ‘высокое здание’ (букв. ‘высокий зал, обширное помещение’). В составе фразеологизмов лексема *堂* ‘зал’ выражает также семантику торжественности, официальности и публичности: *大雅之堂* ‘возвышенное и изысканное место’ (букв. ‘зал великого изящества’); *荟萃一堂* ‘уникальное торжество’ (букв. ‘собраться в одном зале’). Кроме того, образ зала в китайских фразеологизмах может актуализировать сему ‘ценность’: *堂而皇之* ‘величественный и внушительный; великолепное и выразительное произведение’ (букв. ‘зал и его величие’). Ср. противоположный по значению фразеологизм *不登大雅之堂* ‘грубое, лишенное изящества произведение’ (букв. ‘не восходить в зал высокого изящества’).

Лексема *堂* ‘зал’ также может участвовать и в формировании метрически-эталонной системы (термин Е. Стояновой), передавая значения ‘большое количество’ или ‘полнота охвата или какого-либо качества’. Образ заполненного зала выступает эталоном изобилия, всеобъемлющего успеха и всеобщего одобрения: *金玉满堂* ‘изобилие драгоценностей’ (букв. ‘зал заполнен золотом и нефритом’); *满堂红* ‘добиться отличных результатов или процветания во всех сферах’ (букв. ‘полный зал красного’); *满堂彩* ‘вызвать бурные аплодисменты у публики; всеобщее восхищение’ (букв. ‘полный зал оваций’).

Социальный статус и уровень благосостояния человека. Семантика фразеологических единиц с компонентом *堂* ‘зал’ часто бывает связана с выражением места в обществен-

ной иерархии и материальным благополучием человека или семьи. Так, высокое социальное положение отражается в китайском чэнъюе *堂高廉远* ‘<...> установленный порядок в иерархии – у каждого своё определенное место’ (букв. ‘зал [власти] высок, боковые стороны зала далеки’). Фразеологизм отражает древнейшие архетипические противопоставления «близкий – далекий», «верх – низ», а также связанную с ним оппозицию «власть – подчиненные». Образ идиомы строится на основе архитектурной и пространственной метафор: зал как пространство, расположенное наверху, символизирует величие и высокое положение правителя (ср. русск. *высокие кабинеты*); пространственная отдалённость боковых сторон – иерархическую дистанцию между властью и подданными, строгую иерархию в обществе. Ср. другой фразеологизм с семантикой власти и подчинения, также основанный на ориентационной метафоре: *堂上一呼，阶下百诺* ‘обладать большой властью и множеством подчиненных’ (букв. ‘наверху зала [раздался] один зов – у подножия ступеней сотня слушается’). Обладающий властью, доминирующий находится в верхней части зала, подчиняющиеся ему – внизу на ступенях, общение с ними регламентировано по принципу «сверху вниз», соответственно фразеологизм образно обозначает абсолютную власть и беспрекословное подчинение.

Наличие зала и его внешний вид отражает уровень благосостояния хозяина дома: *穷人家看灶堂，财主家看厅堂* ‘бедных волнует, можно ли на кухне развести огонь и приготовить еду, а богатых – насколько раскошен их зал’ (букв. ‘в бедном доме смотрят на кухню, в богатом – на зал’). Образ пустого зала ассоциируется с низким уровнем материального благополучия семьи: *陋室空堂* ‘состояние семьи приходит в упадок’ (букв. ‘убогое жилище, пустой зал’).

Убранство зала выступает как метафора не только уровня благосостояния, но и культурно-образовательного статуса семьи. Ср.: *堂前无字画，不是旧人家* ‘наличие произведений каллиграфии и живописи свидетельствует о высоком культурном статусе семьи’ (букв. ‘перед залом нет каллиграфии и картин – это не дом старой (почтенной) семьи’). Зал может выступать как символ высокого статуса и успеха, которых можно путем образования и внутреннего самосовершенствования. Ср. пословицу *安居不用架高堂，书中自有黄金屋* ‘человеку не нужно самому строить высокие залы и огромные здания: как только он добьется успехов в учении, он естественным образом обретает построенный из золота дом’ (букв. ‘[чтобы] спокойно жить, не нужно возводить высокие залы, через чтение обретёшь золотые чертоги’).

Нефритовый зал фигурирует во фразеологических единицах разного типа как символ успеха, принадлежности к элите, вхождения в высшие эшелоны власти. Так, пословица *入金马，步玉堂* ‘получить продвижение по службе, сделать стремительную карьеру’ (букв. ‘войти во Врата Золотого коня, ступить в нефритовый зал’) соотносится с архитектурным и пространственными кодами культуры и в торжественной стилистике отражает представление о повышении социального статуса, достижении вершины карьеры, славы и богатства. Начиная с древних времен так поздравляют чиновников и деловых людей с карьерным взлетом для пожелания огромного успеха. В основе фразеологизма лежит метафора, уподобляющая достижение каких-либо успехов в социальной или профессиональной жизни вхождению во Врата Золотого коня и нефритовый зал.

Образ зала в интерпретации качеств и деятельности человека. Образ зала в составе фразеологизмов отражает интеллектуальный потенциал и высокий уровень эрудированности человека. Рассмотрим два чэнъюя: *升堂入室* ‘достичь высокого уровня в знаниях или мастерстве’ (букв. ‘подняться в главный зал и войти во внутренние покои’); *升堂有余* ‘высокая степень учёности’ (букв. ‘подняться в зал с избытком’ (т. е. пройти дальше, чем обычно – [Н.П.]’). Данные фразеологизмы восходят к высказыванию Конфуция, который сравнивал два уровня постижения учёности с процессами *升堂* (‘восхождение в зал’) и *入室* (‘вхождение во внутренние покои’). Для интерпретации образности чэнъюев необходимо понимать особенности планировки внутреннего пространства дома, в котором зал располагался впереди, а комнаты позади. Во-первых, разделение пространства на переднюю и заднюю части отражает существенные различия в их функциональном назначении: «Передний зал служил общественным пространством семейной жизни, тогда как задняя комната – это личное про-

странство» [14, с. 28]. Во-вторых, сооружения возводились на возвышающихся над землёй платформах, так что перед ними всегда были две лестницы, по которым нужно было подняться, чтобы войти в зал, а затем во внутреннюю комнату. Таким образом, восхождение в зал символизирует постепенное освоение мастерства и основ знаний, вхождение в комнату (личное пространство) – высший уровень постижения истины. Ср. также другое значение упоминавшегося выше фразеологизма *金玉满堂* ‘неисчерпаемая сокровищница знаний, богатейшая эрудиция’; ‘благополучие во всех делах’ (букв. ‘золото и нефрит заполняют зал’), характеризующее степень проявления интеллектуальных данных человека и его благополучия. В образной основе фразеологизма компоненты *金* ‘золото’, *玉* ‘нефрит’ соотносятся одновременно с природным и артефактным кодами культуры и символизируют благополучие, изобилие, духовное совершенство, нравственную чистоту и благородство. При этом единица *堂* ‘зал’, изначально обозначающая большое, просторное помещение, транслирует семантику внушительного объема и высокой ценности.

Образ зала может быть задействован при характеристике ментальной деятельности и поведения человека. Так, классическая китайская идиома *坐不窥堂* ‘быть предельно сосредоточенным’ (букв. ‘сидеть, не заглядывая (даже) в зал’) содержит оппозицию «внутренний» (пространство уединения) и «внешний» (зал как место общественной жизни). Предельная сосредоточенность на задачах, глубокая концентрация сознания, игнорирующего внешние события, метафорически уподобляются пребыванию во внутреннем пространстве помещения и отказу смотреть на происходящее за его пределами. Во фразеологизме *打退堂鼓* ‘отказаться от участия в общем деле на полпути, отступить перед трудностями, бросить начатое’ (букв. ‘бить в барабан, извещающий о выходе из зала’) метафорическую семантику отступления передает выход из зала, исторически связанный с ритуальным действием: в феодальные времена чиновники, ударяя в барабан перед уходом из зала заседаний, возвещали о прекращении работы и окончании судебного разбирательства.

Образ зала в кодировании представлений о взаимоотношениях и взаимодействии людей. В составе значительного количества фразеологизмов актуализируется роль зала как места объединения людей, на основе чего формируются значения совместности, всеобщности: *济济一堂* ‘многолюдное собрание’ (букв. ‘собраться в одном зале’); *欢聚一堂* ‘люди собрались вместе в радостной атмосфере’ (букв. ‘веселиться вместе в одном помещении’); *哄堂大笑* ‘всеобщий смех, дружный хохот’ (букв. ‘смех раздается по всему залу’).

В книжной идиоме *椿庭萱堂* ‘мои почтенные родители’ (букв. ‘двор [дерева] чунь + зал лилейника’) архитектурный код (*庭* ‘двор’, *堂* ‘зал’) взаимодействует с растительным (*椿* ‘дерево чунь’, *萱* ‘лилейник’): имеется в виду, что в родительском доме отец подобен легендарному дереву, а мать – цветку лилейника; двор – воплощение отцовского влияния, главный зал дома – материнского. Сочетание этих компонентов создаёт поэтический образ родительского дома и самих родителей: *椿庭* ‘двор [дерева] чунь’ – имеющая древние корни метафора отца, его мудрости; *萱堂* ‘зал лилейника’ – метафора матери, её заботы, тепла, наполняющего дом.

Вхождение в чужое пространство связано с определенными ритуальными действиями. Образ фразеологизма *升堂拜母* ‘древний ритуал входа во внутренние покои для приветствия матери друга или старого знакомого; крепкая дружба, подобная родству’ (букв. ‘подняться в зал и отдать поклон матери’) основан на символизации поклона как традиционного способа выражения почтительности к старшему. Ср., также фразеологизм, отражающий стереотипное представление о нарушении поведенческого этикета и фамильярности: *穿堂入舍* ‘по своему желанию входить и выходить в двери дома кого-либо; чаще о хорошо знакомом или распущенном человеке’ (букв. ‘пройти через зал, войти в покои’).

Ритуальная функция зала как ключевого пространства дома, где происходили важнейшие семейные церемонии, включая первое представление невестки родителям мужа, отражена в пословице *丑媳妇免不得堂上见公姑* ‘в старину невестка должна была служить свекру и свекрови, и как бы уродлива она ни была, ей нельзя было не показываться им на глаза’

(букв. ‘некрасивая невестка не избежит встречи в зале со свекром и свекровью’). В данной пословице компонент *堂* ‘зал’ выступает сакрально-социальным пространством, в котором утверждались семейная иерархия, порядок и признание статуса. Впоследствии данное устойчивое выражение приобрело обобщённое значение: ‘человек, даже имея недостатки, не должен избегать появления на людях, когда это необходимо’.

В составе пословицы *南北一家, 兄弟一堂* ‘где бы ни был человек – на краю земли или за морем, все ему братья’ (букв. ‘юг и север – одна семья, братья – один зал’) образ зала символизирует единство и общность. Метонимическое значение лексемы *堂* ‘зал’ ‘группа людей’, отражает пространство социальное, то есть объединение по признаку «свои», который реализуется в общности образа жизни и взглядов на что-либо: *满堂僧不厌, 一个俗人多* ‘люди одного круга, даже в большом числе не раздражают; но, если рядом оказывается даже один человек с иным складом ума или иными интересами – уже становится неуютно’ (букв. ‘полный зал монахов – не надоедает, а один мирянин – уже слишком’). Ср. также фразеологизм, выражающий идею социальной дистанции и потенциальных рисков, связанных с неподходящим обществом: *此辈只堪林下见, 不宜引入画堂前* ‘буддийским монахам и даосским отшельникам можно встречаться только в горах и лесах, не подобает приглашать их в дом, иначе это навлечет беду’ (букв. ‘этим людям подобает встречаться лишь в лесу, не следует вводить их в расписной зал’).

Образ зала как коллективного пространства может проецироваться и на проблемные отношения в социуме, например, на авторитарное поведение начальника. Ср. современную идиому, характеризующую практику принятия единоличных решений, не терпящую возражений: *一言堂* ‘отсутствие демократичности, когда руководство действует единолично, не считается с коллективом’ (букв. ‘зал одного голоса’).

Социально-политические смыслы выражены во фразеологизме *只愁堂上无明镜, 不怕民间有鬼奸* ‘не бояться, что в обществе есть плохие люди, а бояться, что у власти нет честных и справедливых чиновников’ (букв. ‘беспокоиться только о том, что в зале нет чистого зеркала, не бояться, что в народе есть демоны-злодеи’). В данном фразеологизме *堂* ‘зал’ как элемент архитектурного кода метонимически замещает государственную власть и взаимодействует с компонентом предметного кода – *明镜* ‘чистое зеркало’, которое в китайской культуре символизирует мудрость и истину. Таким образом, пословица подчёркивает важность честного и справедливого правления, поскольку основа общественного порядка заключается не в безупречности народа, а в добродетели и моральной чистоте правящей элиты.

Заключение. Проведённый анализ толковых и этимологических словарей позволил выявить следующие переносные значения лексемы *堂* ‘зал’: ‘семья’, ‘ветвь рода’, ‘клан’. Одновременно обнаружена лингвокультурологическая специфика образного строя китайского языка, проявляющаяся в системе терминов родства (*堂兄弟* ‘двоюродные братья’ (букв. ‘братья из [одного] зала’)) и устоявшихся вежливых форм обращения (*令堂* ‘уважительное обращение к матери собеседника’ (букв. ‘Ваш зал’)).

Результаты проведённого исследования позволяют утверждать, что *堂* ‘зал’ как единица архитектурного кода китайской культуры демонстрирует высокую фразеологическую активность, участвуя в формировании значений идиом четырёх ключевых семантических групп, описывающих 1) взаимоотношение и взаимодействие людей (28,4 %); 2) реалии и явления окружающего мира (24,7 %); 3) качества человека и его деятельность (14,8 %); 4) социальный статус и уровень благосостояния (13,6 %). В рамках этих групп регулярно актуализируются следующие культурно значимые смыслы компонента *堂* ‘зал’: а) ‘единство’, ‘общность’; б) ‘величие’, ‘власть’; в) ‘высокий статус’, ‘успех’; г) ‘торжественность’; д) ‘большое количество’.

Литература

1. Гудков, Д. Б. Телесный код русской культуры : материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2007. – 285 с.

2. Ляшчынская, В. А. Дзверы – сімвальны кампанент фразеалагізмаў архітэктурна-домаўладкавальнага кода культуры / В. А. Ляшчынская // Скарынаўскія традыцыі : гісторыя і сучаснасць : зб. навук. арт. : у 2 ч. / Гомел. дзярж. ун-т, Навук.-даслед. ін-т гісторыі і культуры ўсходнеславян. народаў пры ГДУ ; рэдкал.: А. М. Ермакова (гал. рэд.) [і інш.]. – Гомель, 2015. – Ч. 1. – С. 194–202.

3. Большой фразеологический словарь русского языка : значение, употребление, культурологический комментарий / авт.-сост.: И. С. Брилева [и др.] ; отв. ред. В. Н. Телия. – М. : АСТ-Пресс : Книга, 2014 – 784 с.

4. 成语与文化 = Идиомы и культура / гл. ред. Мо Пэнлин. – Шанхай : Изд-во Шанхай Саньлян, 2005. – 255 с.

5. 中华成语辞海 = Китайский фразеологический словарь Цыхай / гл. ред. Чэнь Сяцунь. – Чанша : Изд-во «Просвещение Хунань», 2014. – 1796 с.

6. 谚语大词典 = Большой словарь пословиц / гл. ред. Гао Гэдун. – 2-е изд. – Чэнду : Сычуан. словарь, 2022. – 1049 с.

7. 汉语惯用语词典 = Словарь привычных выражений китайского языка / гл. ред. Хуан Биньхун. – Пекин :Коммерч. изд-во, 2009. – 1504 с.

8. 新华歇后语词典 = Словарь недоговорок-иносказаний / гл. ред. Вэнь Дуаньчжэн. – Пекин : Коммерч. изд-во, 2008. – 646 с.

9. 俗语大词典 = Большой словарь поговорок / гл. ред. Вэнь Дуаньчжэн. – Пекин : Коммерч. изд-во, 2015. – 2522 с.

10. 现代汉语词典 = Словарь современного китайского языка / Лингвист. исслед. ин-т Кит. акад. обществ. наук. – 7-е изд. – Пекин : Коммер. изд-во, 2016. – 1800 с.

11. 汉字中的古代建筑 = Древняя китайская архитектура в иероглифах / сост. Чэнь Хэсуй. – Тяньцзинь : Изд-во лит. и искусства Байхуа, 2004. – 227 с.

12. Сюй, Хуэй. Этимология китайских иероглифов : сто самых красивых иероглифов, которые должен знать каждый / Сюй Хуэй ; пер. с кит. Д. Е. Куликов, А. О. Фиалковская, А. А. Никитина. – М. : Шанс, 2020. – 407 с.

13. 辭源 = Происхождение слов / гл. ред. Хэ Цзюин, Ван Нин, Дун Кунь. – 3-е изд. – Пекин : Коммерч. изд-во, 2015. – 2676 с.

14. 成语中的古代建筑 = Древняя китайская архитектура в идиомах / сост. Чэнь Хэсуй. – Тяньцзинь : Изд-во лит. и искусства Байхуа, 2007. – 219 с.

Белорусский государственный университет

Поступила в редакцию 13.02.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (157), 2026

УДК 811.162.1’367.625:811.112’367.625 EDN: TUYCTD

Деривационные значения глаголов действия в русском и немецком языках (на примере глагола играть / spielen)

Т.И. Скоробогатая

В статье рассматриваются глагольные производные и их неоднословные соответствия в русском и немецком языках (на примере глагола *играть / spielen*). Проанализированы не только префиксальные, полупрефиксальные производные лексемы и сложные слова – составные компоненты словообразовательных парадигм, но и коррелятивные данным единицам словосочетания в деривационной функции. В функциональном аспекте описываются специфические особенности префиксации и словосложения в сопоставляемых языках на примере глагола действия. Впервые выявлены различия в компонентном составе глагольного блока деривационных парадигм глаголов действия в русском и немецком языках, а также их деривационные значения.
Ключевые слова: глагол действия, деривационное значение, русский язык, немецкий язык, деривационные слова.

The article examines verbal derivatives and their multi-word equivalents in Russian and German, using the verb *play / spielen* as an example. Not only prefixed, semi-prefixed derivatives of lexemes and complex words being constituent components of word-forming paradigms, but also phrases correlative to these units in the derivational function are analyzed. In the functional aspect, the specific features of prefixation and compounding in the compared languages are described using the example of the action verb. For the first time, differences in the component composition of the verb block of derivational paradigms of action verbs in Russian and German, as well as their word-formation meanings, have been revealed.
Keywords: action verb, word-formation meaning, Russian language, German language, derivational words.

Различия и сходства в языках всегда вызывали интерес лингвистов. При сопоставительном изучении языков выявляется феномен лакунарности, обусловленный интралингвистическими и экстралингвистическими факторами. Лакунарность и способы ее заполнения становилась предметом исследования ученых различных областей языкознания. Целью данной статьи является исследование деривационной семантики глаголов действия в русском и немецком языках и выявление лакун и средств их заполнения. Глаголы действия как в русском, так и в немецком языках являются наиболее репрезентативными для сопоставительного исследования глагольной деривационной семантики, так как широко представлены в сопоставляемых языках. Н.Е. Ананьева отмечает, что «в сопоставительном плане имеет смысл заниматься СГД, имеющими формальные показатели (словообразовательные средства), по крайней мере, хотя бы в одном из сопоставляемых языков» [1, с. 233]. В данной статье сопоставлению подвергается языковой материал неблизкородственных языков. Известно, что для русского языка характерно разнообразие аффиксальных морфем, способных выражать многочисленные словообразовательные значения, в то время как немецкий язык характеризуется недостаточностью словообразовательных формантов. Детальное изучение деривационного потенциала глагольных лексем при сопоставлении неблизкородственных языков может быть только с учетом межуровневых связей. Основоположниками изучения деривационных возможностей лексем с учетом межуровневых отношений были такие ученые, как В.М. Никитевич [2], А.В. Никитевич [3]. Большинство работ в рамках теории номинативной деривации посвящены исследованию близкородственных языков, а именно, русского и белорусского, например, диссертационные исследования Н.Л. Дорош [4] и М.А. Лавыш [5].

Сопоставление деривационных подсистем неблизкородственных языков может дать богатейший материал для изучения состава словообразовательных, а в особенности частных словообразовательных значений. Как отмечает З.А. Харитончик, «различия систем словообразовательных значений в разных языках свидетельствуют о потенциальной способности языковой системы выражать с помощью словообразовательных средств неограниченное число значений» [6, с. 356].

Становится очевидно, что деривационным значением могут обладать не только глагольные лексемы, в которых есть словообразовательные элементы, но и более сложные номинативные единицы, в которых семантическое приращение может быть представлено лексемами в деривационной функции. Связь единиц словообразовательного уровня с единицами синтаксиса обусловлена тем, что они принадлежат к составляющим единой языковой системы и служат для построения номинативных единиц. С позиций теории номинативной деривации одной из единиц систематизации и отражения взаимодействия производного и производящего при выражении деривационного значения является номинативный ряд. Номинативный ряд позволяет рассмотреть и сопоставить различные группы деривационных значений русского и немецкого языков, и наряду со словообразовательными формантами определить и другие средства выражения, в частности у глаголов действия.

Исследование системы деривационных значений глагола действия на примере глагола *играть* показало, что в исследуемых языках имеются как и свойственные для двух языков одинаковые деривационные значения, так и значения, характерные только для одного языка и представленные в другом либо на лексическом уровне, либо с помощью деривационных лексем.

Номинативные ряды русского глагола *играть* и его немецкого эквивалента *spielen* исследуются в глагольном блоке деривационной парадигмы, в состав которой «нами включаются различные по структуре эквиваленты производных глаголов, деривационно связанные с ними: устойчивые словосочетания и лексически конкретизированные словосочетания в деривационной функции, являющиеся аналитическим способом представления словообразовательного значения и рассматриваемые в качестве дискретных соответствий производным глаголам» [7, с. 36]. Таким образом, деривационная парадигма – это объединение производных слов, которые имеют общее производящее, в совокупности с эквивалентными им деривационными сочетаниями [7, с. 36].

Как показало исследование, деривационные парадигмы сопоставляемых глаголов состоят из целого комплекса словообразовательных значений. Кроме того, данные парадигмы отличаются как качественным, так и количественным составом. Так, в парадигму русского глагола *играть* входит 23 производные лексемы, в то время как немецкий эквивалент имеет 17 производных.

Таким образом, деривационная парадигма русского глагола *играть* представлена префиксальными глаголами (*взыграть, выиграть, доиграть, заиграть, наиграть, обыграть, отыграть, переиграть, поиграть, подыграть, проиграть, разыграть, сыграть*), суффиксальными образованиями (*игрывать, игрануть*), глаголами, образованными префиксально-суффиксальным способом (*заигрывать, поигрывать*), глаголами, образованными при помощи префиксации в сочетании с постфиксацией (*доиграться, заиграться, наиграться, разыграться, сыграться*), глаголом, образованным при помощи постфикса *(играться)*, а также различными типами неоднословных единиц. Так к средствам аналитической деривации в парадигме глагола *играть* относятся деривационные словосочетания и лексически конкретизированные словосочетания в деривационной функции.

В деривационную парадигму немецкого глагола *spielen* входят производные глаголы с префиксом (*bespielen, verspielen*); производные глаголы с полупрефиксом (*abspielen, anspielen, aufspielen, ausspielen, durchspielen, einspelen, mitspielen, nachspielen, überspielen, umspielen, vorspielen, zuspielen*); сложные глаголы (*herunterspielen, hineinspielen, zusammenspielen*), а также средства аналитической деривации.

В данной статье сопоставляется один из фрагментов деривационной системы русского и немецкого языков, в котором к деривации отнесены как единицы, по традиции относимые к лексике, так и единицы, по традиции относимые к грамматике, и рассмотрены они в рамках единого деривационного пространства. Рассматриваемые глаголы имеют как общие, так и различные деривационные значения. Анализ конкретных фактов показывает, что в деривационную парадигму как русского, так немецкого глагола могут входить производные как с общими, так и различными деривационными значениями.

Так, например, значение ‘начало действие’ характерно как для русского языка, так и для немецкого языка. Номинативные ряды в обоих языках будут полными. Сравним: *играть → заиграть, начать играть; spielen → anspielen, zu spielen beginnen.*

В немецком языке в парадигме глагола spielen ‘играть’ значение ‘окончание действия’ не представлено однословной лексемой и русскому глаголу с данным значением соответствует деривационное словосочетание *zu Ende spielen* ‘доиграть’. Деривационный компонент *zu Ende* свойственен и для других глаголов русского языка с данным значением, не имеющих однословных эквивалентов в немецком языке: *докосить – zu Ende mähen, докопать – zu Ende graben, допечь – zu Ende backen* и другие.

Глагол *переиграть* с префиксом пере- имеет различные значения. Однако в немецком языке однословный эквивалент данному глаголу характерен только в значении ‘действие, распространенное на все или многие объекты’ (*durchspielen*). Как в русском, так и в немецком языках номинативный ряд с данным значением является неполным и представлен только производной лексемой. Значение ‘действие, производящееся повторно’ *(переиграть – вновь сыграть*) в немецком языке представлено словосочетанием с деривационным компонентом *noch einmal* ‘еще раз’ (*noch einmal spielen* ‘переиграть, вновь сыграть’). Таким образом, номинативный ряд с данным значением в русском языке будет полным, в то время как номинативный ряд немецкого языка будет представлен только деривационным словосочетанием, которое способно заполнить межъязыковую лакуну. Префиксу *пере-* в русском языке также характерно значение ‘чрезмерность действия’ (*переиграть – играть слишком много, играть до усталости*). Номинативный ряд с данным значением является полным, и в него входят как деривационное словосочетание *играть слишком много,* так и лексическое словосочетание *играть до усталости.* В немецком языке данное значение представлено полупрефиксом *über-* (*überspielen*).

В деривационной парадигме русского глагола *играть* имеется значение ‘делать что-то и получить отрицательный результат’, выраженное циркумфиксом *до- -ся* (*доиграться*). В немецком языке данной лексеме соответствует словосочетание *bis zum Unerfreulichen zu Ende spielen*, в составе которого имеется как деривационное словосочетание, эквивалентное по значению глаголу *доиграть* (*zu Ende spielen*), так и лексический компонент *bis zum Unerfreulichen*, указывающий на отрицательный результат действия.

Значение ‘увлечься, совершая действие, названное мотивирующим глаголом’, характерное производному глаголу *заиграться*, может быть представлено и коммуникативно-эквивалентным данному глаголу лексическим словосочетанием *увлекшись игрой, забыть о времени: Дети, увлекшись игрой, забыли о времени и опоздали в школу.* В немецком языке данное значение отсутствует в парадигме глагола *spielen* ‘играть’. Коммуникативными эквивалентами русскому глаголу выступают словосочетания *sich in Spiel vertiefen* ‘заиграться, увлечься игрой’ и в значении ‘играть слишком долго и забыть о времени’ *die Zeit über dem Spiel vergessen.*

Многозначность префикса *на-* представлена в производном глаголе *наиграть.* Значение ‘увеличение количества или степени’ может быть выражено и коммуникативно эквивалентным словосочетанием с деривационным компонентом *много раз: играть → наиграть, сыграть много раз*. В немецком языке данное значение представлено только на уровне словосочетаний: *viel spielen* ‘наиграть, сыграть много раз’. Кроме того, производный глагол *наиграть* имеет значение ‘завершение действия, достижение определенного результата’ и значение ‘неполное или предварительное совершение действия’. Данные значения представлены в номинативных рядах только однословной лексемой. Таким образом, номинативный ряд будет неполным. Завершенность действия имеется и в глаголе *наиграться,* которому соответствует словосочетание *вдоволь поиграть*. Наречие *вдоволь* выполняет деривационную функцию, является характерным компонентом для словосочетаний коммуникативно эквивалентных глагольным лексемам, образованным при помощи префикса *на-* и постфикса *-ся*, например, *начитаться, вдоволь почитать; нагуляться, вдоволь погулять; наесться, вдоволь поесть* и другие. В немецком языке данное значение не представлено с помощью деривации и русскому глаголу *наиграться* соответствует лексическое словосочетание *sich satt spielen*.

Как показало исследование, в русском и в немецком языках словообразовательными аффиксами представлены следующие значения: значение превосходства над кем-либо (*об*ыграть *-um*spielen), значение законченности действия (*от*ыграть – *aus*spielen), значение утраты (*про*играть *-ver*spielen).

Для глагола *поигрывать* характерен синкретизм ряда словообразовательных значений. Данное производное модели *по-* + *-ыва-* фактически является многозначным, что подтверждается наличием различных деривационных компонентов в составе словосочетаний: поигрывать → играть понемногу (значение ‘совершать действие с небольшой интенсивностью или не полностью’), поигрывать → играть время от времени (значение ‘действие, названное мотивирующим глаголом, совершить в течение некоторого времени (чаще недолго)’. В текстах и в процессе коммуникации будет употребляться одно из деривационных словосочетаний.

Значение ‘протекание действия во времени’ представлено глаголом с префиксом *по-*, которому коммуникативным эквивалентом является словосочетание, образованные по модели производящий глагол + деривационный компонент некоторое время: *поиграть, играть некоторое время.*

Префикс *раз-* в глаголе *разыграть* имеет несколько значений: значение совершенного вида ‘сыграть, кончив игру’, значение ‘осуществить игру’. Сочетание префикса *раз-* и постфикса *-ся* указывает в лексеме *разыграться* на полноту и завершенность действия. Значение совершенного вида выражено и префиксом *с-* (*сыграть*). Что касается эквивалентов, то немецким глаголам не характерно значение совершенного вида. Данное значение реализуется в контексте.

Значение ‘достижение взаимопонимания и согласованности’ выражено префиксом *с-* и постфиксом *-ся* (*сыграться*) и соответствует лексическому словосочетанию *достичь согласованности, взаимопонимание в игре*.

Значение ‘совершить действие, названное мотивирующим глаголом, довести до результата’ представлено префиксом *вы-* (*выиграть*).

Однократность действия в лексеме *играну́ть* выражено суффиксом *-ну-*. Русскому глаголу эквивалентом в немецком языке может быть только словосочетание с наречием в контексте, так как данное значение не выражается на морфемном уровне.

Словосложение является продуктивным способом словообразования в немецком языке. Однако глагол *spielen* ‘играть’ неактивно участвует в словосложении. Являясь вторым частотным компонентом в составе сложных глаголов, данный глагол сохраняет свою исходную семантику. С наречиями в качестве первых частотных компонентов образуются следующие сложные глаголы: *herunterspielen* ‘1. умалять значение, преуменьшать; 2. затушевывать, принижать; 3. играть мелодию или партию в более низкой октаве, чтобы сделать ее тише или менее выразительной; *hineinspielen* ‘1. вмешиваться (в ход событий, в разговор); 2. влиять, играть на руку (кому-то) или быть в пользу (кого-то); 3. вступать в игру; *zusammenspielen* ‘играть вместе’. Таким образом, сложные глаголы *herunterspielen* и *hineinspielen* соответствуют в русском языке лексическим словосочетаниям или лексемам, не относящимся к глаголу *играть*. Регулярным компонентом для передачи деривационного значения немецкого глагола и заполнения межязыковой лакуны может быть только наречие *вместе,* например: *zusammenspielen* ‘играть вместе’, *zusammenarbeiten* ‘работать вместе’, *zusammengießen* ‘сливать вместе’, *zusammenleben* ‘жить вместе’ и другие. Следует отметить, что сложные глагольные лексемы с первым частотным компонентом *zusammen-* соответствуют словосочетанию с наречием *gemeinsam* ‘вместе, сообща’: *spielen* ‘играть’ → *zusammenspielen, gemeinsam spielen* ‘играть вместе’, *arbeiten* ‘работать’ → *zusammenarbeiten, gemeinsam arbeiten* ‘работать вместе’.

Как показало исследование, ряд словообразовательных значений характерен только для одного из языков. Однако возникающие словообразовательные межъязыковые лакуны могут быть заполнены другими средствами. Как в русском, так и немецком языках среди средств выражения номинативных значений есть единицы, способные выступить в деривационной функции, например: глагол *начинать / beginnen,* в русском языке наречие *вдоволь,* в немецком языке наречие *gemensam* и другие. Словосочетание в деривационной функции способно заменить соответствующий глагол. Деривационное словосочетание и эквивалентный ему глагол входят в один номинативный ряд. Регулярно соответствующая деривационная лексема способна заполнить как внутриязыковые лакуны, так и межъязыковые лакуны. Сопоставительное изучение деривационных значений способствует выявлению средств, заполняющих лакуны, и облегчает изучение сопоставляемых языков.

Литература

1. Ананьева, Н. Е. Проблемы сопоставительного анализа префиксальных глаголов в языках древнего периода (на материале префиксальных глаголов с до-/do- в древнепольском, древнечешском и древнерусском языках) / Н. Е. Ананьева // Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков / А. Г. Широкова [и др.] ; под ред. А. Г. Широковой. – М., 1998. – С. 229–325.

2. Никитевич, В. М. Основы номинативной деривации / В. М. Никитевич. – Минск : Выш. шк., 1985. – 157 с.

3. Никитевич, А. В. Русский глагол в составе номинативных рядов / А. В. Никитевич. – Гродно : Гродн. гос. ун-т, 2004. – 347 с.

4. Дорош, Н. Л. Отсубстантивные глаголы в составе номинативных рядов в русском и белорусском языках : дис. … канд. филол. наук : 10.02.02, 10.02.01 / Дорош Наталья Леонардовна. – Гродно, 2022. – 138 л.

5. Лавыш, М. А. Номинативные ряды глаголов-отадъективов в русском и белорусском языках : дис. … канд. филол. наук : 10.02.02, 10.02.01 / Лавыш Марина Андреевна. – Гродно, 2022. – 137 л.

6. Харитончик, З. А. Очерки о языке. Теория номинации. Лексическая семантика. Словообразование : избр. тр. / З. А. Харитончик ; Мин. гос. лингвист. ун-т. – Минск : МГЛУ, 2004. – 363 с.

7. Скоробогатая, Т. И. Номинативные ряды глаголов физического воздействия в русском и немецком языках : дис. … канд. филол. наук : 10.02.20 / Татьяна Иосифовна Скоробогатая. – Гродно, 2017. – 20 л.

Гродненский государственный
университет имени Я. Купалы

Поступила в редакцию 14.01.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (157), 2026

УДК [811.161.3+811.581]’373.7’42+398.91(045) EDN: VRTLEM

Особенности экспликации пространственного понятия «близко» в белорусской и китайской паремиологической картине мира

П.А. Сыропарова

В статье рассматриваются особенности восприятия физического и социального пространства в белорусской и китайской лингвокультурах. Анализируется процесс экспликации пространственного понятия «близко» в паремиологической картине мира белорусского и китайского языков. Выявлено общее и отличное в структуре и семантике паремий сравниваемых языков. Проанализированы примеры соответствующих выражений из белорусских и китайских произведений.
Ключевые слова: пространство, понятие «близко», паремиологическая картина мира, белорусская лингвокультура, китайская лингвокультура.

The article examines the features of perception of physical and social space in Belarusian and Chinese linguocultures. The process of explication of the spatial concept «close to» in the paremiological worldview of Belarusian and Chinese languages is analyzed. The similarities and differences in the structure and semantics of the paremias of the compared languages were revealed. The examples of corresponding paremias from Belarusian and Chinese literary works are analyzed.
Keywords: space, the concept «close to», paremiological worldview, Belarusian linguoculture, Chinese linguoculture.

Проблема человека и пространства всегда интересовала исследователей разных научных отраслей: физики, географии, философии, психологии, в том числе и языкознания. Для интерпретации особенностей любой языковой картины мира необходимым условием является анализ того, как в человеческом сознании отражён он сам, так и окружающее его пространство. Оно, наряду со временем, представляет собой важнейшее свойство бытия материи, один из определяющих параметров существования действительности и основополагающую форму человеческого опыта [1, с. 147]. Пространство может быть рассмотрено как контейнер, в котором существуют объекты и происходят события или как абстрактная структура, определяющая отношения между объектами. Объектом может выступать как отдельный предмет (тело), так и целая система предметов.

Вопрос о фундаментальных аспектах собственного бытия всегда волновал человечество. В глубокой древности понятие «пространство» представлялось витальным, поскольку шансы и условия для выживания и существования в большей степени определялись способностью ориентации в пространстве и времени. На современном этапе развития человечества этот вопрос не утратил свою актуальность, однако сейчас носит более философский характер.

Многочисленные лингвистические исследования показывают, что пространственные представления отражаются на всех языковых уровнях. Особое место в ряду таких исследований занимает изучение экспликации понятия «пространство» в паремиологической картине мира. Языковая картина мира как таковая представляет собой мировоззрение, закреплённое в языке, а паремиологическая картина мира раскрывается через анализ паремиологического фонда конкретного этноса. Поскольку паремиологическая картина мира является частью языковой картины мира и, соответственно, языкового сознания данного этноса, исследование паремий предоставляет возможность глубже понять как специфику языковой репрезентации исследуемых понятий, так и особенности их восприятия определённой лингвокультурой. Именно паремиологический фонд языка представляет собой «…некое замкнутое лингвистическое пространство, в котором фиксируется в целом семантическое поле исследуемого концепта, сложившееся на протяжении многовековой культурной истории…» [2, с. 161].

Этнокультурная специфика экспликации понятий, воплощённых в языке, становится особенно заметной при сопоставлении разноплановых лингвокультур. Именно поэтому для лингвиста представляет безусловный интерес компаративное исследование паремиологиче-

ских единиц. Материалом для данной статьи послужили паремии белорусского и китайского языков, отобранные из соответствующих словарей: «Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы» І.Я. Лепешава [3]; «Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў» С.Ф. Івановай, Я. Я. Іванова [4]; «Учебный русско-китайский фразеологический словарь» Н.В. Баско, Лай Инчуань, Чанг Джуй Ченг [5]; «Китайско-русский фразеологический словарь» К.В. Толмац [6]. Примеры употребления паремий в произведениях взяты из Национального корпуса белорусского языка [7] и Корпуса китайского языка Пекинского университета языка и культуры (BCC 语料库) [8].

В данной статье понятие «пространство» рассматривается как в физическом, так и в социальном плане. Под физическим пространством понимается трёхмерное, измеряемое пространство, включающее в себя физические объекты и связанные с ними явления. Под социальным – способ организации совместной жизнедеятельности людей, упорядоченное множество социально-экономических позиций, социальные дистанции и взаимное расположение индивидуальных и коллективных субъектов общественной жизнедеятельности на этих позициях относительно друг друга [9, с. 31]. Наиболее продуктивным пространственным понятием, экспликация которого находит отражение в большом количестве как белорусских, так и китайских паремий, является «близко». Анализ отобранных паремиологических высказываний позволил сделать вывод о том, что в сравниваемых лингвокультурах понятие «близко» определяется их представителями не только как степень удалённости между объектами, но и как модель отношений между людьми: степень родства, дружбы и доверия, а также социальное положение.

Физический аспект пространственного понятия «близко». Как известно, концептуализация окружающей нас реальности осуществляется относительно некого центра: присутствия человека в определённом моменте и месте. Процесс членения времени начинается от точки «Я – сейчас», восприятие пространства происходит также эгоцентрично, от точки «Я – здесь». Именно относительно своего местоположения в сознании человека формируются такие пространственные координаты, как «далеко – близко», «вверх – вниз», «спереди – сзади», «снаружи – внутри», «слева – справа» и др. Как отмечает Е.С. Яковлева: «Идею антропоцентричности языка в настоящее время можно считать общепризнанной» [10, с. 49].

Одним из подтверждений антропоцентричности является преобладание паремий, содержащих в своём составе компоненты-соматизмы, т. е. лексемы обозначающие части тела человека или животного. Так как близость предмета определяется его досягаемостью, наиболее частотной лексемой для обозначения небольшого расстояния является **рука**. В белорусском языке употребляются выражения *пад рукою, пад рукамі, рукой падаць*. Пр.:

– *У сенцах яна скінула з сябе старую пашарпаную світку, парудзелыя шкарбаны і зблеклую шаліноўку, узяла на століку газніцу, якая заўсёды стаяла ў сенцах* ***пад рукамі*** *на ўсякі неспадзяваны прыпадак, запаліла яе і …* (Цішка Гартны, «Сокі цаліны»).

– *Здаецца, вось-вось ужо блізка, хоць* ***рукой падаць****, аглядаецца: ані троху бліжэй не дабраўся да іх... (Змітрок Бядуля, «Абразкі»).*

В китайском языке на ряду с лексемой *рука* 伸手可得 shēnshǒukědé (букв. быть на расстоянии вытянутой руки), 在手邊 zàishǒubiān (букв. под рукой) используется лексема **плечо** 比肩 bǐjiān (букв. плечи рядом). Пр.:

– 工作台要保持清洁、卫生，维修工具齐全，并放**在手边** (Рабочий стол должен содержаться в чистоте, а все необходимые инструменты для ремонта должны быть под рукой) (BCC 语料库).

– <…>, 街衢换新颜， 空港同海港竞渡， 公路偕铁路**比肩** (Улицы преобразились, аэропорт не уступает морскому порту, а автомагистрали стоят бок о бок с железной дорогой) (BCC 语料库).

Предмет, располагающийся близко, также легко увидеть, поэтому в обоих языках используется соматизм **глаза**. В белорусском языке: *перад вачамі, вочы ў вочы, вока у вока.* Пр.:

– *Гэтая табліца як справачнік знаходзіцца заўсёды* ***перад вачыма вучняў****; па ёй можна вясці практыкаванні на складанне новых слоў і спалучэнняў* (Якуб Колас, «Методыка роднай мовы»).

В китайском языке употребляется паремия 近在眼前 jìnzàiyǎnqián (букв. близко перед глазами). Пр.:

– 京，早晚高峰期坚决不开车怎么还在堵啊. 每天早晨上学. 学校**近在眼前**. 却要活生生等十五分钟才能挪到学校 (В Пекине я категорически отказываюсь ездить в час пик, почему там до сих пор такие пробки? <…> Школа находится прямо передо мной, но нам приходится ждать целых пятнадцать минут, чтобы добраться до неё) (BCC 语料库).

Важно отметить, что количество белорусских паремий со значение «близко», в состав которых входят компоненты «части тела», преобладает над китайскими. Помимо вышеописанных соматизмов **рука, плечо** и **глаза**, в белорусском языке широко употребляется слово **нос:** *пад самым носам, з-пад носа, перад носам, носам к носу, носам у нос, нос у нос;* **ухо:** *над самым вухам;* **лоб:** *лоб у лоб;* **грудь:** *грудзі ў грудзі,* **плечи:** *за плячамі / плячыма;* **спина:** *за спінай.*

Наряду с антропоцентрической моделью определения расстояния в белорусской культуре встречаются паремии, в основе которых лежит анималистический образ: *на вераб'іны скок, на жабін скок*. Пр.:

– Пазнасіў снапы, мой ты добры муж,

*З нашай постаці – што **на жабін скок**,*

Змалаціліх іх мы у два цапы (Янка Сіпакоў, «Ростань»).

В белорусской паремиологии довольно часто используются представители фауны для метафоризации черт характера человека, его поведения, физических способностей и др. В данных же паремиях мотивированность употребления таких животных как жаба и воробей обусловлена не столько их качествами, сколько их способностью преодолевать только крайне малое расстояние за одно движение (скок – прыжок). Употребление анималистического компонента в подобных высказываниях обусловлено особенностями традиционной белорусской языковой картины мира, сформированной в условиях сельской культуры и тесной связи человека с природой. В отсутствие четко сформированной системы единиц измерения пространство осмысливалось через наблюдаемые и легко соотносимые с повседневным опытом ориентиры, поэтому животные выполняли функцию некой естественной шкалы измерения пространства, основанной на зрительном и кинетическом восприятии.

Помимо концептуализации пространства через телесную или зооморфную призму, в белорусском языке присутствуют единицы, в которых степень удалённости объекта соотносится с природным ландшафтом, как, например, в паремиях *не за гарамі, не за гарой*. Пр.:

– Не за сінімі марамі,

*Блізка тут, **не за гарамі**,*

Нехта з нашага жыхарства

Недзе шмат папаў лякарства (Кандрат Крапіва, «Вось такія дактары вымуць душу без пары»).

*– Прэць Янук пехатою, – свой кут **не за гарою**;*

Сэрца б'ецца, як выскачыць хоча.

Вот і вёска, вот брама, стаіць хатка таксама! (Янка Купала, «Шчасце»).

Несмотря на отсутствие горных массивов на территории Беларуси, «гора занимает значительное место в структуре традиционного культурного ландшафта и в мифопоэтической картине мира белорусов». С точки зрения пространственного членения, предмет, располагающийся за горой, находится очень далеко. Такое восприятие может быть обусловлено несколькими причинами. Во-первых, «гора – это пространственная точка, максимально приближенная к небу, где коммуникация человека с Богом или представи-телями божественной сферы является наиболее эффективной». Гора выступает также своеобразным ритуальным пространством, например, «на территории Белорусского Подвинья подавляющее большинство сельских кладбищ и храмов локализуются, если позволяют условия рельефа, именно на возвышенностях», в связи с чем гора ассоциируется с далёким, загробным миром. Также в бытовом плане гора (название для чердака дома) «точно так же, как и природная возвышенность, воплощает верхнюю сферу мироустройства…» [11, с. 25–27]. Именно поэтому пространственным ориентиром для определения степени отдалённости предмета выступает гора.

В китайском языке также присутствуют паремии, происхождение которых обусловлено национально-культурной спецификой. Так, для выражения значения «небольшое расстояние» используется паремия 近在咫尺 jìn zài zhǐchǐ (букв. находиться на расстоянии джи и чи). В основу данного выражения легла традиционная китайская система измерений: 1 чжи приравнивается примерно 27 сантиметрам, а 1 чи – 33 сантиметрам. Пр.:

– 久居银川的人，也不见得知道：浩瀚的腾格里沙漠与银川市**近在咫尺** – 直线距离仅12公里 (Даже старожилы Иньчуаня, возможно, не знают, что обширная пустыня Тэнгер находится совсем рядом с городом Иньчуань – всего в 12 километрах по прямой) (BCC 语料库).

Помимо национально-культурного компонента (названия реалий материальной и духовной культуры, имена известных персон, обычаи и праздники, исторические события и др.) на особенности формирования паремиологического высказывания влияют также общепринятые, устоявшиеся способы использования данного языка, т. е. узус [12, с. 21]. При анализе структуры белорусских и китайских паремий можно выявить, что модель, по которой строится логика членения пространства, основанная на антропологическом факторе, выглядит следующим образом (рисунок 1).

Рисунок 1 – Модель членения пространства

Вместе с тем в китайском языке представлен иной способ концептуализации пространственной близости. Так в паремии 近在眉睫 jìn zài méijié (букв. находиться близко как брови и ресницы) значение «близко» выражается через минимальное расстояние между частями самого тела. Аналогичным образом выражение 比肩继踵 bǐjiān jìzhǒng (букв. приваливаться плечом к плечу и касаться пятками) репрезентирует предельную степень приближённости через образ тесного физического контакта. Для белорусской же паремиологии подобная структурно-семантическая модель является нетипичной.

Социальный аспект пространственного понятия «близко». Репрезентация степени социальной близости между объектами в белорусской и китайской паремиологической картине мира реализуется в рамках нескольких тематических групп:

1) родство;
2) дружба;
3) помощь;
4) нарушение личного пространства;
5) социальный статус.

Для вышепредставленных групп характерно использование лексем-соматизмов в структуре паремий, так же, как и для выражения значения «близко» с физической точки зрения. Так, например, в первой группе для экспликации родства между людьми как в белорусском, так и в китайском языках используется кровно-телесная метафора, за основу которой берётся идея продолжения человеческого рода: *косць ад косці, кроў ад крыві, плоць ад плоці, плоць і кроў, свая кроў,* 骨肉相连 gǔròu xiānglián (букв. связаны кровью, кость и плоть соединицы). Пр.:

– *Нічыпар не мог парадавацца, што аб’явіўся сын. Усё ж, як ні кажы,* ***свая кроў*** (Раман Сабаленка, «Пасынак»).

– 俺还有同类！本是同根 – **骨肉相连** (Есть и другие, похожие на меня! Мы все произошли от одного корня, связаны кровью и плотью) (BCC 语料库).

В следующей тематической группе близость людей осмысляется через понятие дружественные связи. В белорусской лингвокультуре условием для социальной близости является сокращение дистанции: *на блізкую нагу, на кароткай назе*. А также переход на равный уровень общения: *на ты, на роўную нагу, на адну нагу.* Пр.:

– Голанд з радасцю глядзеў на сына: «Удалы хлопец! Здаравяк, смяльчак і не дурань... І з Патржанецкім, відаць, ***на кароткай назе*** <…>» (Аркадзь Чарнышэвіч, «Світанне»).

В китайской лингвокультуре близость выражается не через отсутствие дистанции между людьми, а через определённую поведенческую модель: 不分彼此 bùfēn bǐcǐ (букв. не делить на свое и чужое), 打得火热 dǎde huǒrè (букв. установить тёплые отношения), 称兄 道弟 chēngxiōng dàodì (букв. называть друг друга братьями). Пр.:

– 谈情说爱的年纪了！男孩子心中有了意中人，总不免会忽略与自己曾**称兄 道弟** (Они в том возрасте, когда их мысли заняты романтикой! Когда мальчику кто-то нравится, он неизбежно забывает о тех, кого раньше называл братьями) (BCC 语料库).

В белорусской и китайской паремиологической картине мира социальная близость выступает гарантом помощи и сотрудничества, такое представление находит отражение в высказываниях *на падхваце, плячо к плячу, плячо ў плячо,* 攜手共進 xiéshǒu gòng jìn (букв. идти рука об руку), 戮力同心 lùlì tóngxīn (букв. объединив усилия), 并肩作 bìngjiān zuò (букв. сотрудничать плечом к плечу). Можно отметить, что в обоих языках фигурирует лексема **плечо**. Именно эта часть тела чаще всего ассоциируется с поддержкой и силой во многих культурах, поскольку может выдержать большой вес и служит опорой при физическом контакте. Пр.:

– <…> з ворагаў яны стануць нашымі саюзнікамі і **плячо ў плячо** з намі пойдуць супраць сваіх прыгнятальнікаў (Якуб Колас, «Дрыгва»).

– 青青青门下 他们一齐不分寒暑，咬牙苦练 他们一同闯荡江湖，**并肩作**战 (Под руководством секты Цинцин они неустанно тренировались, несмотря на жару и холод они вместе, плечом к плечу, странствовали по миру боевых искусств) (BCC 语料库).

Помимо значения родства, дружбы и помощи пространственное понятие «близко» может нести в себе негативную коннотацию. В данном случае чрезмерная социальная близость является нежелательной и сигнализирует о нарушении личного пространства объекта. Такая ситуация отражена в паремиях *вісець на плячах, вісець на хвасце, садзіцца на хвост, ні на крок,* 寸步不离 (букв. не отходить ни на шаг). Пр.:

– Тут былі і Грышка, і Цімка, і Кітка, але мне з імі не давялося пабыць ні хвілінкі: мамка не адпускала мяне ад сябе ***ні на крок*** (Янка Маўр, «Шлях з цемры»).

– <…> 师姊高兴得不得了，整天跟在他身旁**寸步不离**齐怀瑛说得口沫横飞，乔语双可是听得心头不爽 («<…> старшая сестра вне себя от радости, она весь день ходит за ним по пятам, не отходя ни на шаг…» – оживленно говорила Ци Хуайин, но Цяо Юшуан была этим крайне раздражена) (BCC 语料库).

Последняя тематическая группа, где понятие «близко» является показателем равного социального статуса, представлена паремиями только китайского языка. Такая особенность может быть обусловлена высокой степенью иерархичности китайского общества, где социальная дистанция нормативно закреплена и культурно значима. В условиях чётко осознаваемой стратификации достижение равенства становится особым этапом, поэтому находит отражение и на языковом уровне: 并驾齐驱 bìngjiàqíqū (букв. идти на равне), 步调一致 bùdiào yízhì (букв. шагать в едином темпе/в одном направлении), 等量齐观 děng liàng qí guān (букв. ровнять по одной величине). Пр.:

– 着眼于文明，使中国学问与欧美并驾，让将来民国文明和各国**并驾齐驱** (Сосредоточившись на развитии цивилизации, мы стремимся вывести китайский уровень образования на один уровень с европейским и американским, а также обеспечить, чтобы цивилизация Китайской Республики в будущем соответствовала уровню других стран) (BCC 语料库).

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. В сравниваемых лингвокультурах пространственное понятие «близко» определяется их представителями и как степень удалённости между объектами, и как модель отношений между людьми.

2. При экспликации понятия «близко» в физическом аспекте для белорусских и китайских паремий характерно преобладание лексем-соматизмов, что обусловлено эгоцентричным характером членения окружающей реальности.

3. Репрезентация степени социальной близости между объектами в белорусской и китайской паремиологической картине мира реализуется в рамках нескольких тематических групп: родство; дружба; помощь; нарушение личного пространства; социальный статус.

4. Различия в экспликации пространственных отношений между белорусским и китайским языком обусловлены национальной спецификой изучаемых лингвокультур, а также устоявшимися способами использования конкретного языка, т. е. узусом.

Литература

1. Кузьмина, Е. А. Паремии как лингвокультурная репрезентация языковой личности: на материале немецкого языка : дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Кузьмина Елена Анатольевна ; Тамбов. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 2002. – 197 л.

2. Тань, Аошуан. Китайская картина мира : язык, культура, ментальность / Тань Аошуан. – М. : Яз. славян. культуры, 2004. – 240 с.

3. Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Бел. энцыкл., 2004. – 448 с.

4. Іванова, С. Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў : лінгвакраіназнаўчы дапаможнік / С. Іванова, Я. Іваноў. – Мінск : Бел. фонд Сораса, 1997. – 262 с.

5. Баско, Н. В. Учебный русско-китайский фразеологический словарь (на материале российских средств массовой информации) / Н. В. Баско, Лай Инчуань, Чанг Джуй Ченг. – СПб., 2016. – 192 с.

6. Толмац, К. В. Китайско-русский фразеологический словарь : около 2000 словосочетаний с иллюстративными примерами / К. В. Толмац. – М. : Вост. кн., 2009. – С. 506.

7. Нацыянальны корпус беларускай мовы. – URL: https://bnkorpus.info/index.html (дата обращения: 11.02.2026).

8. BCC语料库 = Корпус китайского языка Пекинского университета языка и культуры. – URL: https://bcc.blcu.edu.cn/ (дата обращения: 09.02.2026).

9. Иванов, А. И. Социальное пространство как научное понятие и как объект эмпирического изучения / А. И. Иванов // Научный результат. Серия : Социальные и гуманитарные исследования. – 2015. – № 3. – С. 29–34.

10. Яковлева, Е. С. О некоторых моделях пространства в русской языковой картине мира / Е. С. Яковлева // Вопросы языкознания. – 1993. – № 4. – С. 48–62.

11. Лобач, В. А. Символика гор в традиционной картине мира белорусов Подвинья / В. А. Лобач // Живая старина. – 2012. – Вып. 3/12. – С. 25–29.

12. Крысин, Л. П. К соотношению системы языка, его нормы и узуса / Л. П. Крысин // Коммуникативные исследования. – 2017. – № 2 (12). – С. 20–31.

Белорусский государственный
университет иностранных языков

Поступила в редакцию 20.02.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (157), 2026

УДК 811.161.3’42’373.46:637.1/.637.3:398.91(=161.3) EDN: VTAPAX

Малочныя вырабы ў беларускіх прыказках і прымаўках

К.Л. Хазанава

У артыкуле даследуюцца беларускія народныя прыказкі і прымаўкі з найменнямі малочных вырабаў. Дастатковая колькасць найменняў малочных вырабаў адлюстроўвае пашыранасць гэтых прадуктаў у жыцці беларусаў. Назвы малочных прадуктаў у беларускіх парэміях маюць агульнаславянскае паходжанне. Некаторыя найменні (*малако, масла, сыр*) выкарыстоўваюцца ў выслоўях часцей, што можа ўказваць на большую папулярнасць адпаведных прадуктаў. Сярод адзінак разгледжанай лексіка-тэматычнай групы вызначаюцца варыянты (*сыроватка, сываратка*) і сінанімічныя моўныя адзінкі (*тваражок, сыр*).
Ключавыя словы: фальклор, прыказка, прымаўка, парэмія, традыцыя, этымалогія, лексема, найменне.

The article researches Belarusian folk proverbs and sayings with the names of dairy products. A significant number of these names in Belarusian proverbs reflects the prevalence of these products in the lives of Belarusians. The names of dairy products in Belarusian proverbs are of Proto-Slavic origin. Some nouns (*milk, butter, cheese*) are used in the sayings more often, which may indicate greater popularity of the corresponding products. Among the units of the considered lexical-thematic group, variants (*serum, whey*) and synonymous linguistic units (*cottage cheese, cheese*) are identified.
Keywords: folklore, proverb, saying, paremia, tradition, etymology, lexeme, naming.

Беларускія народныя прыказкі і прымаўкі атрымалі ў беларускім мовазнаўстве і фальклярыстыцы дастатковую даследчыцкую ўвагу. Аднак прыказкавая скарбонка беларусаў з’яўляецца невычэрпнай крыніцай фактычнага матэрыялу як для даследавання фальклору ў цэлым, так і для вызначэння асобных тэндэнцый развіцця беларускай мовы.

Мэта дадзенага артыкула – характарыстыка стылістычных адметнасцей выкарыстання найменняў малочных вырабаў у беларускіх народных прыказках і прымаўках.

Слоўнікавы склад беларускіх народных прыказак і прымавак дае магчымасць прасачыць традыцыйныя накірункі вытворчасці малочнай прадукцыі ў народнай гаспадарцы. Спрадвеку беларусы займаліся не толькі апрацоўкай зямлі, вырошчваннем зерневых культур, садавіны і гародніны, але і разводзілі свойскую жывёлу. Выраб малочнай прадукцыі заўсёды быў важнай галіной дамашняга ладу беларусаў. Высакаякасныя малочныя вырабы традыцыйна былі і трывала працягваюць заставацца гонарам беларускай харчовай прамысловасці. Паводле дадзеных, прыведзеных на электронным рэсурсе Нацыянальнай бібліятэкі Рэспублікі Беларусь, у беларускай традыцыйнай кулінарыі налічваецца «прыкладна 260 малочна-тварожных страў» [1].

Павышаная ўвага да вытворчасці малака і малочных вырабаў абумоўлена ўласцівасцямі малочных прадуктаў і іх неабходнасцю для жыццядзейнасці чалавека. Малако ўтрымлівае вялікую колькасць рэчываў, у якіх чалавечы арганізм мае патрэбу і якія надзвычай неабходныя для здароўя. Нездарма малако – гэта першы прадукт, які спажывае немаўля. Асобныя са складнікаў малака немагчыма знайсці ў іншых натуральных прадуктах.

Найменні многіх з малочных вырабаў, страў і прадуктаў, з якіх яны гатуюцца, захаваліся ў беларускіх народных прыказках і прымаўках. Часцей за іншыя натуральна ў выслоўях адзначаецца лексема *малако*. У выразах часта падказваецца, як з’яўляецца малако: *Як быка ні кармі,* ***малака*** *не дасць* [2, с. 616]; *Цяліся, карова ялова, абы бабе* ***малако*** *было* [3, с. 198]; *У ялавай каровы* ***малака*** *не выціснеш* [3, с. 198]. І нават прапануюцца рэкамендацыі для павышэння якасці вырабу: *Карову не накорміш –* ***малака*** *не надоіш* [3, с. 200]; *Не вымем карова* ***малако*** *дае, да языком* [3, с. 200]; *Як пашла карова па пракосе, то* ***малако*** *ўнялося, а як пойдзе на ржышча, то і* ***малако*** *назад зышча* [3, с. 200].

Парэміі апавядаюць пра важнасць прадукту для жыцця чалавека, а таксама падкрэсліваюць павагу да напою з боку добрых гаспадароў: *Мілага госця частуюць летам мёдам, а зімою* ***малаком*** [3, с. 396]. Назва прадукту пры гэтым можа спалучацца з

ад’ектывам, што трапна ўказвае на колер: *І чорна карова **белае малако** дае* [3, с. 198]. У некаторых выслоўях колер выражаецца з дапамогай мастацкага азначэння: *Вялікае дзіва, што карова чорна, а **малако сіва*** [3, с. 198].

У беларускіх парэміях таксама абмяркоўваюцца пажыўныя якасці малака. Выразы заўважаюць: *Па **малаку** ног не павалаку* [3, с. 246]; *Аб адным **малацэ** косу не пацягнеш* [3, с. 246]; ***Малошная** яда – да парогу хада* [3, с. 246]. Разам з тым, малако, па заўвазе прыказак, і раней бывала рознай якасці: *Як з якім **малаком**, дак лепей з вадою* [3, с. 246]. Малако, па сведчанні народных выслоўяў, спрадвеку было добрым і вельмі карысным і неабходным прысмакам да іншых страў: *Як клёцкі ў **малаку**, то я па дзве валаку, а як у водзе, то раз, два і годзе!* [3, с. 246]; *Дзе з **малаком** каша, там міласць ваша, а й дзе ж пуга з вузлом, туды і нас з гузном* [3, с. 396].

Пашыраным у фальклоры беларусаў увогуле і ў прыказках і прымаўках, у прыватнасці, з’яўляецца выкарыстанне суфіксаў суб’ектыўнай ацэнкі пры найменні рэалій, што выклікаюць асаблівыя адносіны аўтараў паведамлення. Ужыванне дэмінутыўнага наймення перадае замілаванасць і трапяткое стаўленне да карыснага напою: *Кароўка чорненькая, ды **малачко** беленькае* [3, с. 198].

Важнасць і значнасць такога карыснага для здароўя чалавека прадукту, як малако, паўплывала на метафарычнае ўжыванне наймення прадукту. У многіх прыказках і прымаўках лексема *малако* вобразна называе добры маёмасны стан увогуле, багацце: *Відзіць бядняк **малако**, ды рыла ў яго каратко* [3, с. 222].

Старажытныя складальнікі фальклорных твораў добра ведалі якасці прадуктаў, што выкарыстоўваліся ў гаспадарстве і харчаванні. Гэта часта станавілася падставай цікавых вобразных асацыяцый. Супастаўленне якасных характарыстык вады і малака працягваецца пры метафарызацыі наймення, калі лексема *малако* ўжываецца з семантыкай ‘вялікія і значныя цяжкасці’: *Апёкшыся на **малацэ**, <і> на ваду дзьмеш (дзьмухаеш)* [2, с. 75].

Папулярным у беларускіх кулінарных традыцыях было не толькі ўласна малако. Традыцыйная кулінарыя беларусаў з даўніх часоў ведае іншыя малочныя вырабы, для якіх малако становіцца сыравінай. Вялікая частка гэтых вырабаў узгадваецца ў народных парэміях, слоўнік якіх адлюстроўвае акаляючую рэчаіснасць стваральнікаў і карыстальнікаў фальклору. Адны з найменняў сустракаюцца ў шматлікіх выразах, іншыя выяўляюць меншае распаўсюджанне.

Частым найменнем у разгледжаным фальклорным матэрыяле варта назваць лексему *масла*. Адпаведны малочны выраб здаўна набыў папулярнасць у беларускім харчаванні. Выкарыстоўваецца масла як прысмак, а таксама як сродак для смажання. Толькі напрыканцы XX ст. масла ў якасці сродку смажання пачало саступаць свае пазіцыі алею, аднак і дагэтуль працягваюцца кулінарна-харчовыя дыскусіі аб карыснасці абодвух прадуктаў і застаюцца нязменныя прыхільнікі смажання на масле.

Згодна з беларускімі народнымі парэміямі, масла ўжывалася як улюбёная намазка на хлеб: *Мазуру біцца, так як людям хлеб з **маслам** з'есць* [3, с. 508]. Абавязкова дадавалася масла ў кашу – страву, якая характарызавалася надзвычайнай папулярнасцю ў традыцыйнай гатоўцы славян і часта называецца беларускімі прыказкамі і прымаўкамі [4, с. 167]. Нагадаем, што «прыказкі распавядаюць пра разнастайнасць злакавых культур, што выкарыстоўваюцца для гатавання кашы і нават вызначаюць больш смачную» [4, с. 167].

Народная мудрасць праз прыказкавыя выслоўі раіць: *Заварыўшы кашы, не жалей **масла*** [3, с. 246], а таксама нагадвае: *Любая кашка з **маслам** смашна* [3, с. 225]; ***Маслам** кашы не змарнуеш* [3, с. 247]. А народныя шматвяковыя назіранні за сацыяльным укладам грамадства прывялі да высновы: *Багатаму і чорт у кашу **маслам** кідае* [3, с. 422]. У народнай парэмійнай скарбонцы адзначаюцца цікавыя назіранні пра кашу і масла – вынікі народнага параўнальна-супастаўляльнага аналізу: *Смачная кашка, ды **масла** малая чашка* [3, с. 247].

Этнографы адзначаюць, што «даўнейшы спосаб атрымання масла – праз адагрэў смятаны, пазней яго сталі збіваць (калаціць) у гліняным посудзе, потым у спецыяльных бойках» [1]. У выслоўях адлюстраваліся і спосабы вырабу масла: *У пустую бочку сколькі не бі, дык **масла** не будзе* [3, с. 226]. Не прамінулі прыказкі і характарыстыкі названага малочнага вырабу: *Калі здолееш узяцца за дзела – і снег загарыцца, а не здолееш – і **масла** не ўспыхне* [3, с. 182].

Пра папулярнасць у народных традыцыях усходніх славян масла сведчыць і назва аднаго са свят беларускай календара. Напрыканцы зімы ўсходнія славяне спрадвеку адзначаюць Масленіцу. Гэтыя апошнія дні перад Вялікім Пастом, калі ў стравах выкарыстоўваюцца малочныя і мясныя вырабы. Розныя варыянты наймення свята фіксуюцца ў прыказках і прымаўках, дзе якраз і тлумачацца адметнасці традыцыйнай ежы ў гэтыя дні, а такім чынам і ўспамінаюцца назвы традыцыйных малочных вырабаў: ***Масленіца*** *– палізуха:* ***сыр*** *і* ***масла*** *палізала* [3, с. 96]; ***Масленка*** *з блінамі, а пост з грыбамі* [3, с. 96]; *Будзе* ***Масленка****, будзе ля пупа красненька* [3, с. 96].

Этнографы сведчаць, што здаўна беларусы «з малочных прадуктаў спажывалі малако, тварог, сыр, смятану, сыроватку, маслёнку (скалоцвіны), малодзіва (серу). Малако елі халодным, гатаваным, але пераважна кіслым. Сырадой здаўна лічыўся лекавым сродкам» [1]. У прыказкавым масіве беларусаў найменне *сырадой* ‘свежае (сырое), толькі што надоенае малако’ таксама сустракаецца: *Каму што, а бабе* ***сырадой*** [5, с. 79].

Як адзначаюць даследчыкі, «для заквашвання малака не ўжывалі ніякіх спецыяльных заквасак» [1]. Адпаведнае найменне кіслага малака фіксуецца ў даследаваных выслоўях: *Мне смятанка, а табе* ***кіслячок*** [5, с. 319].

Беларусам, як і іншым славянскім народам, здаўна былі добра вядомыя спосабы прыгатавання такіх малочных прадуктаў, як тварог і сыр. Варта ўспомніць некаторыя адметнасці такога вырабніцтва: «На тварог кіслае малако адтоплівалі ў печы, залівалі ў спецыяльны палатняны клінок, з якога сцякала сыроватка. Тварог у клінку завязвалі, памяшчалі паміж дошчачкамі пад камень (гнёт), праз пэўны час атрымліваўся сыр. Яго спажывалі свежым, у пост сушылі або складвалі ў дзяжу і залівалі растопленым маслам (масленіца, брынза)» [1].

Этымалогія наймення *тварог* неаднастайна тлумачыцца рознымі даследчыкамі. Вядомы славіст М. Фасмер прывёў некалькі версій паходжання слова [6, с. 31], самая верагодная з якіх, на наш погляд, утварэнне лексемы *тварог* ад старажытнарускіх і царкоўнаславянскіх *творъ* ‘форма’, *творити* ‘надаваць форму’. Прыгадаў даследчык і версію этымалагічнай сувязі лексемы тварог з народналацінскім *formaticum*, французскім *fromage*, італьянскім *formaggio* ‘сыр’ [6, с. 31].

Многія еўрапейскія мовы не прапануюць асобнага наймення ў якасці адпаведніка для слова *тварог*. Часцей сустракаецца адпаведнікі найменню *сыр*. А для дыферэнцыяцыі розных відаў указаных малочных вырабаў можа выкарыстоўвацца двухслоўная намінацыя *белы сыр* (іспанскае *queso blanco*) або вясковы сыр (англійскае *cottage cheese*).

У лексічным складзе беларускіх народных прыказак і прымавак лексема *тварог* і вытворныя ад яе таксама не пашыраныя і адзначаюцца ў адзінкавых выразах, прычым у спалучэнні з іншымі найменнямі вырабаў з малака: *Каму* ***смятанку*** *з* ***тваражком****, а каму й* ***сываратку*** *з гаршком* [3, с. 432].

Значна большае пашырэнне ў складзе беларускіх парэмій мае найменне *сыр*: *Варона скажа, што* ***сыр****, да й з'есць* [3, с. 66]. Этымалогія наймення звязана з адметнасцю прыгатавання прадукту. Раней сыр вырабляўся з сырога малака, і таму, відаць, паходжанне звязваецца даследчыкамі з прыметнікам *сыры* – ад праславянскага **syrъ* [7, с. 819]. Вырабніцтва сыра патрабуе значнай колькасці малака ў якасці сыравіны, і таму сыр заўсёды быў прадуктам дарагім. Гэта знайшло адлюстраванне ў беларускіх прыказках і прымаўках, якія сведчаць, што сыр ужывалі часцей па вялікіх святах: *Чакай Пятра – з'ясі* ***сыр*** [3, с. 103]; *На Каляды – кілбаса, на Вялікадня –* ***сыр****, а усё чалавек сыт* [3, с. 94]. А пра немагчымасць зрабіць і дасягнуць штосьці важнае і значнае, не ўклаўшы нічога прыказкі сцвярджаюць: *Дармовы (бясплатны)* ***сыр*** *бывае толькі ў мышалоўцы* [2, с. 160]. У беларускім фальклоры захавалася і ўстойлівае спалучэнне з найменнем *сыр*: *У Мазыры елі царскія* ***сыры*** [2, с. 521]. Выраз *есці царскія сыры* ‘знаходзіцца ў турме’ быў ужыты Якубам Коласам у аповесці «Дрыгва» і вобразна намякае на існаванне ў Мазыры месцаў пазбаўлення свабоды.

Пры вырабніцтве сыра і тварагу пабочным прадуктам застаецца малочная сыроватка. Трэба заўважыць, што «на сыроватцы гатавалі халаднік, варылі крупнік, пяклі бліны» [1]. У

беларускіх парэміях найменне вадкасці, што атрымліваецца пасля згортвання малака, мае варыянты: *Як тут не смятана, так там не* ***сыроватка*** [3, с. 293]; *Каму смятанку з тваражком, а каму й* ***сываратку*** *з гаршком* [3, с. 432]. Найменне, на думку Ф. Фасмера, узыходзіць да праславянскага **syrovatъ* ‘звязаны з сырам’ і **syrъ* [7, с. 816]. Ва ўсходнеславянскіх гаворках фанетычная метатэза прывяла да перастаноўкі гукаў. У гаворках рускай мовы захаваўся варыянт з метатэзай – *сыворотка*, які, пад уплывам білінгвізму, захоўваецца ў асобных беларускіх фальклорных творах паралельна з варыянтам *сыроватка*, уласцівым беларускім гаворкам.

Яшчэ адным прадуктам, для якога малако выкарыстоўваецца як сыравіна, з’яўляецца смятана. Гэты вадкі кісламалочны выраб густой кансістэнцыі ўяўляе сабой кулінарную спецыфікацыю ўсходніх славян. Найменне мае агульнаславянскае паходжанне **smętana* і, як адзначыў М. Фасмер, этымалагічна звязана з царкоўнаславянскімі *мѫтѫ, мѫсти* ‘мяшаць’ [7, с. 686-687]. Выразнае паважлівае стаўленне да вырабу і адлюстраванне яго каштоўнасці выяўляецца ў найменні *смятаннік* у адносінах да адзінага сына ў сям’і пры асабліва спрыяльных адносінах бацькоў да яго: *Адзін сын у сям’і – бліннічак,* ***смятаннік*** [2, с. 59]. У разгледжаных выразах адзначаецца суфіксальнае ўтварэнне *смятанка*: *Прадай лошадзь і санкі – купім з паўфунта* ***смятанкі*** [3, с. 275]; *Мне* ***смятанка****, а табе кіслячок* [5, с. 319]. Дэмінутыўнае ўтварэнне яскрава падкрэслівае, як і ў іншых выпадках, пазітыўныя адносіны да адпаведнай рэаліі. Варта ўспомніць, што «смятану збіралі з кіслага або з салодкага (пасля таго, як пастаяла ў халодным месцы) малака. Спажывалі як закрасу для баршчу, квасу, елі з блінамі» [1].

Значнасць для беларусаў малочных прадуктаў, іх разнастайнасць і распаўсюджанасць у штодзённым жыцці абумовіла частае выкарыстанне ў прыказках і прымавак некалькіх назваў малочных вырабаў: *Каб панам быў, у* ***масле*** *б плаваў,* ***сырамі*** *папіраўся* [3, с. 324]; ***Масленіца*** *– палізуха:* ***сыр*** *і* ***масла*** *палізала* [3, с. 96]; *Каму* ***смятанку*** *з* ***тваражком****, а каму й* ***сываратку*** *з гаршком* [3, с. 432].

Такім чынам, у беларускіх народных прыказках і прымаўках утрымліваецца дастатковая колькасць найменняў малочных вырабаў, якая адлюстроўвае пашыранасць гэтых прадуктаў у жыцці беларусаў у даўнія часы, што захавалася і ў наш час. Назвы малочных прадуктаў, выкарыстаныя ў беларускіх парэміях, маюць агульнаславянскае паходжанне. На беларускай моўнай глебе яны набылі беларускую фанетычную агаласоўку. Некаторыя найменні (*малако, масла, сыр*) выкарыстоўваюцца ў выслоўях часцей, што можа ўказваць на большую папулярнасць адпаведных прадуктаў. Сярод адзінак разгледжанай лексіка-тэматычнай групы вызначаюцца варыянты (*сыроватка, сываратка*) і сінанімічныя моўныя адзінкі (*тваражок, сыр*).

Літаратура

1. Беларуская нацыянальная кухня. – URL: https://bis.nlb.by/ru/news/5 (дата звароту: 21.09.2024).

2. Лепешаў, І. Я. Тлумачальны слоўнік прыказак / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч. – Гродна : ГрДУ, 2011. – 695 с.

3. Прыказкі і прымаўкі : у 2 кн. / рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – Кн. 1. – 560 с.

4. Хазанава, К. Л. Беларускія народныя прыказкі і прымаўкі з нутрыцыялагічнай лексікай / К. Л. Хазанава // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2021. – № 4 (127). – С. 166–170.

5. Прыказкі і прымаўкі : у 2 кн. / рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – Кн. 2. – 616 с.

6. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1985–1987. – Т. 4 : Т – ящур ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – 1987. – 864 с.

7. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1985–1987. – Т. 3 : Муза – Сят. ;пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – 1987. – 832 с.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 08.10.2025

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (157), 2026

УДК 821.161.1-3.09*В.Л.Кинг-Дедлов EDN: VTGHZZ

Болезнь и этническая идентичность российского писателя В.Л. Кигна-Дедлова

Цзи Хэхэ

На основе антропологического аспекта интерпретации болезни в статье рассматриваются тоска по родине, страх в русской школе и сомнение в своем таланте как симптомы болезни В.Л. Кигна-Дедлова и анализируются способы ее лечения – поиск «белорусского» на чужбине, постоянное возвращение на родину, долговременное путешествие, литературное творчество и вариация его стиля. В заключение отмечается, что в вышеуказанном процессе происходит трансформация этнической идентичности русского писателя белорусского происхождения.
Ключевые слова: Дедлов, болезнь, лечение, литературное творчество, этническая идентичность.

Based on the anthropological perspective of interpreting illness, this article examines homesickness, fear of Russian schooling, and doubts about his talent as symptoms of V.L. Kign-Dedlov's illness. It also analyzes its treatment methods – the search for «Belarusianness» in a foreign land, constant return to the homeland, long-term travel, literary creativity, and variations in style. In conclusion, it is noted that this process involves a transformation of the ethnic identity of the Russian writer of Belarusian descent.
Keywords: Dedlov, illness, healing, literary creativity, ethnic identity.

Введение. Болезнь является одним из наиболее распространенных явлений, однако люди в разных культурах, даже в одной и той же культуре разных эпох, определяют ее по-разному. Например, с точки зрения современной медицины адипоз – это болезнь, но в островном государстве Тонга полноту считают красотой. Такого мнения придерживались и китайцы в эпоху династии Тан, но сегодня жители Поднебесной в основном согласны с медиками. Кроме того, некоторые прежние болезни считаются нормальными и появляются «новые» (возможно, до этого уже существующие). Меняются и критерии определения одной и той же болезни. Таких примеров достаточно много. Отсюда возникают вопросы: Что такое болезнь на самом деле? Существуют ли общие критерии для постижения и классификации ее разновидностей? Есть ли общее в понимании болезни среди различных людей? Существует ли применимое к разным культурам определение болезни? Влияют ли последние на творчество?

Исходя из антропологического аспекта, американский ученый Роберт А. Хан (Robert A. Hahn) предложил концепцию болезни, которая отличается от биомедицины. Медицинский антрополог полагает, что болезнь – «это состояние, которого человек не хочет, или какая-то существенная угроза, которая приведет к этому состоянию. Нежелательное состояние может проявляться в любой части человека – теле, душе, опыте или отношениях, и его степень варьируется от человека к человеку» [1, с. 16]. Таким образом, понимание болен человек или нет, зависит не от объективных симптомов или диагноза врача, а от его субъективных ощущений. С этой точки зрения, стремление тонганцев из южной части Тихого океана к полноте не считается болезнью. Подобного мнения придерживается биоэтик и семейный врач Ховард А. Броди (Howard A. Brody), который в книге «История болезни» подразделяет признаки различных «болезней» на пять видов, в том числе представляющие угрозу индивидуальности человека и изменению социальной роли и социальных отношений [2, с. 22].

Основная часть. Русский писатель белорусского происхождения В.Л. Кигн-Дедлов оставил немало рассказов, повестей, очерков, писем, в которых выразил свои истинные чувства, в том числе обусловленные состоянием здоровья. Опираясь на новую концепцию сущности болезни, попытаемся проанализировать ее влияние на творчество автора.

Во-первых, тоска по родине. Когда В.Л. Кигну было четыре года, он с родителями переселился из Тамбова на родину матери – уезд Рогачев, где провел счастливые годы, о чем свидетельствуют его ранние рассказы о белорусской жизни. В детстве мать привила ему любовь к

Беларуси. Важно подчеркнуть, что благодаря детству на белорусской земле малая родина стала важным местом для самолечения писателя и политического деятеля, долгое время находившегося в России. Однако беззаботное состояние мальчика нарушилось в девятилетнем возрасте, когда его отправили в далекую Москву учиться. Позже писатель вспоминает, что, покидая родной край, он горько плакал, и трехдневная поездка от Могилева (Рогачев был частью Могилевской губернии в то время) до Москвы его сильно мучила [3]. Правда, великолепие русской столицы сразу рассеяло печаль человечка из западного края Российской империи, но не надолго. Когда мать оставила В.Л. Кигна одного на чужбине, он впервые почувствовал одиночество и страх: «Ни на одну минуту не забывал, что не воротиться мне домой, что попаду я в стадо, и чужие люди будут на меня, если захотят, кричать. Ужас, настоящий ужас овладел мною <…> Слез вытекло у меня тогда огромное количество» [3, с. 92]. Позже, во время обучения в России, ученик с надеждой ждал каникулы, когда было можно вернуться домой – в Беларусь. Иными словами, разнообразная московская жизнь не могла развеять его тоску по родине. Через несколько лет В.Л. Кигн переехал в Санкт-Петербург, где также испытывал чувство тоски, которое даже мешало ему работать. В переписке с Чеховым писатель объясняет: «Петербург накаливает мне нервы. <…> Кроме того, в Питере я никогда ничего, кроме фельетонов, писать не мог» [4]. Это касается его адаптации к чужой среде, о чем он сообщает в письме В. Розанову: «До 46 лет прожил я в городе и все не могу к нему приспособиться: не живется, не думается, не работается» [5, с. 126]. А в родной деревне, хотя там жить было трудно и неудобно по сравнению с русскими городами, В.Л. Кигн-Дедлов завершил многие свои работы. Можно сказать, что в этом проявляется его привязанность к белорусской земле, которая считается одной из форм отражения белорусской идентичности писателя.

Во-вторых, страх, пережитый в начальной русской школе. В немецкой школе В.Л. Кигн чувствовал теплоту окружающих, а после перехода в русскую школу долгое время переживал нравственное страдание: «в России и в нашем пансионе жить невыносимо, потому что в пансионе и в России господствуют деспотизм и тайная полиция. Интеллигенции нельзя свободно вздохнуть <…> тебя обвинят в политической неблагонадежности и посадят в крепость. Пансионеры и русские граждане живут не так, как им хочется» [3, с. 163]. Кроме того, в воспоминаниях писатель рассказывает конкретные случаи, которые он своими глазами увидел. Например, двух первоклассников исключили из школы за вопрос извозчику «почем везешь с пуда»; ребята больше не видели мальчика, ответившего надзирателю «Я вам рожу разобью! С…н сын!»; у его приятеля появилась нервная горячка и он пропадал больше месяца после того, как случайно пнул сапогами надзирателя; учитель немецкого языка в школе скрывал свою страсть к немецким кумирам; прослуживший в русской школе 30 лет надзиратель стал сумасшедшим. Следует отметить, что помешательством заразился и В.Л. Кигн, причем «настолько основательно, что и до сих пор не могу от него совсем освободиться» [3, с. 145]. Это связано и с неприятностями, которые ученик сам пережил: написанное им сочинение было сожжено учителем по политической причине; он был исключен в последний год обучения в школе. Эти события показывают белорусу, что за ним следили и следят. Постоянная тревога оказала на него чрезвычайно негативное влияние, последствия которого проявляются даже через десятки лет, о чем свидетельствуют слова самого литератора: «Я до сих пор испытываю нервную тревогу, когда при мне начинается разговор о надзорах, унтер-офицерах и субъектах с пронзительными глазами» [3, с. 202]. То есть, В.Л. Кигн получил душевные травмы в русской школе, что подтвердил российский ученый А.В. Чанцев [6, с. 93]. Важно добавить, что такое состояние повлияло на его белорусскую идентичность, что подробно раскрыто автором статьи [7].

В-третьих, сомнение в собственном таланте. Хотя через год после поступления в университет В.Л. Кигн уже опубликовал рассказ в известной газете «Неделя», в своем творческом таланте он сомневался. Поэтому написал письмо И.С. Тургеневу с просьбой о помощи. По совету знаменитого прозаика новичок в литературе в период 1877–1892 гг. написал ряд произведений («Облава» (1878), «Приключения и впечатления в Италии и Египте. Заметки о Турции» (1888), «Франко-русские впечатления» (1890). Однако молодой человек считался «как будто известным писателем» [5, с. 101], что в той или иной мере нанесло удар по его

уверенности в собственных силах. Писателя разочаровала и открытая критика Д.А. Каменецкого, который считает, что произведения В.Л. Кигна «всего больше страдают недостатком архитектоники» [5, с. 101]. В 1892 г. Дедлов напечатал повесть «Сашенька», в которой повторно разочаровался. В контакте с В.А. Тихоновым неудачник пишет: «настоящего таланта у меня нет» [8]. Даже его верный читатель – родная мать – осудила это произведение и его героя [9]. В результате у талантливого литератора вырабатывалось чувство неполноценности, которое доминировало долгое время. Об этом свидетельствует тот факт, что В. Розанов «постоянно психологически поддерживал В.Л. Кигна при возникновении у того каких-либо сомнений о своих творениях» [10, с. 230].

Если нежелательное состояние считается болезнью, то его ликвидация или ослабление рассматриваются как результат лечения. Следует отметить, что болезнь лечит не только медработник, но и сам больной, а лечение не ограничивается только фармакотерапией. Ниже мы попытаемся раскрыть то, как В.Л. Кигн себя лечил.

Во-первых, поиск «белорусского» на чужбине. Находившийся в чужой среде этнический белорус всегда интересовался «своими», чтобы в этом процессе приобрести душевное утешение. С.В. Букчин отмечает, что «в стенах московских гимназий, в аудиториях Петербургского университета Кигн будет ревниво прислушиваться ко всякому упоминанию о Белоруссии» [5, с. 92]. Помимо этого, в северной столице писатель часто общался с земляками, например, с искусствоведом А.В. Праховым. По словам А.Е. Ужанова, их связывают «прочные земляческие узы» [3, с. 8]. Необходимо отметить, что после 1876 г. В.Л. Кигн начал печататься под псевдонимом «Дедлов», который происходит от названия белорусского села. Начиная с середины 1880 гг., во время путешествий писатель также невольно находил «белорусское». Например, путник многократно ассоциировал итальянскую природу с белорусским болотом, лесом, рекой и климатом [11]; а в Сибири и на Дальнем Востоке он всегда активно общался с белорусами-переселенцами, обращал особое внимание на белорусские слова [12].

Во-вторых, постоянное возвращение на родину. Дом – это тихая гавань, где человек обретает спокойствие в душе. Во время обучения в Москве В.Л. Кигн всегда ждал возвращения домой, в чем видел огромное счастье. Например, он вспоминает тот день, когда вернулся на родину на летние каникулы в 1866 г.: «Счастливей этого дня – говорю это серьезно – в моей жизни не было. Первые несчастья миновали, и наступило первое в жизни сознательное счастье, и какое чистое, какое полное! Другого такого счастья не было и не будет» [3, с. 104]. После окончания университета писатель остался в России работать, но часто возвращался в Беларусь. В 1886 г. перед поездкой в Италию он остановился на малой родине, был уже ноябрь, но здесь ему чувствовалось тепло, потому что, по его словам, «я дома, в своей семье, на своей земле, под своей крышей» [11, с. 1]. В напечатанном в 1889 г. рассказе «Гости» герой-автор также отмечает, что только дома он чувствует себя «самим собой» [13, с. 233]. После этого путешествия политический деятель вернулся в Санкт-Петербург, но там находился только в зимний период, все остальное время проводил в белорусском Рогачеве. Постоянно на малой родине поселился в 1894 г. Причина заключается и в том, что его лечит белорусская природа. Здесь он «ощущал неуклюжую, но неиссякаемую и спокойную силу лугов, силу большой реки, силу необыкновенного плодородия почвы, силу ее бесчисленных сынов» [13, с. 242]. Позднее в переписке с В. Розановым В.Л. Кигн пишет, что дома «чувствую себя очень счастливым, в собственноручно посаженном и уже тенистом саду, в свежем лесу, в огороде со своими ягодами, редькой и ботвой» [5, с. 124].

В-третьих, долговременное путешествие. С точки зрения психологии, путешествие не только пространственное движение, но и эффективный способ самолечения. За это время человек может временно оставить работу и забыть хлопоты. Для В.Л. Кигна путешествие за рубежом – возможность удалиться от русской социально-политической среды, которая нервирует его. В 1886–1887 гг. политический деятель оставил службу и отправился в Италию, Египет и Турцию. Во время этого путешествия белорус впервые близко познакомился с нерусским обществом. Через года два он участвовал в Парижской выставке. Именно в контакте с другими культурами у писателя сформировалось представление об оппозиции «свои – чужие», он начал

обращать внимание на «русское» на чужбине. В первой половине 1890 гг. чиновник путешествовал на Урале и Крыму, в Бессарабии, Польше, Болгарии, Финляндии и Швеции, а в 1896 г. ездил в Сибирь и на Дальний Восток. Разница между русской и нерусской культурами углубила его представление о «своих» [14], в результате писатель назвал Польшу и Болгарию русскими местами, а Сибирь и Дальний Восток – нерусскими. За это время в сравнении и размышлении он уделил повышенное внимание русскости, что ярко отражается в эссе «Киевский Владимирский собор» (1901). Таким образом, у писателя белорусского этнического происхождения сформировалась «русская» идентичность. Необходимо отметить, что здесь значение слова «русский» намного шире, чем его сегодняшнее употребление [15].

В-четвертых, литературное творчество и вариация его стиля. Известно, что творчество – способ катарсиса, оно может облегчить подавляемые эмоции человека в определенной степени. Скучая по дому в Москве, В.Л. Кигн на полях своей тетради оставил такие произведения, как «В поле», «В доме», «Таракашка-мурашка» и «Новый год», где вспоминает белорусскую жизнь. По сравнению с тоской по родине страшные испытания в школе сильнее мучили будущего писателя. А.В. Чанцев отмечает, что «попытки преодоления этих травм с юности были одним из основных побудительных импульсов его писательства» [6, с. 93]. На этом фоне писатель в 1876 г. опубликовал психологический очерк «Экзамен зрелости», на основе которого позднее написал автобиографическую повесть «Школьные воспоминания», в которой подробно описал свою несчастливую школьную жизнь. Само название произведения показывает, что идея молодого человека созрела. По его словам, «пятнадцать–шестнадцать лет – критический возраст. Тут человек-бутон почти мгновенно раскрывается и превращается в цветок – в розу, фиалку или какую-нибудь собачью ромашку, что кому предназначено» [3, с. 160]. В более поздних произведениях белорусскую склонность литератор сознательно спрятал. С одной стороны, это выражение своей истинной любви к Беларуси, а с другой, самозащита в определенной социальной среде. Что касается литературного таланта, то, начиная с середины 1890 гг., В.Л. Кигн в основном писал художественную публицистику, где ярко проявил «русскую» и российскую склонность, особенно после того, как открыто опроверг свое польское и немецкое происхождение и объявил себя «русским». Именно эти произведения прославили его имя в российском обществе в конце XIX – начале XX вв., в этом отражается его «житейский прагматизм» [16, с. 249–250]. В дополнение к этому отметим, через сто лет после смерти писателя в России переиздали эти труды и считают его патриотом.

Заключение. Если, с точки зрения антропологической медицины, человек чувствует себя ненормально, а у него не проявляются объективные симптомы, то можно сказать, что он заболел. Во время нахождения в России В.Л. Кигн-Дедлов страдал тоской по родине, пережил страх и тяжелый стресс, мучился от неудачи в творчестве, а потому и попытался лечить себя. В результате писатель активно находил «белорусское», постоянно возвращался на малую родину, многократно путешествовал, и через творчество выразил свои самые разные эмоции. В этом процессе отражалась как его белорусская идентичность, так и «русская», что показывает трансформацию идентичности русского писателя белорусского этнического происхождения.

Благодарность: 本文系 2025 年度河南省高校人文社会科学研究一般项目“中国本土民族理论视域下俄国作家杰德罗夫的民族认同研究”（项目编号：2025-ZDJH-685）的阶段性成果 (Работа выполнена при финансовой поддержке Хэнаньского фонда общественных и гуманитарных наук № 2025-ZDJH-685 «Исследование этнической идентичности российского писателя Дедлова в рамках китайской этнической теории»).

Литература

1. Хан, Р. Болезнь и лечение из антропологического аспекта / Р. Хан. – Шанхай : Восток, 2010. – 424 с. (На китайском языке)

2. Brody, H. Stories of Sickness / H. Brody. – New Haven : Yale University Press, 1987. – 210 p.

3. Дедлов, В. Л. Киевский Владимирский собор. Школьные воспоминания : художественная публицистика / В. Л. Дедлов. – М. : Наука, 2007. – 240 с.

4. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. – Ф. 331. Оп. 47. Ед. хр. 36.

5. Букчин, С. В. Дорогой Антон Павлович : очерки о корреспондентах А. П. Чехова / С. В. Букчин. – Минск : Наука и техника, 1973. – 143 с.

6. Чанцев, А. В. Дедлов / А. В. Чанцев // Русские писатели. 1800–1917 : биографический словарь ; под общ. ред. П. А. Николаева. – М., 1992. – С. 93–95.

7. Цзи, Хэхэ. Трансформация национальной идентичности героя в «Школьных воспоминаниях» В.Л. Кигна-Дедлова / Цзи Хэхэ // Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай : матэрыялы XIII Міжнар. навук. канф., прысвеч. 100-годдзю БДУ і 90-годдзю з дня нарадж. чл.-кар. НАН Беларусі праф. А.А. Лойкі, Мінск, 28–29 кастр. 2021 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: С. А. Важнік [і інш.]. – Мінск, 2021. – С. 216–220.

8. Институт русской литературы. – Ф. 567. Ед. хр. 19.

9. Институт русской литературы. – Ф. 127. Ед. хр. 5655.

10. Ломоносов, А. В. В.Л. Кигн-Дедлов и В.В. Розанов по материалам переписки ОР РГБ и РО ИРЛИ / А. В. Ломоносов // Тетради по консерватизму. – 2019. – № 4. – С. 229–234.

11. Дедлов, В. Л. Приключения и впечатления в Италии и Египте. Заметки о Турции / В. Л. Дедлов. – СПб. : Типография Н.А. Лебедева, 1888. – 482 с.

12. Дедлов, В. Л. Переселенцы и новые места. Панорама Сибири : художественная публицистика / В. Л. Дедлов. – М. : Граница, 2008. – 456 с.

13. Дедлов, В. Л. Мы / В. Л. Дедлов. – М. : Граница, 2010. – 304 с.

14. Цзи, Хэхэ. Оппозиция «свой/чужой» в очерках В.Л. Кигна-Дедлова «Вокруг России» как отражение авторской национальной идентичности / Цзи Хэхэ // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фальклярыстыкі. – 2020. – Вып. 28. – С. 348–352.

15. Цзи, Хэхэ. «Русский» в восприятии В.Л. Кигна-Дедлова / Цзи Хэхэ // Рэгіянальнае, нацыянальнае, агульначалавечае ў славянскіх літаратурах : матэрыялы Міжнародных навуковых чытанняў, прысвечаных памяці народнага пісьменніка Беларусі, акадэміка І.Я. Навуменкі, Гомель, 8–9 кастр. 2020 г. / ГДУ імя Ф. Скарыны ; рэдкал.: І. Ф. Штэйнер [і інш.]. – Гомель, 2020. – С. 95–99.

16. Запольская, А. И. Дедлов / А. И. Запольская // Русские писатели. Биобиблиографический словарь ; под ред. П. А. Николаев. – М., 1990. – С. 249–251.

Хэнаньский педагогический университет Поступила в редакцию 20.03.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (157), 2026

УДК 821.161.1-34:398.3(=161.1):821.581-34:398.3(=581) EDN: WQXAQY

Русские и китайские заклинания от ночного детского плача

Шэнь Цзячэн

В статье анализируются русские и китайские заклинательные тексты, направленные на противодействие злым силам, которые, по народным верованиям, являются причиной ночного детского плача. Отдельно характеризуются китайские талисманы, выполняющие в сфере традиционной культуры аналогичную функцию.
Ключевые слова: ночной детский плач, ночные демоны, заклинания, талисманы, русская культура, китайская культура.

The article analyzes Russian and Chinese incantation texts aimed at countering the evil forces that, according to popular beliefs, cause nighttime baby crying. Chinese talismans that perform a similar function in the sphere of traditional culture are also described.
Keywords: nighttime baby crying, night demons, incantations, talismans, Russian culture, Chinese culture.

Заклинания как сакральные тексты, основанные на вере в магическую силу слова, используются в различных сферах и с разными целевыми установками, но чаще всего к ним прибегают для защиты от многочисленных негативных воздействий. В сфере народной духовной культуры различные негативные представления отчетливо персонифицируется, то есть воплощаются в демонических антропоморфных существах, которые осмысляются как источники неприятных ситуаций, несчастных случаев, болезни и смерти. Сравн.: «Болезнь человека – состояние, воспринимаемое в народной культуре как результат действия демонов болезней, другой нечистой силы, ведьм, колдунов, людей с дурным глазом» [1, с. 225].

Ночной детский плач в русской (шире – в восточнославянской) традиции также однозначно понимался как следствие воздействия на детей демонических персонажей, которые проявляют свою вредоносную активность именно ночью. Для названия ночных демонов, нападающих на детей и лишающих их сна, русские использовали термины *ночницы* и *криксы*. Согласно народным верованиям, ночницы, появляясь из лесу, из болот, проникают в дом через дымоход и окна и нападают на младенцев: пугают их, щекочут им пятки, дергают за волосы, глядят им в глаза, не дают спать. Остерегаясь ночниц, матери после захода солнца не оставляли на дворе пеленки, не выносили ребенка, не купали детей и не стирали пеленок в «ночной» (простоявшей ночь) воде [2, с. 436–437].

Наиболее действенной формой защиты детей от ночниц считалось при этом произнесение соответствующих заклинаний, структура которых предполагает наличие обращения к обладающему магическими свойствами персонажу и выраженной в форме императива просьбы (приказания). Так, в следующем случае субъект заклинательного текста обращается непосредственно к самим демоническим существам – ночницам, перечисляя их виды (источники возникновения) и отсылая их в отдаленное, необжитое пространство: *А вы, ночницы – полуночные, завист ные, радост ные, урочные, от злого человека – идит е на мхи, на болот а, на гнилые колоды: вам всем т ам мест о, вам в белом т еле не бывать ь. Идит е из белого т ела раба* (имя)*!* [3, с. 233].

Функцию объекта в заклинании от детской бессонницы может выполнять природный помощник, с которым заклинатель вступает в договорные отношения и предлагает «породниться» в обмен на устранение *полуночника*, то есть полуночного детского плача. При этом место, куда должен быть доставлен *полуночник*, характеризуется как безжизненное пространство: *Матушка зарница, красная девица! У тебя есть дочь, у меня есть сын. Будем свататься, будем брататься. Сними с раба Божьего Василия полуночник полуночный, полуденный, утренний, ночной, денной. Сними, унеси за тридевять земель, в царство, где птице нет полёту, зверю нет проходу – там ему место* [4, с. 409]. Тот же магический помощник представлен в заклинании, где криксы наделяются определениями, указывающими на источ-

ник их возникновения, и отсылаются в места их первоначального нахождения: *Заря-зарница, красная девица, возьми ты криксу рабе* (имя) *и денную, и ночную, и полуночную, и полуденную, и глазную. Откуда ты шла – туда ты и ступай: с лесу шла – на лес ступай, с поля ты шла – в поле ступай, с саду шла – в сад ступай, с лугов ты шла – на луга ты ступай, с моря ты шла – на море ступай; рабе* (имя) *покой и смиренство дай* [3, с. 232]. Сакральная значимость и «эффективность» заговорного текста повышаются за счет использования имен собственных для названий помощников, употребления мифонимов (*полунощник* и *щекотун*) и соматической лексики, указывающей на локализацию недуга: *Матушка заря утренняя Мария и вечерняя Маремьяна, придите к нему, к рабу Божию, ко младенцу, возьмите вы у него полунощника и щекотупа из белого тела, из горячей крови, из ретивого сердца, изо всей плоти, из ясных очей, из черных бровей, изо всего человеческого составу, из каждой жилочки, из каждой косточки, из семидесяти семи жилочек, из семидесяти семи суставчиков. Понесите их за горы высоки, за леса дремучи, за моря широки, за реки глубоки, за болота зыбучи, за грязи топучи, к щуке-белуге в зубы. Понесите ее в сине море!»* [5, с. 32–33].

Особый интерес представляет заклинание от детской бессонницы, которое произносилось в курятнике и основывалось на обращении к курам, поскольку куры воспринимались как существа, обладающие способностью рано засыпать: *Куры рябые, куры серые, куры черные, возьмите свои криксы от крещеного, нарожденного, молитвенного раба Божия, младенца* (имя)*, отдайте наш сон* [5, с. 33].

Традиционной китайской культуре также известны заклинательные тексты, целью которых является противодействие злым духам, беспокоящим детей ночью и вызывающим ночной детский плач. Рассмотрим следующее заклинание, считающееся «широко распространенным в народе»: 天皇皇, 地皇皇, 我家有个夜哭郎, 过路君子念一遍, 一觉睡到大天亮. = *Небо-император, земля-император! В моем доме ребенок плачет по ночам. Добрый человек, проходящий мимо, произнеси эти слова один раз, и ребенок крепко уснет до утра* [6, с. 279]. Очевидно, что в данном заклинании содержится обращение к высшим небесным и земным силам, которые могут помочь при содействии *цзюнь цзы* 君子 – благородного, добродетельного человека.

Значительно бóльшим магическим воздействием обладает, как можно предполагать, следующее заклинание, которое в ситуации ночного детского плача следовало произнести семь раз: 天皇皇, 地皇皇, 吾家有一個夜啼啷, 專司收捉夜啼鬼, 靈符鎮房, 睡天光. 吾奉太上老君束神兵火急急如令 [7, с. 105]. «Констатирующая» часть этого заклинательного текста полностью совпадает с «зачином» предыдущего заклинания: 天皇皇, 地皇皇,吾家有一個夜啼啷 (= *Небо-император, земля-император! В моем доме есть плачущий по ночам ребенок*). Однако в дальнейшем субъект заклинания берет инициативу на себя, сообщая о своих намерениях магического противодействия данной ситуации: 專司收捉夜啼鬼, 靈符鎮房, 睡天光 (= *Для того, чтобы поймать демонов, вызывающих ночной плач, я размещаю в комнате магический талисман, чтобы ребенок спал до рассвета*). В завершающей части заклинательного текста заклинатель заручается покровительством высшего даосского авторитета – Лао-цзы 老子 – и обращается за помощью к высшему божественному воинству и к огню как одной из основ мироздания и могучей природной стихии: 吾奉太上老君束神兵火急急如令, 口念七遍 (*Как повелевает Верховный владыка Лао-цзы, я призываю божественные войска и огонь и действую с величайшей поспешностью, как велит закон*).

В качестве иллюстрации к рассмотренному заклинательному тексту приведен рисунок упомянутого в тексте талисмана, размещенного в комнате, где плачет ребенок. В верхней части рисунка изображена голова, указывающая, очевидно, на связь с Верховным владыкой Лао-цзюнем (Лао-цзы), что, без сомнения, придает талисману исключительно высокий магический статус. Расположенная ниже (по вертикали) конструкция (收捉夜啼鬼書) переводится как Документ для поимки демонов, вызывающих ночной детский плач (рисунок 1).

Об «официальности» данного микротекста свидетельствует наличие в его нижней части загадочного символа , который представляет собой трансформированное сочетание двух иероглифов (罡 и 印), образующих словосочетание *ган инь* 罡印 ‘печать силы’ (рису-

нок 1). Академик В.М. Алексеев, который впервые в российской синологии дешифровал даосские талисманы, подчеркивал значимость изображения на них печатей: «В народе, приученном долгим опытом к тому, что́ значит чиновничья печать, даваемая для исполнения, главным образом, приговоров над арестованными, создалась мысль о том, что и бесам эта печать может внушить ужас» [8, с. 7].

Очевидно, таким образом, что в традиционных верованиях китайцев функцию эффективных средств, успокаивающих плачущих ночью детей, выполняли не только заклинания, но и наделенные магическими свойствами предметы – талисманы, которые в даосизме определяются как «средства, позволяющие усмирять демонов, излечивать болезни и предотвращать бедствия». На талисманах – узких полосках бумаги или шелка – обычно представлялись «загадочные иероглифы и изображения, символизирующие духовную силу, которую люди надеются использовать для преодоления зла и бедствий в реальной жизни» [9, с. 244]. Так, для детей, которые плохо спят и плачут ночью, рекомендовалось прикладывать к ладоням написанные талисманы: «Напишите чернилами на маленьком красном листке бумаги, затем приложите к ладони ребенка. Мальчикам прикладывают к левой ладони, девочкам – к правой» [10, с. 247].

Рассмотрим содержание еще двух талисманов, использующихся для противодействия злым духам, вызывающим детский ночной плач (рисунки 1–3).

Рисунок 1 – Талисман, защищающий от ночного детского плача [7, с. 105]

Рисунок 2 – Талисман от ночных демонов [10, с. 247]

Рисунок 3 – Талисман для подавления злых духов [14, с. 53]

Талисман, представленный на рисунке 2, «нарисован тушью на желтой бумаге специально для защиты от ночного плача детей и располагался перед детской кроватью» [10, с. 325]. В верхней части талисмана совмещены два иероглифа – *лэй* 雷 ‘гром’ и *лин* 令 ‘приказ’, составляющих словосочетание *лэйлин* 雷令 ‘громовой (молниеносный, категорический) приказ’. Далее на этом талисмане изображены иероглифы, обладающие очень высокой апотропейной значимостью. Так, внешний вид иероглифа *тянь* 田 ‘поле’ напоминает решетку – символ нейтрализации и даже уничтожения злых духов и опасных животных. Показательный пример защитного использования этого иероглифа содержится в книге Гань Бао «Записки о поисках духов»: «Лю Жоу, человек из Гаопина, как-то ночью спал, и крыса укусила его за средний палец левой руки, что было для него очень противно. Он обратился к Чжи, который после гадания объявил ему: “Крыса эта хотела вас убить, но не смогла. Мы

должны заставить смерть обратиться на нее самое”. И вот он на три цуня выше локтевого сплетения начертал красным некоторое подобие иероглифа “поле” – квадрат со стороной один цунь и два фэня – и велел в ту же ночь лечь, как бы заснув, и вытянуть руку. Появилась большая крыса, легла, растянувшись вдоль руки, и сдохла» [11, с. 92]. Следующий далее символ – ☰ – одна из триграмм *ба гуа* 八卦, обозначающаяся иероглифом *цянь* 乾, представляет собой соединение трех сплошных («янских») линий, является символом неба, воплощением активной энергии и определяется как «наивысшая сила Поднебесной» [12, с. 138]. Защитную магическую функцию выполняет и расположенное ниже словосочетание *шанху* 尚虎 (букв. *почитаемый тигр*), в котором ключевое слово – *ху* 虎 ‘тигр’ является носителем архаичной культурной семантики: «Для китайцев тигр символизировал мощь, бесстрашие и жизненную силу, поэтому его использовали как символ защиты от злых духов, люди помещали его изображение над передней дверью» [13, с. 46].

Более простым, но не менее выразительным является изображенный на рисунке 3 талисман, который «использовался для подавления злых духов и избавления от плохих снов», на что указывает пояснение внизу: 治夜梦不详之符 (*Талисман, избавляющий от зловещих ночных снов*). В верхней части (то есть в начале, в «сильной позиции») этого талисмана изображены соединенные между собой кружки, символизирующие отдельные звезды и созвездия. Данный талисман, «содержащий астрономические символы», иллюстрирует широко известные представления: «Древние верили, что всё в человеческом мире связано со звездами, что звезды определяют судьбу человека и могут подавлять злых духов» [14, с. 53]. Особенность рассматриваемого талисмана заключается в передаче идеи постепенного ослабления и окончательного физического «разрушения» ночных демонов, воплощением которых является иероглиф *гуй* 鬼 ‘нечистый дух’, ‘демон’. Очевидно, что названная идея выражается трехступенчатой структурой талисмана, которую воплощает перевернутый вниз вершиной треугольник: на начальном этапе под воздействием созвездий находятся три иероглифа *гуй* 鬼, начертание которых соответствует общепринятым нормам; на втором уровне остается только два таких иероглифа, представленных, однако, в трансформированном графическом облике; иероглиф *гуй* 鬼, находящийся на третьем (нижнем) уровне, демонстрирует свое полное «разрушение»: его верхняя часть вообще отделена от измененной нижней части. Подобная «экзекуция» данного иероглифа неизбежно ассоциируется с обезглавливанием, поскольку этимологически этот иероглиф восходит к изображению человека: «По эволюции иероглифа *гуй* 鬼 можно понять, что в верованиях древних *гуй* представлял собой не что иное, как человека с большой головой» [15, с. 206].

Сопоставление русских и китайских заклинаний от ночного детского плача демонстрирует, наряду с некоторыми чертами сходства, значительные различия, состоящие прежде всего в использовании в китайской традиции даосских талисманов, которые наделялись способностью магического воздействия на злых ночных духов.

Литература

1. Агапкина, Т. А. Болезнь человека / Т. А. Агапкина, В. В. Усачева // Славянские древности : Этнолингвистический словарь под ред. Н.И. Толстого. – М. : Междунар. отн., 1995. – Т. 1. – С. 225–227.

2. Виноградова, Л. Н. Ночницы / Л. Н. Виноградова, С. М. Толстая // Славянские древности : Этнолингвистический словарь под ред. Н.И.Толстого. – М. : Междунар. отн., 2004. – Т. 3. – С. 436–437.

3. Попов, Г. Русская народно-бытовая медицина : По материалам этнографического бюро князя В.Н. Тенишева / Г. Попов. – СПб. : Типография А.С. Суворина, 1903. – 404 с.

4. Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока : Песни. Заговоры / Сост. Ф. Ф. Болонев, М. Н. Мельников, Н. В. Леонова. – Новосибоирск : Наука. Сиб. предприятие РАН, 1997. – 605 с.

5. Майков, Л. Н. Великорусские заклинания / Л. Н. Майков. – СПб. : Тип. Майкова, 1869. – 164 с.

6. 戚端. 中古医籍禁咒方语言特征探析 = Ци, Дуань. Анализ языковых особенностей тайных заклинаний в древних медицинских текстах / Ци Дуань // Вестник Нанкинского университета китайской медицины. – 2021. – Т. 22, № 4. – С. 277–281.

7. 张天师（张道陵） = Небесный Наставник Чжан (Чжан Даолин). Полное собрание талисманов и заклинаний Небесного Наставника Чжана. – Сиань : Издательство Шанси, 1993. – 315 с.

8. Алексеев, В. М. О некоторых главных типах китайских заклинательных изображений по народными картинами и амулетами / В. М. Алексеев // Записки восточного отделения Императорского русского археологического общества. – СПб. : Тип. Императорской академии наук, 1912. – Том двадцатый. 1910. – С. 1–76.

9. 张梦道. 图解道教、 = Чжан, Мэнсяо. Даосизм с иллюстрациями / Чжан Мэнсяо. – Пекин : Изд-во «Цзыту», 2013. – 333 с.

10. 元光. 符咒图典精华 = Юань, Гуан. Сущность талисманов и заклинаний. Иллюстрированное издание / Юань Гуан. – Сиань : Изд. дом «Туризм провинции Шэнси», 2007. – 379 с.

11. Гань, Бао. Записки о поисках духов (Соу шэнь цзи) / Гань Бао ; пер. с древнекит., предисл., прим. и словарь-указ. Л. Н. Меньшикова. – СПб. : Центр «Петербургское Востоковедение», 1994. – 576 с.

12. Еремеев, Е. Е. Символы и числа «Книги перемен» / Е. Е. Еремеев. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Ладомир. 2005. – 600 с.

13. Сащенко, М. В. Символика образов тигра и дракона в политической культуре Китая / М. В. Сащенко // Гуманитарный акцент. Ежеквартальный научный журнал. – 2018. – № 4. – С. 45–49.

14. 胡昌善. 咒语破译 = Ху, Чаншань. Расшифровка заклинаний / Ху Чаншщань. – Пекин : Изд-во соц. наук Китая, 1993. – 237 с.

15. Сюй, Хуэй. Этимология китайских иероглифов. Сто самых важных китайских иероглифов, которые должен знать каждый / Сюй Хуэй ; пер. с кит. Е. А. Кузьминой. – М. : ООО Международная издательская компания «Шанс», 2020. – 423 с.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 21.02.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (157), 2026

Философия

УДК 130.2:316.752(476) EDN: XCMGUS

Ценности и социальные координаты в структуре национальной идентичности

А.А. Габинская

В статье анализируется природа национальной идентичности как динамического процесса в контексте глобализации. Рассматривается роль ценностных ориентиров и социальных координат в формировании самосознания личности и народа. Особое внимание уделяется инструментам конструирования идентичности в контексте «пробуждения» наций и геополитических вызовов современности. Предлагаются механизмы реализации стратегии формирования «когнитивного резерва нации»: интеллектуальная суверенизация личности; обучение медиаграмотности и цифровой гигиене подрастающего поколения; развитие критического, автономного мышления; формирование вида резистентности к групповому воздействию; нивелирование когнитивных искажений в восприятии действительности; защита субъектности.
Ключевые слова: глобализация, национальная идентичность, кризис идентичности, «пробуждение наций», социальные координаты, ценности.

The article analyzes the nature of national identity as a dynamic process in the context of globalization. The role of value guidelines and social coordinates in shaping the self-awareness of an individual and a nation is considered. Particular attention is paid to the tools of identity construction in the context of the «awakening» of nations and the geopolitical challenges of our time. Mechanisms for implementing the strategy of forming a «cognitive reserve of the nation» are proposed: intellectual sovereignty of the individual; teaching media literacy and digital hygiene to the younger generation; development of critical, autonomous thinking; formation of resistance to group influence; leveling of cognitive distortions in the perception of reality; protection of subjectivity.
Keywords: globalization, national identity, identity crisis, «awakening of nations», social coordinates, values.

Введение. На современном этапе мирового развития сложилась парадоксальная ситуация, характеризующаяся столкновением двух мощных его векторов. С одной стороны, под влиянием глобализационнных процессов произошло расширение обмена между людьми, народами и цивилизациями. Сегодня мы наблюдаем формирование единого экономического пространства, цифровизацию социальных связей и возникновение глобальной массовой культуры и т. д. С другой стороны, всеобщая унификация породила мощное обратное движение, связанное с попыткой противостоять усилению внешней интеграции, которая стала восприниматься многими государствами как угроза их самобытности, уникальности, как опасность размывания национальной идентичности, утраты культурного, национального кода и ослабления суверенитета государств.

Основная часть. В ответ на попытки всеобщей унификации в настоящее время народы все активнее стремятся отстаивать свои национально-государственные интересы, защищая традиционные ценности и право на собственный путь развития. Эта тенденция, охватывающая как крупные, так и малые нации, проявляется в различных формах – от политического суверенитета до культурного возрождения.

Одним из первых, кто системно осмыслил данную проблематику, был Карл Шмитт. В своих работах, таких как «Понятие политического» и «Теории конституционного права», он подчеркивал примат суверенитета и право принимать решения в условиях исключительности. Автор видел опасность в универсалистских идеологиях, которые, стремясь к глобальному порядку, размывают само понятие политического и национального суверенитета [1], [2].

Вслед за Карлом Шмиттом, ряд современных мыслителей продолжили развивать идеи отстаивания национально-государственных интересов. Например, Роджер Скрутон, британский

философ-консерватор, в труде «Как жить вместе», рассуждал о важности национальной идентичности и общинных связей как основе стабильного общества, критикуя при этом космополитизм, видя в нем угрозу нивелирования традиционных ценностей и культурного многообразия [3].

Нельзя не упомянуть Самюэля Хантингтона, в частности, его научную работу «Столкновение цивилизаций», в которой наглядно демонстрируется важность цивилизационной принадлежности и потенциальные конфликты, возникающие на почве культурно-ценностных различий [4].

Особое значение для понимания национальной идентичности имеют традиционные культурные ценности, которые столетиями составляли духовную, нравственную, мировоззренческую основу существования общности. Патрик Д. Бьюкенен в работе «Смерть Запада» пишет о том, что, если уничтожить записи о прошлом народа и развенчать народных героев, можно оставить его жить в невежестве относительно деяний предков и тем самым деморализовать целый народ [5, с. 237].

Очевидно, что формирование «национальной идентичности» это не просто возврат к прошлому, это открытый динамический процесс и целесообразно рассматривать данный феномен в ракурсе конкретно-исторической, национальной и геополитических реалий. Речь идет о том, что отдельно взятый народ теснейшим образом связан с национальной идеей и геополитикой. Справедливо об этом писал известный историк, философ А. Тойнби, что осознание народом чего-то родственного единого, дает возможность нации оценить свое место и роль в мировом сообществе [6]. Разделяя мнение автора, отметим, что важен взгляд народа на самого себя изнутри (образ о себе, кто мы? и чем мы отличаемся?). Это своего рода индикатор дальнейшего сценария развития народа.

Что касается пути осознания народом национальной идентичности, то интерес ученых к данному понятию в последние время возрос в связи с таким явлением, как «пробуждение» наций или как его еще называют «этнический ренессанс», ключевыми аспектами которого являются актуализация исторической памяти (нации начинают заново открывать забытые или намеренно вытесненные страницы своего прошлого); языковой и культурный протекционизм (возрождение интереса к национальному языку, фольклору и традициям становится формой сопротивления культурной экспансии); политизация идентичности (национальное самосознание трансформируется в требование политического суверенитета и признания субъектности на международной арене).

Сегодня именно степень осознания народом своей уникальности определяет его жизнеспособность. Нация, пережившая «пробуждение», обретает иммунитет к внешним манипуляциям и способность эффективно отстаивать свои интересы в полицентричном мире. Мы согласны с мнением Д.Н. Батырева, который рассуждает о том, что в современных условиях национальная идентичность подвижна, она зависит от природного и экономического капитала, социокультурных условий, технологических тенденций, политических организаций и их особенностей [7].

Как комплексный, коллективный тип, национальная идентичность конструируется на следующих взаимосвязанных элементах:

– генетический (происхождение нации, ее трансформация, содержательно связанная с национальным самоопределением);

– исторический (историческая судьба, историческая память народа);

– географический (месторасположение, климат, топография, природные ресурсы, формы жизнеустройства и хозяйственной организации);

– этно-национальный (национальный корни, старинные обряды, историко-культурное наследие, национальные мифы, повествования, стереотипы поведения, народная культура, язык, религия);

– политический (соседство с другими государствами, политическая самоорганизация, идеология, миссия и роль в мировом сообществе, территориальный контроль, имидж, образ государства);

– социокультурный (социальное доверие, суверенитет, солидарность, национальный брендинг);

– государственный (государственные символы: гимн, герб, флаг, государственная власть, государственная армия).

Конструирование национальной идентичности – это непрерывный и незавершенный процесс самоотождествления, в котором значительную роль играет идея, живущая в общественном сознании в конкретный исторический период. Для народа также важна система ориентиров – социальных координат, которые позволяют ответить на следующие важные вопросы:

– «Откуда мы?» (историко-временная координата, транслирующая преемственность поколений и отношение народа к ключевым историческим событиям, национальным героям, символам);

– «Кто мы?» (культурно-символическая координата, раскрывающая особенности национального языка, традиций менталитета, привычек, фундаментальных понятий о морали и нравственности);

– «Где мы?» (пространственно-географическая координата, фиксирующая геополитическое место страны в мире и осознание своей мисси);

– «Куда мы идем?» (социально-политическая координата, отражающая отношение к социальным институтам, национальные интересы, совместные цели, ценности, объединяющие разные социальные группы внутри нации).

Между тем, отметим, что еще в конце XIX в. американский психолог Уильям Джеймс выдвинул «Я-концепцию» – относительно устойчивую систему представлений индивида о себе, которые включали в себя установки, убеждения, оценки и мотивы поведения. Данная концепция, в первую очередь, отражала степень успешности адаптации и степень функционирования индивида внутри социальных групп [8].

Позже основоположник концепции символического интеракционизма, разработчик концепции зеркального «Я» Чарльз Кули высказал идею о том, мотивационным базисом поведения человека являются его собственные интересы и выгоды. В тоже время, человек судит о самом себе через призму зеркала отношений с другими людьми, их оценками и представлениями, который не всегда соотносится с действительностью («эффект искаженного зеркала», когда отраженное «Я» может быть адекватным и достаточно взвешенным, а может совершенно не соответствовать реальности) [9]. Таким образом, Кули затронул важную тему гетерогенности, тесной связи рефлексии и оценки, которую развил далее американский социолог, философ Джордж Герберд Мид. Дополняя концепцию зеркального «Я», Мид пришел к выводу, что огромную значимость для развития личности, ее восприятия и конструирования субъективной повседневной реальности играют акторы (отдельные личности, группы, общности), которые благодаря всеобщей системы ценностей, стандартов поведения, а также функций языка и символов, способствуют осознанному выбору принадлежности идентификации личности к определенной социальной группе, общности (возрастной, национальной, этнической, политической, религиозной и т. д.) [10].

Со своей стороны, добавим, что осознаваемая принадлежность индивида к соответствующей социальной группе формируется через активную рефлексивную работу индивида в контексте норм и практик соответствующих социальных систем. При этом идентичность – это не просто ее наличие или отсутствие, а постоянно действующий процесс самоконструирования, где субъективное вступает в сложную диалектику с структурами, дискурсами и повседневными практиками общества. Человек находится в постоянном диалоге с социальным окружением: его идентичность подтверждается через внешнее признание группой, но одновременно и трансформируется под влиянием его личного опыта.

В этом процессе критически важно сохранение баланса, согласование своего «Я» с коллективными ценностями для обретения чувства сопричастности. А учитывая тот факт, что современная гибридная реальность требует от человека способности гибко адаптироваться к быстрым изменениям окружающей действительности, личность вынуждена постоянно маневрировать между множественностью перекрещивающихся идентичностей (профессиональной, этнической, гражданской, гендерной).

Что касается сущности понятия «идентичность». Чаще всего под идентичностью понимают акт глубокого самоотождествления человека с конкретным этносом, нацией или госу-

дарством. Это чувство сопричастности базируется на принятии культурного кода, включающего в себя историческую память, уникальные традиции, язык и специфические ментальные черты своего народа.

Несомненно, идентичностью обладают как целые социумы, так и отдельные индивиды. В современных реалиях человек не ограничен одной общностью: он одновременно соотносит себя с множеством профессиональных, культурных и социальных групп. Степень этой включенности напрямую зависит от специфичности субъекта и того, насколько ценности конкретной группы резонируют с его личными установками.

Рассуждая о проблеме формирования национальной идентичности, необходимо подчеркнуть, что в современных условиях данное социальное явление окончательно утратило монолитность. Оно стало приобретать множественный, полипарадигмальный характер. Динамика современных глобальных трансформаций такова, что конструирование сильной, конкурентоспособной и адаптивной идентичности уже вышло за рамки культурной и образовательной политики. В последние годы оно перешло в разряд стратегического императива, напрямую определяющего национальный суверенитет и безопасность страны. Данное обстоятельство обусловлено следующими взаимосвязанными причинами.

Во-первых, в условиях «гибридных войн» основный мишенью выступает не столько территория государства, сколько сознание молодого поколения. Посредством современных медиа, социальных сетей коллективным Западом целенаправленно осуществляются попытки размываний ценностных ориентиров молодежи, деконструкции исторической памяти посредством следующих механизмов:

– популярного контента (игры, сериалы, блогерские обзоры) внедряются альтернативные трактовки истории, где ключевые победы народа обесцениваются, акценты смещаются на трагические или спорные моменты, а образы национальных героев заменяются универсальными «глобальными» персонажами;

– поощрение крайнего индивидуализма и культ потребления через TikTok, YouTube и Instagram, где традиционные коллективные ценности (долг, преемственность, служение обществу) выставляются как архаичные, что ведет к социальной дезориентации и разрыву связи между поколениями;

– виртуализация авторитетов, подразумевающих тот факт, что место учителей и родителей занимают инфлюенсеры, транслирующие упрощенные, часто деструктивные поведенческие модели. Поскольку эти лидеры мнений глубоко интегрированы в западную экосистему ценностей, они становятся ретрансляторами чуждых смыслов, которые воспринимаются молодежью как «современные» и «свободные»;

– внедрение новой лексики и этических норм (культура отмены, радикальная повестка), которые конфликтуют с традиционным культурным кодом;

– снижения критического порога восприятия информации (через геймификацию и развлекательный формат подаются сложные идеологические установки).

Во-вторых, в силу психологических и возрастных особенностей, сознание молодых людей отличается высокой пластичностью нейронных связей для восприятия чего-то нового, но и более уязвимым для внешнего программирования. В условиях доминирования интернет-технологий объектом целенаправленной «когнитивной агрессии» (под которой понимается системное воздействие на психические процессы с целью изменения восприятия, убеждений и поведения) является сознание молодежи.

В-третьих, в настоящее время стираются грани между онлайн- и офлайн-средой, формируется новая социальная онтология, где возникает две взаимозависимые фазы единого гибридного существования человека. При этом граница между средами стирается не потому, что исчезает физический мир, а потому что цифровое пространство становится неотъемлемой, конституирующей частью нашей реальности. Учитывая сказанное, основным инструментом формирования идентичности молодежи становится цифровая среда. По этому поводу хотелось бы вспомнить авторов идеи конструирования социальной реальности – Питера Бергера и Томаса Блума, которые трактуя мир повседневности, отмечали, что в современном нестабильном и непредсказуемом обществе стала преобладать «извне ориентированная личность», отличающаяся поверхностным общением, стандартизированностью и обезличенностью [11].

Как ранее уже было отмечено, концепция «извне ориентированная личность» как продукт общества массового потребления, находит свое гипертрофированное отражение в цифровой среде. Именно цифровая среда создает благоприятную почву для формирования нового типа человека – «платформенно-зависимая личность», для которой виртуальная среда является не просто инструментом, а конституирующей средой, источником норм, самооценки и смыслов.

Цифровая среда технологически усиливает логику «извне ориентированной личности». Ситуация усугубляется еще и тем, что короткий, клиповый формат подачи информации в интернете не позволяет сформировать у молодого поколения целостное мировоззрение, глубокое понимание истории своей страны. Историческая память посредством игровых форм подменяется определенным набором «мемов», упрощенных мифов, что ведет к ментальному разрыву поколений – ситуации, когда молодежь и старшее поколение не просто имеют различные взгляды. Они перестают говорить и рассуждать на одном смысловом языке и существовать в единой социальной реальности. Этот разрыв приобретает в цифровую эпоху качественно новые характеристики. Остановимся более подробно на них.

Итак, старшее поколение, особенно «аналоговое» с линейным типом восприятия информации, в значительной степени воспринимает мир через институционально верифицированные источники (официальные СМИ, экспертные мнения, личный опыт и вертикальные каналы передачи знаний: от учителя к ученику, от родителя к ребенку), а молодежь конструирует картину мира горизонтально и алгоритмически через социальные сети, мнения блогеров-ровесников, коммьюнити в Telegram и Discord, где авторитет определяется не должностью, а количеством подписчиков.

Формирование базовых ценностей для старших поколений – это процесс формирования ценностей неразрывно связанный с коллективным опытом и институциональной устойчивостью. Это материальная стабильность (ценность долгосрочного планирования строительства или покупки жилья, «сбережения на старость», «стаж на одном заводе»), фундаментальная опора (служение обществу, личные интересы достаточно часто подчинены общественным, вера в эффективность функционирования социальных институтов государства, их лояльность (консерватизм в вопросах семьи, морали и быта, устоявшиеся социальные нормы поведения). А для современной молодежи (поколений Z и Alpha) ценностная матрица сместилась от внешних атрибутов стабильности к внутренним ресурсам и гибкости.

Старшее поколение использует традиционные механизмы передачи знаний, традиций и моральных норм от старших к младшим через собственный опыт. Молодежь же чаще находит авторитетов не среди наставников, учителей, а в цифровой среде.

Идентичность старших поколений (профессиональная, национальная, семейная) характеризуется устойчивостью, а среди молодежи все чаще встречается «текучая идентичность» (liquid identity), которая носит гибридный, контекстуальный характер. (Социальные сети позволяют человеку одновременно поддерживать несколько профилей с разными ролями. Напрмер, в Telegram он может быть радикальным эко-активистом, в Discord – топовым рейд-лидером, а в LinkedIn – амбициозным self-made профессионалом. Важно и то, что молодое поколение реже соотносит себя в рамках большой идеологии (религии, классу или нации), предпочитает локальные и временные микро-сообщества).

Для старшего поколения время линейно (от прошлого, через настоящее, к будущему), где социальное пространство напрямую привязано к месту жительства человека и его работы. А для молодежи время сиюминутно и циклично (периодическое обновление ленты, истории и т. д.), а само пространство – сетево и глобально. И это фундаментальный разрыв в восприятии реальности.

Достижения молодого поколения в офлайн-среде менее весомы и их самооценка зависит от цифровых показателей. Маркером социальной значимости является количество лайков и репостов, что соответственно отражается на поведении и структуре формирования идентичности индивида.

Индивид транслирует образ, который удобен сетевой аудитории – «перформансная личность» – это отредактированный образ, психологический тип, для которого жизнь превращается в непрерывный онлайн-спектакль. Это личность, которая ищет подтверждение своей ценности не внутри себя, а вовне, ориентируясь на мнение сетевой аудитории. В отли-

чие от самодостаточной личности, «перформансная личность» страдает от дефицита внутренней опоры, так как тщательно отбирает те фрагменты своего «Я», которые соответствуют ожиданиям аудитории. Для такой личности другие люди воспринимаются не как субъекты коммуникации, а как ресурс подтверждения.

Важно отметить и то, что с помощью социальной инженерии и интернет-технологий осуществляется «когнитивная агрессия», целью которой является – перевод базовых смыслов в объект сомнения или иронии. Манипуляции осуществляются посредством создания избыточного потока противоречивой информации, навязанных извне чуждых идеологических конструктов. Это приводит к когнитивной перегрузке, при которой человек перестает анализировать факты глубоко и переходит к эмоциональному восприятию. В таком состоянии сознание максимально открыто для внедрения деструктивных установок, ведущих к социальной апатии или, напротив, к необоснованной агрессии. Последнее подталкивает молодых людей к крайним взглядам, протестному поведению, основанному не на критическом анализе объективной исторической реальности, а на навязанных идеях. Например, благодаря популярным среди молодежи блогерам, тик-токерам, инфлюнсерам (лидерам мнений) транслируется представление об успешности как стиле жизни, в котором нет места таким категориям, как социальная ответственность, служение на благо страны. При такой системе социальных координат индивид начинает воспринимать данные категории как «архаичные», освобождая при этом место для крайнего индивидуализма и потребительской этики. Кроме того, создает благоприятную почву для внедрения различных «идеологических вирусов», а также лишает молодежь самоцензуры и независимого мышления.

Учитывая сказанное, защита от когнитивных искажений и внешнего управления сознания граждан – это вопрос сохранения психологического суверенитета нации, ее жизнестойкости. Для этого мы предлагаем следующую стратегию формирования «когнитивного резерва нации», включающую следующие векторы:

– интеллектуальная суверенизация личности (разработка и внедрение образовательных стандартов, формирующих у молодежи целостную картину мира, исключая зависимость от навязанных извне идеологических конструктов);

– обучение медиаграмотности и цифровой гигиене подрастающего поколения (минимизация риска попадания молодежи под скрытое влияние деструктивных сообществ и алгоритмических «информационных пузырей», изолирующих человека от общенациональной повестки);

– развитие критического, автономного мышления (создание внутреннего «фильтра достоверности», позволяющего человеку опираться на собственные логические выводы и аксиологический фундамент нации);

– формирование вида резистентности к групповому воздействию (выработка у индивида устойчивости к «эффекту толпы», обучение распознавания технологий сетевой манипуляции);

– нивелирование когнитивных искажений в восприятии действительности (преодоление медийно-сконструированной псевдореальности);

– понимание смысла текущих событий, предполагающие переход от фрагментарного (клипового) восприятия новостей к системному анализу;

– защита субъектности (отвержение внешних инородных нарративов, формирование суверенного образа будущего нации).

Предложенная стратегия формирования «когнитивного резерва нации» позволяет не только нейтрализовать влияние внешних деструктивных алгоритмов, но и сформировать у подрастающего поколения чувство со-причастности к исторической судьбе страны.

Заключение. Национальная идентичность в современных условиях приобретает множественный, полипарадигмальный характер, однако ее ядром (неизменный код нации) остаются ценности и социальные координаты, заложенные в национальной культуре. Национальная идентичность – это не только наследие прошлого, но и стратегический проект будущего, требующий постоянного рефлексивного обновления. Именно национальная идентичность выполняет роль «социального клея», без которого государственная конструкция теряет устойчивость перед лицом внешних и внутренних вызовов.

В условиях когнитивной агрессии, направленной на молодежь, только прочная связь с национальными корнями позволяет сохранить культурную эстафету. Без этого «склеивания» времен возникает исторический разрыв, при котором новые поколения становятся ментально чужими для своих предков, что ведет к фактическому исчезновению нации как исторического субъекта.

Литература

1. Шмитт, К. Понятие политического / К. Шмитт // Вопросы социологии. – 1992. – Т. 1, № 1. – С. 37–67.

2. Шмитт, К. Государство и политическая форма / К. Шмитт ; пер. с нем. О. В. Кильдюшова. – М. : Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. – 272 с.

3. Скрутон, Р. Как быть консерватором / Р. Скрутон ; пер. с англ. А. Прокофьева. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. – 336 с.

4. Хантингтон, С. Ф. Столкновение цивилизаций / С. Ф. Хантингтон ; пер. с англ. Т. Лукьянцевой. – М. : АСТ, 2003. – 603 с.

5. Бьюкенен, П. Д. Смерть Запада / П. Д. Бьюкенен ; пер. с англ. А. Башкирова. – М. : АСТ, 2003. – 444 с.

6. Тойнби, А. Дж. Изучение истории / А. Дж. Тойнби ; пер. с англ. И. Б. Лапиной. – М. : Академ. проект, 2009. – 800 с.

7. Батырев, Д. Н. Дискурс национальной идентичности в эпоху глобализации / Д. Н. Батырев // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2007. – № 4 (35). – С. 10–14.

8. Джеймс, У. Психология / У. Джеймс ; под ред. Л. А. Петровской. – М. : Педагогика, 1991. – 368 с.

9. Кули, Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок / Ч. Х. Кули ; пер. с англ. под ред. А. Б. Толстова. – М. : Идея-Пресс : Дом интеллект. кн., 2000. – 320 с.

10. Мид, Дж. Г. Избранное : сб. переводов / Дж. Г. Мид ; сост. и пер. В. Г. Николаев. – М. : НИОН РАН, 2009. – 290 с.

11. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман ; пер. с англ. Е. Руткевич. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.

Гродненский областной
институт развития образования

Поступила в редакцию 19.03.2026

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 4 (157), 2026

УДК 130.2 EDN: YAXHQA

Сакрализация женского образа в христианской культуре: предпосылки возникновения и специфика

Е.М. Охотницкая

Статья посвящена феномену сакрализации женского образа в христианской культуре, выявлению специфики данного процесса. Актуальность темы исследования обусловлена значимостью вопроса о продуцировании и трансляции идеального женского образа как эталона для подражания в культуре современного общества. Целью данной статьи является выявление культурно-исторических предпосылок возникновения феномена сакрализации женского образа в общественном сознании, рассмотрение динамики и специфики названого процесса. В основной части работы изучено отношение к женщине, существовавшее в рамках античной культуры, проанализированы изменения, произошедшие с восприятием и оценкой роли женщины в культуре с приходом христианства. В заключении делается вывод о степени влияния универсалистских христианских идей на культуру современного общества, в частности, на понимание роли и места женщины в современном социуме.
Ключевые слова: женский образ, гетеры, весталки, античный мир, христианская культура, сакрализация.

The article is devoted to the phenomenon of the sacralization of the female image in Christian culture, identifying the specifics of this process. The relevance of the research topic is due to the importance of the issue of the production and transmission of the ideal female image as a standard for imitation in the culture of modern society. The purpose of this article is to identify the cultural and historical prerequisites for the emergence of the phenomenon of the sacralization of the female image in the public consciousness, to consider the dynamics and specifics of this process. The main part of the work examines the attitude towards women that existed within the framework of ancient culture, analyzes the changes that occurred with the perception and assessment of the role of women in culture with the advent of Christianity. In conclusion, the degree of influence of universalist Christian ideas on the culture of modern society, in particular, on the understanding of the role and place of women in modern society is noted.
Keywords: female image, hetaera, Vestal virgins, ancient world, Christian culture, sacralization.

Введение. Восприятие женского образа на уровне индивидуального и общественного сознания на протяжении всей истории существования человечества значительно менялось. Античность и средние века, новоевропейская культура и современное общество по-разному видят образ женщины, предлагают женщине реализовывать различные социальные модели поведения. Цель данной статьи – выявить предпосылки возникновения и специфику сакрализации женского образа в исторической динамике культуры. Для достижения названной цели необходимо решить следующие задачи:

– раскрыть социокультурную специфику женского образа в общественном сознании античного мира;

– выявить культурные новации в восприятии женского образа в христианской культуре средневекового общества;

На формирование представлений о женщине, о ее месте и роли в обществе оказывают влияние различные факторы (социально-политический уклад, нормы культуры, правовые отношения). Одним из наиболее значимых факторов, определяющих специфику конструирования образа женщины в общественном сознании, является религия. Тип религии определяет характер отношения (положительный или отрицательный) к образу женщины в культуре и обществе. С возникновением христианства произошла существенная трансформация представлений о женщине. Содержание женского образа в средневековом обществе приобрело особое, неизвестное в античности значение. Оно повлияло на формирование представлений о женщине в современной культуре.

Основная часть. В дохристианский период женщины занимали второстепенное место в обществе по отношению к мужчинам, находясь в зависимом от них положении. Античный мир не признавал равного статуса мужчины и женщины. Аристотель, рассуждая о женщине,

писал о ее положении между рабами и мужчинами: «Даже женщина может быть благородной, а также раб, хотя о женщине можно сказать, что она ниже мужчин, а раб совершенно низшее существо» [1].

Такое положение женщины сохранялось на протяжении всего существования языческой древности. Хотя некоторое внимание проблеме положения женщины в обществе античными мыслителями уделялось, но «женский вопрос» выступал как периферийный, второстепенный по сравнению с вопросами, относящимися к деятельности мужчин (политика, война, общественная жизнь). В творчестве многих римских и греческих писателей тема женского образа вообще не нашла отражения. Например, в жизнеописаниях выдающихся людей, которые составил древнегреческий историк Фукидид, нет ни одной женской биографии. У Аристофана, Терентия, Катулла лишь в небольшой части их произведений поднимались вопросы семьи, любви, женских характеров. В классическом греческом полисе (город-государство) ярко выражено доминирование мужского начала. Женщина не могла занимать высокого положения в обществе, была несамостоятельна и полностью зависела от мужчины. В Риме женщины так же не имели гражданских прав и были формально отстранены от участия в государственных делах. Исследователь Е. Вардиман отмечает, что жизненное пространство женщины, в котором она могла реализовывать свою личность, ограничивалось домашней сферой: «Женщина не принимала никакого участия в общественной жизни; она не могла покинуть женских покоев…» [2, с. 181]. Тема места женщины в обществе в античную эпоху изучена многими исследователями (А. Боннар [3], Л. Винничук [4], М.Е. Сергеенко [5]). Они описывают бесправное положение женщины как в Греции, так и в Риме.

Замужним женщинам, назначение которых – продолжать потомство и служить мужу, категорически запрещалось иметь других половых партнеров, кроме мужа, и эта норма строго соблюдалась. Нарушение данной нормы жестко каралось как общественным мнением (вплоть до публичного истязания), так и юридически [4]. Однако возможность иметь других сексуальных партнеров, помимо жены, являлось в древнем обществе нормальным явлением для мужчин. Более того, оно принимало институциональные формы (например, в Древней Греции официально существовал институт гетер). Этой стороне женской жизни посвящено немало работ: П. Брюле «Повседневная жизнь греческих женщин в классическую эпоху» [6], И. Блох «История проституции» [7], Е. Вардиман «Женщина в Древнем мире» [2], Е. Дюпуи «Проституция в древности» [8] и др. Гетеры имели больше возможности для публичной жизни. Они могли участвовать в пирах с мужчинами, вести интеллектуальные беседы. Для выполнения этих функций гетерам давали определенное образование. Хотя почти до XVII столетия гетеры считались представительницами древнейшей профессии, они таковыми в прямом смысле этого выражения не являлись. Понятие «гетера», heteria в переводе с древнегреческого означает «спутница» или «подруга». Изначально (VIII–VII вв. до н. э.) такими женщинами становились рабыни, освобожденные от хозяйственной работы. Впоследствии возникла целая школа «куртизанок»: опытные гетеры выбирали из рабынь самых красивых и умных девушек, обучали их своему искусству. Это были женщины образованные, принадлежавшие к разным сословиям, которые являлись музами, источниками удовольствия, советницами величайших умов своего времени: философов, юристов, ораторов, городских глав. К их услугам прибегали Платон, Демосфен, персидский царь Ксеркс, Александр Македонский. И это не удивительно, так как при подготовке гетер очень много внимания уделялось хорошему образованию (философии, ораторскому мастерству, арифметике, политологии, истории, умению играть на нескольких музыкальных инструментах) [9]. Подтверждением вышеизложенного служит подруга и советница Перикла – философствующая гетера Аспазия. Беседы с ней любил вести сам Сократ. А ученики Сократа приводили к гетере Аспазии жен, дочерей, чтобы они могли послушать ее рассуждения [10].

Более низкий по сравнению с мужчинами социальный статус женщины в античную эпоху тем не менее не означал абсолютно отрицательного отношения к образу женщины. Например, в Пантеоне греческих и римских богов немало представительниц женского пола. Образы богинь-женщин почитались не менее образов богов-мужчин. Необходимо выделить

особое отношение греков к женскому образу богини Афины Паллады. Ей поклонялись, почитали, строили много храмов в ее честь. Эта богиня была олицетворением мудрости, воинской удачи. Для граждан Греции ее покровительство в воинских делах было важным и значимым. Афине поклонялись все полисы, а самый сильный город – столица Греции Афины – был назван в ее честь. Особое почитание Афины проистекало из воинского характера древнегреческой цивилизации. Однако стоит отметить тот факт, что Афина была не земной женщиной, а жительницей Олимпа. Особое почитание Афины не отражалось на более уважительном отношении к земным представительницам женского пола.

Несколько иным было отношение к женщине в Риме. Она была уважаемой в доме, имела возможность появляться в публичных местах. Римское право предусматривало возможность образования для женщин [4]. Также в Древнем Риме существовало особое отношение к женщинам весталкам (жрицам Богини Весты). Они имели уникальный на тот период для женщины статус: в иерархии стояли выше большинства мужчин и пользовались почетом и уважением. Человек, оскорбивший весталку, мог быть приговорен к смертной казни. Девушки-весталки были освобождены от отцовской власти, имели право на собственное имущество. До завершения своей службы обязаны были оставаться девственницами. Предполагается, что весталки исполняли некие обряды, сохраняя таинство от непосвященных [11].

Несмотря на то, что женщина-весталка занимала высокое положение в обществе, получить эту должность стремились не многие. Подтверждением этому может свидетельствовать тот факт, что традиционно девочки, из которых производился отбор будущих весталок, должны были происходить из патрициев, однако из-за нежелания патрицианских семей отдавать на 30 лет своих дочерей в служение богине Весте, к этой миссии стали допускаться плебеи, а позже – все свободные граждане.

Если рассматривать положение женщины на Востоке, то здесь также прослеживается её зависимое от мужчины положение. Например, в древнеиндийском обществе по законам Ману женщина не воспринималась самостоятельно, неотделимо от мужчины: либо она зависела от отца, либо после того, как её выдавали замуж, от мужа. Права выбора мужа женщина не имела. Это подчёркивается наличием способов заключения брака через похищение невесты [12]. В средневековый период существования индийского общества, когда происходит сильное влияние на него мусульманской культуры, положение женщины не меняется. Индийская женщина остаётся собственностью мужчины, не имеет права распоряжаться своей жизнью и, соответственно, жаловаться на неё. Примером такого зависимого положения может служить обряд Сати, который предполагает прилюдное сожжение вдовы вместе с умершим мужем [13].

Христианство, зародившееся в провинции Рима Палестине, противопоставляя себя античному языческому миру, принесло новое отношение к женщине и к женскому образу. Согласно христианской теологии, женщина, так же как и мужчина, несет в себе образ Божий. Это означает, что женщина имеет равные с мужчиной возможности спасения души и служения Богу. Культурная трансформация отношения к женщине в рамках христианства зафиксирована в канонических книгах (книги Нового Завета) и в апокрифической литературе (среди которых можно выделить книги, не признанные каноном, но разрешенные для изучения христианами, так как в них не содержалось расхождений с догматическими нормами: Деяния Павла и Феклы, Дидахе и др.).

Согласно Евангелию, для Христа значение имеет не пол человека, а его личность. Он называет женщин своими сестрами, так как они входят в общность Церкви. Сжалившись над вдовой матерью из Наина, Христос воскресил ее сына. Он доверил величайшие откровения женщине самаритянке (Иоан. 4:14 и далее), несмотря на господствовавшие в обществе взгляды, когда даже простая беседа с женщиной считалась позором. Позволял женщинам – Марии Магдалине, Марии матери Иакова, Саломее, Сусанне и другим – не только служить Ему (Лук. 8:1), но и уйти из своего дома и сопровождать Его во время проповедей перед народом, что было недоступно пониманию современных Ему раввинов. Принципы, на которых происходит взаимодействие Христа и женщин, бросали вызов традиционным взглядам на роль и место женщины в обществе. В качестве примера можно привести описанные в Библии слу-

чаи исцеления представительниц женского пола: «Пришел в дом Петров, Иисус увидел тещу его, лежащую в горячке, и коснулся руки ее, и горячка оставила ее; и она встала и служила им» (Матф. 9, 14–15). Этот пример особенно показателен. Во-первых, Христос публично прикасается к женщине во время разговора с нею. Во-вторых, он приглашает её в такое место в синагоге, где вход для женщин был строго запрещён. В-третьих, само обращение к больной «женщина» не типично для того времени. Иное обращение: сестра, жена – характеризовало бы её как собственность мужчины, но не в данном случает. В этом поступке Христа вызов традиционному взгляду на место и положение женщины в обществе.

Тенденция признания равного положения женщин и мужчин перед Богом сохранялась и реализовывалась и в апостольский век в период 100–125 гг. н. э., когда апостолы направлялись в другие провинции Римской империи с проповеднической миссией. В это же время упоминаются и женщины, которые активно способствовали распространению христианского учения. В пример можно привести Дамарь, которая приютила апостола Павла (Деян. 17, 34) Мариам, Трифену, Трифосу и Персиду, «трудящихся о Господе» (Римлянам 16, 6 и 16, 12), а также Фиву, «диакониссу церкви Кенхрейской» (Рим. 16, 1–2), которая должна была доставить к римлянам послание апостола. Как пишет Ф. Кириленко в своей книге «Пастырское душепопечение о женщинах», упоминание о женщинах в роли прихожанок указывает на внеполовой характер христианского учения, подчеркивает открытость его для женщин (возможность воспринимать проповеди и проповедовать) [14]. Несмотря на то, что женщины не стали апостолами и не являлись авторами текстов Нового Завета, их значение в деле укрепления и распространения христианства являлось традиционно высоким.

Изменившееся представление о женщине в христианской картине мира, не совпадающее с ранее существовавшими в культуре взглядами, не могло быстро изменить реальное положение женщин в социуме. Сам апостол Павел, осознавая, что ни общество, ни Церковь еще не были готовы воспринять новое положение женщины, как равной мужчине, прибегает к принятой в то время семейной «иерархии», считающей мужа «главой жены». А затем переходит к замечательному образу Христа – главы Церкви, мужа – главы жены. «Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь» (Еф. 5:25). Через этот образ нам показывается высший уровень отношений мужчины и женщины, превосходящий все идеологические концепции того времени: выстроенный не на законе подчинения, а на взаимном уважении и любви.

Следует подчеркнуть, что с распространением христианства возникает особое почитание Богородицы, сакрализация Ее образа. Впервые в истории происходит беспрецедентное возвышение реальной земной женщины, не принадлежащей к высокому сословию и не имеющей особого статуса в обществе (как древнеримские весталки). Образ Богородицы наделяется самыми высокими и положительными характеристиками: «Честнейшую херувим и славнейшую без сравнения серафим, без истления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу, Тя величаем» – пишется в распространенных текстах церковных молитв [15]. Признание высочайшего статуса Богородицы, бывшей по своему происхождению земным, материальным существом, более того, по человеческим меркам, более низким, чем мужчина существом, показывает ту кардинальную трансформацию в понимании сущности женщины и человека в целом, которое привнесло в мир христианство.

Таким образом, наблюдается положительная динамика образа женщины в культуре в контексте христианского учения. Согласно дохристианской ветхозаветной традиции, через женщину в мир вошло зло (Ева соблазнилась обещаниями змея и дала яблоко Адаму). В Новозаветной традиции через женщину в мир приходит спасение (Богородица стала со-участницей сакрального таинства Боговоплощения через рождение Сына Божия). Произошла своеобразная реабилитация статуса женщины в культуре через сакрализацию образа Богородицы.

Согласно определению, сакральное – это священное, святое (лат. sacre – священный, святой, посвященный божеству, неприкосновенный). В религиозной традиции сакральное – это ненарушаемое, неприкосновенное, с благоговением почитаемое. Образ Богородицы воплощает в себе любовь, целомудрие, доброту. Соответственно, любая земная женщина, воплощающая в себе такие качества как добро, любомудрие, красота, долг, спасение, чистота удостаивалась

особого благосклонного отношения христианского сообщества. Названные характеристики личности были выдвинуты христианской культурой в качестве эталонных универсалий личности как таковой и особенно личности женщины. Данный факт отмечается исследователями раннего христианства: «Особое, непохожее на традиционно-римское и иудейское отношение христиан к женщине, ее месту и роли в обществе содержится уже в литературных памятниках первоначального периода становления христианской идеологии» [16]. Следует особо подчеркнуть, что сакрализация образа Богородицы не стала единичным прецедентом в христианской культуре. Женщины, выбравшие в качестве нравственного ориентира образ Богородицы и последовавшие заповедям Христа, также могли удостаиваться канонизации – причисления к лику святых (раннехристианские мученицы, проповедницы веры, пустынницы). Эти женщины почитаются и восхваляются Церковью за сильную веру, высоконравственную духовную жизнь, за дела милосердия, особую проповедь христианского вероучения (образ Марии Египетской, как образ раскаявшейся грешницы, жития Анастасии Патрикии, Матроны Пергской, Сусанны); за просветительскую и миссионерскую деятельность, включающую в себя попытки обратить в христианство язычников (Княгиня Ольга); строительство приходов, а также основание и управление монастырями (Евфросиния Полоцкая, Анна Кашинская, Евфросиния Московская); обращение в монашество мирян (Евфросиния Полоцкая, Евфросиния Суздальская). Образы всех этих женщин становятся сакральными. Они отражают некий эталон, культурные и религиозные ожидания, которые возлагаются на женщину.

Изменение взгляда на женщину и её роль в культуре привело к значительному расширению возможностей для представительниц женского пола реализовать себя в пространстве социальной, культурной, а впоследствии экономической, а также политической жизни. Это выразилось в том, что в странах, испытавших на себе сильное влияние христианской культуры, положение женщины в значительной степени приближается к положению мужчин. Важно, что данное положение закрепляется законодательно. Особенно наглядно это можно проследить на странах европейского региона, в которых христианство доминирует в качестве основной религиозной традиции.

Результатом расширения прав и свобод женщин, организации движения в их поддержку, инициированного в христианских странах, стали целый ряд деклараций, принятых ООН в XX, а также в XXI вв: «Декларация о ликвидации дискриминации в отношении женщин» (1967 г) [17], «Декларация об искоренении насилия в отношении женщин» (1993 г.) [18], «Политическая декларация “Женщины в 2000 г.: равенство между мужчинами и женщинами, развитие и мир в XXI веке”» (2000) [19].

Также можно отметить, что на сегодняшний день женщины присутствуют в парламентах всех стран. Однако пионерами данной тенденции – предоставление возможности быть парламентарием – выступили прежде всего европейские страны, правовые основы общества которых формировались под влиянием христианских норм.

Заключение. Осуществленный анализ предмета исследования позволяет сделать следующие выводы:

– несмотря на то, что в античности существовал культ женщин-богинь (Афродита, Деметра, Венера, Геката) и высокое положение служительниц культа – весталок, – это существенно не влияло на статус обычной земной женщины, жизнь которой не была напрямую связана с культовыми практиками. Поле деятельности земной женщины замыкалось в профанном пространстве, погружая представительниц женского пола в бытовую повседневность с ее ограниченными возможностями и трудовыми тяготами.

Христианство привнесло новую духовную ситуацию в понимании роли женщины в обществе. С точки зрения христианства, женщина воспринималась как существо в духовном плане равное мужчине, способное к восприятию высших божественных истин. Особую роль в укреплении статуса женщины сыграл образ Божией Матери. Впервые в мировой истории жизнь земной женщины была сакрализована, стала примером для духовного подражания не только женщин, но и мужчин. Это событие имело большое значение для изменения представлений о природном и социальном статусе представительниц женского пола в целом.

Данный факт подтверждается тем обстоятельством, что в регионах, испытавших на себе влияние традиционной христианской культуры (таких как европейские страны, восточнославянские и другие), положение женщины в обществе максимально приближено к равному по сравнению с мужчинами, в то время как страны с иной религиозной культурной традицией (например, ислам, индуизм) по-прежнему сохраняют ярко выраженную доминантную позицию мужчин в социуме. Несмотря на общемировую тенденцию по расширению прав женщин, в отдельных регионах планеты, имеющих отличную от христианской культуры религиозную традицию, социальное положение женщины остается всё еще в значительной степени более неустойчивым и зависимым от мужчины.

Литература

1. Аристотель. Поэтика / Аристотель // LibreBook. – URL: https://librebook.me/poetics/vol1/14 (дата обращения: 24.12.2025).

2. Вардиман, Е. Е. Женщина в Древнем мире / Е. Е. Вардиман. – М., 1990. – 335 с.

3. Боннар, А. Греческая цивилизация от Илиады до Парфенона / А. Боннар. – М., 1992. – 269 с.

4. Винничук, Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима / Л. Винничук. – М. : Высш. шк., 1988. – 496 с.

5. Сергеенко, М. Е. Жизнь Древнего Рима / М. Е. Сергеенко. – СПб. : Летний Сад, 2000. – 368 с.

6. Брюле, П. Повседневная жизнь греческих женщин в классическую эпоху / П. Брюле. – М. : Молодая гвардия, 2005. – 240 с.

7. Блох, И. История проституции / И Блох // Псевдология. – URL: https://pseudology.org/Sex/BlohIogan_IstoriyaProstitucii2.pdf (дата обращения: 23.12.2025).

8. Дюпуи, Е. Проституция в древности / Е. Дюпуи ; пер. с фр. В. Зиновьева. – М. : Книж. клуб Книговек ; СПб. : Северо-Запад, 2010. – 272 с.

9. Искусство обольщения: чем на самом деле занимались гетеры в Древней Греции // Культурология. РФ. – URL: https://kulturologia.ru/blogs/090915/26191 (дата обращения: 23.12.2025).

10. Кокин, И. А. Положение женщины в греко-римском мире / И. А. Кокин // Вестн. ВГУ : Лингвистика и междунар. коммуникация. – 2008. – № 3. – С. 210–218.

11. Смирнова, О. П. Культ Весты в Древнем Риме, VIII в. до н. э. – IV в. н. э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / Смирнова Ольга Павловна ; МГУ. – М., 1997. – 17 с.

12. Ильихин, В. А. Правовое положение женщины в Индии по законам Ману и современной конституции / В. А. Ильиных, Г. А. Багирян // Молодой ученый : сб.ст. – 2018. – № 32 (218). – С. 58–60.

13. Мухаев, Р. Т. История государства и права зарубежных стран / Р. Т. Мухаев. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 863 с.

14. Кириленко, Ф. Пастырское душепопечение о женщинах / Ф. Кириленко. – СПб. : Ладан, 2006. – 80 с.

15. Объяснения церковных домашних молитв // Православие.ru. – URL: https://pravoslavie.ru/put/biblio/molitva/34.htm (дата обращения: 23.12.2025).

16. Каширина, В. В. Проблема формирования этноисторического сознания в исторической традиции России (по трудам святителя Феофана) / В. В. Каширина // Азбука веры. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Zatvornik/-feofanovskie-chtenija-vypusk-10-tom-1/5 (дата обращения: 23.12.2025).

17. Декларация о ликвидации дискриминации в отношении женщин. Принята резолюцией 2263 (XXII) Генеральной Ассамблеи ООН от 7 ноября 1967 г. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/women_discrimination.shtml (дата обращения: 23.12.2025).

18. Декларация об искоренении насилия в отношении женщин. Принята резолюцией 48/104 Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 1993 г. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/violence.shtml (дата обращения: 23.12.2025).

19. Политическая декларация. Принята резолюцией S-23/2 специальной сессии Генеральной Ассамблеи от 10 июня 2000 г. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/poldecl.shtml (дата обращения: 23.12.2025).

Гуманитарный колледж учреждения образования
«Гродненский государственный
университет имени Я. Купалы»

Поступила в редакцию 24.12.2025

Ответственный секретарь: *О.Г. Шляхтова*. Корректоры: *Е.Н. Федорова, И.А. Хорсун*

Подписано в печать 24.06.2026. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 15,58. Уч.-изд. л. 13,47. Тираж 20 экз. Заказ № 396.
Цена свободная

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013 г.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий в качестве:
издателя печатных изданий № 1/87 от 18.11.2013 г.;
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017 г.
Ул. Советская, 104, 246028, Гомель.